

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОЯЛИ

70-летие начала
Сталинградской битвы

С. 64

СТАЛИНГРАД И РЖЕВ

СЕГОДНЯ ДАЖЕ ТРУДНО СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ ТОТ МАСШТАБ человеческих потерь, которые понесли в противостоянии Сталинградской битвы Советский Союз и нацистская Германия – на ее стороне в Сталинграде сражались представители и других держав Оси. Красная армия потеряла 1 миллион 130 тысяч человек, германская армия – 1,5 миллиона. Потери в авиации, танках, артиллерийских орудиях исчислялись тысячами. Человеческая мясорубка длилась с конца июля 1942 года по 3 февраля 1943-го. Сталинградская битва по праву считается переломной в Великой Отечественной войне. Именно с нее, с этой битвы, обозначавшейся в военных сводках как операция «Уран», ценой беспрецедентных в истории человечества потерь начался разгром фашизма. Мы сейчас отмечаем 70-летие начала Сталинградской битвы.

Однако до недавнего времени в отечественной историографии сравнительно мало внимания уделялось не менее эпической – по масштабам и, главное, человеческим потерям – битве. Помимо операции «Уран» практически в одно и то же время шла операция «Марс». Она развернулась на Ржевско-Вяземском плацдарме, где Красная армия в ходе нескольких наступлений (в отличие от Сталинграда, где наступали немцы, а советские войска оборонялись) пыталась разгромить фашистские войска.

Если Сталинградское сражение канонически расценивалось – по праву – переломным для войны, то Ржевско-Вяземская операция – и вряд ли по праву – долгие десятилетия считалась «боями местного значения». Между тем ржевское направление немцы считали решающим для своего возможного второго наступления на Москву в 1942 году – зимой 1942/43 года там было сосредоточено две трети войск группы армий «Центр». Под Ржевом за более чем год почти непрерывных боев погибло почти столько же красноармейцев, сколько под Сталинградом, – 1 миллион 109 тысяч. И эти потери официальная историография долгое время как бы «притеняла» – по той простой причине, что операцию «Марс» можно было отнести к одной из самых крупных неудач советского командования в той войне: Сталин трижды, даже

вопреки мнению военных (в частности, Георгия Жукова), настаивал на том, чтобы взять хорошо укрепленный Ржев немедленно и любой ценой. А о трагических ошибках было не принято вспоминать. В 1942–1943 годах были проведены три крупномасштабные операции: Ржевско-Вяземская (8 января – 20 апреля 1942 года, потери Красной армии – 776 889 человек), Ржевско-Сычевская (30 июля – 23 августа 1942 года, потери – 193 683 человека) и Ржевско-Вяземская (2–31 марта 1943 года, потери – 138 577 человек). Ржеву долгое время не присуждали никаких почетных званий. Как бы «стеснясь» вспоминать ту кровавую мясорубку. Лишь сравнительно недавно (в 2007 году) он был наконец удостоен звания города воинской славы. Тем самым окончательно признано, что в Великой Отечественной войне не было «второстепенных битв», а подвиг всех павших в той войне вне зависимости от места его свершения – бессмертен. ■

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета

БОГДАНОВ С.И.

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор ИТАР – ТАСС

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

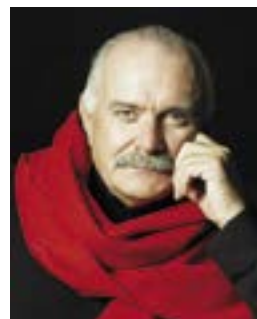
КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

МИХАЛКОВ Н.С.

Президент Российского фонда культуры

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МУХАМЕТШИН Ф.М.

Чрезвычайный
и Полномочный Посол
Российской Федерации
в Республике Молдова

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда исто-
рической перспективы,
глава отделения Не-
коммерческого фонда
«Институт демократии
и сотрудничества»
в Париже

НИКОНОВ В.А.

Президент
фонда
«Политика»
(исполнительный
директор правления
фонда «Русский мир»)

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Директор ФГУК
«Государственный
Эрмитаж»

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента
Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Министр культуры
Российской Федерации

НИЧКОВ В.В.

Директор департамен-
та международного
сотрудничества
Минобрнауки
Российской
Федерации

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления
президента Россий-
ской Федерации
по межрегиональным
и культурным связям
с зарубежными
странами

ЮРКОВ Е.Е.

Заместитель гене-
рального секретаря
Международной
ассоциации препо-
давателей русского
языка и литературы,
заведующий кафедрой
филологического
факультета СПбГУ

ЯКУНИН В.И.

Президент ОАО «Рос-
сийские железные
дороги», председатель
попечительского со-
вета Фонда Андрея
Первозванного и
Центра национальной
славы России

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамен-
та культуры аппарата
правительства Россий-
ской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Заместитель дирек-
тора департамента
Генерального секрета-
риата МИД Российской
Федерации

ШАРКОВ А.С.

Начальник департа-
мента Референтуры
президента Россий-
ской Федерации

РУССКИЙ МИР

- 06** Райское место.
Адское время
- 08** Формула
русского
как родного

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 10** Защита
Куклиса-
Рошманиса
- 14** Язык
до Брюсселя
доведеет

ИНТЕРВЬЮ

- 18** Государственный
деятель

ИСТОРИЯ

- 24** Двадцать семь.
Красное

НАСЛЕДИЕ

- 30** По ком звучит «Реквием»?

- 48** Пророк в своем
Отечестве

РЕПОРТАЖ

- 54** Ангелы с моря

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

- 58** Под покровом
воскресшего
Лазаря

- 36** И тайна вечности
спокойна и проста

- 42** Новый старый
Летний сад

МУЗЕИ

64 Память
Сталинграда

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

70 Монастырь
для солдат

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

74 Лицадей
82 Трюкачи

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Северное слияние
92 В кольце оазисов

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-54-04, 981-56-95

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Ксения БОБРОВИЧ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Дмитрий ИВАНОВ
Александр КОПИРОВСКИЙ
Марина КРУГЛЯКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
РИА Новости

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РАЙСКОЕ МЕСТО. АДСКОЕ ВРЕМЯ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

В САМОМ КОНЦЕ 2011 ГОДА В НЕБОЛЬШОМ ЧАСТНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ В ПЕТЕРБУРГЕ ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА «ПАМЯТНИКИ РОССИЙСКОМУ ВОИНСТВУ ЗА РУБЕЖОМ (XVIII – НАЧАЛО XX В.)». МАТИРОЛОГ ОБРЫВАЕТСЯ НА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ. НЕ ДУМАЮ, ЧТО ЭТА ТЕМА В РАМКАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НЕ ИНТЕРЕСНА АВТОРАМ ИССЛЕДОВАНИЯ. СКОРЕЕ ВСЕГО, СИЛ МАЛОВАТО, ЧТОБЫ ПОДНЯТЬ ВЕСЬ МАССИВ ИНФОРМАЦИИ, СВЯЗАННЫЙ С СОБЫТИЯМИ 1914–1918 ГОДОВ. УЖ БОЛЬНО ДОЛГОЙ И БОЛЬШОЙ БЫЛА ТА ВОЙНА...

ДРУГОЕ ДЕЛО, ЧТО ПОЛКУ исследователей и экспертов Первой мировой прибывает на глазах. Наряду с отдельными историками и энтузиастами с начала 90-х годов над этой темой комплексно работала только одна структура: Российская ассоциация историков Первой мировой войны. В конце 2010 года было создано Международное общество памяти ПМВ. Возникают различные центры в сопредельных государствах, некогда входивших в Российскую империю, на территории которых шли сражения Восточного фронта: в Белоруссии, Латвии, Литве, на Украине. Идут конференции и круглые столы, пополняются полки книжных магазинов...

Возложение венка к братской могиле русских солдат на военном кладбище в Больцано

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Одна из последних международных конференций на эту тему прошла в июне 2012 года в... Южном Тироле. А именно – в городе Мерано, входящем в провинцию Больцано, что в Доломитовых Альпах, на стыке Италии и Австрии. В России вряд ли заметили бы это событие, будь конференция посвящена изучению противостояния Австро-Венгерской империи и Королевства Италия в годы Первой мировой. Для итальянцев и австрийцев тема, безусловно, интересная, но нам-то что до сражений в альпийских долинах?

Еще весной 2011 года директор «Русского центра имени Надежды Бородиной – Мерано» Андрей Прусс в рамках совершенно другого мероприятия, посвященного страницам русской военной истории конца XVIII века, познакомил его участников с удивительными страницами прошлого, связанными с русской темой периода Великой войны в Южном Тироле. И организовал поездку на военное кладбище в Больцано, где среди сотен черных металлических крестов над захоронениями австрийских солдат стоит

высокий, белого камня крест, под которым в братской могиле покоятся русские воины.

Оказалось, что здесь, в Альпах, начиная с 1915 года дислоцировали десятки тысяч русских военнопленных. Из лагерей во внутренних районах Австро-Венгрии их перебрасывали сюда, в Тироле, где среди горных пиков и в глубине долин империя готовилась сражаться с Италией. Здесь строили укрепления и дороги. И строили преимущественно руками и жизнями русских солдат. Сведения пока не точны, их только собирают и обрабатывают, но уже ясно: во время Первой мировой войны в Южном Тироле погибло от 9600 до 10 с лишним тысяч наших соотечественников.

За год было сделано довольно, чтобы набрался уникальный материал для проведения научной конференции, и в июне 2012-го в Мерано собрались историки и исследователи из России, Италии, Австрии, Германии. Помощь в организации первого такого мероприятия в Южном Тироле оказали российские фонды: «Русский мир» и «Центр национальной славы России». А за

У памятника русским военнопленным Первой мировой войны в Сан-Кристине, долина Валь-Гардена

стрельщиком выступил «Русский центр имени Бородиной – Мерано». Эта организация вот уже несколько лет успешно занимается популяризацией России в альпийской Италии. Возрождает и продолжает традиции, заложенные тут в конце XIX века русской подданной Надеждой Ивановной Бородиной. Российскую сторону на конференции представляли ученые из Института всеобщей истории РАН Евгений Сергеев, Вячеслав Шаццлло, Анна Громова, Михаил Талалай и эксперт ВШЭ Денис Садовников – профессора из университетов Инсбрука, Триеста, Генуи, Падуи, Хильдесхайма, а также тирольские исследователи из различных общественных организаций. Серьезность происходившего подчеркнули своим присутствием Его Пресвященство епископ Женевский и Западноевропейский Михаил (Донсков), президент правительства автономной провинции Больцано Луис Дурнвальдер, Генеральный консул России в Милане Алексей Парамонов, мэр Мерано Гюнтер Янут. От имени соорганизаторов

конференции выступили первый вице-президент фонда «Центр национальной славы России» Михаил Якушев и директор европейских программ фонда «Русский мир», заместитель директора Института Европы РАН Алексей Громыко.

Говорили и спорили о разном. Особый интерес зарубежных специалистов вызвало то, что российские ученые открыто признали и объяснили причины, по которым Первая мировая война до недавнего времени оставалась для СССР и позже – России периодом белых пятен. Но еще большее любопытство проявилось, когда в ходе дискуссии стало понятно: положение кардинально меняется. И к дате

100-летия начала Первой мировой современная Россия собирается, как говорится, вспомнить все!

В частности, и «тирольскую историю». После конференции не осталось сомневающихся в том, что в скором времени в Южном Тироле начнут работу поисковые отряды из России, которым охотно готовы помочь специалисты из австрийского военно-исторического общества «Черный крест». И в том, что на военном мемориале в Больцано появится православная часовня.

Тем более что отправная точка уже появилась. Она расположена довольно высоко в горах, над селением Сан-Кристина в долине Валь-Гардена. Именно в этих ме-

стах зимой 1915 года русские отряды военнопленных приступили к строительству железнодорожной узкоколейки, ведущей к позициям австрийских войск. 26 километров рельсов – в скалах, при ветрах и морозах, под лавинами...

О тяжелейших условиях, в которых жили и работали русские в то время, местные жители помнят до сих пор. И передают чувства удивления и уважения к русским солдатам, которые испытывали к ним их родители, деды и бабушки.

Вероятно, именно эти чувства, передаваемые по наследству, подвигли жителя Сан-Кристины Луиса Шенка за собственный счет, без помпы и пиара установить на узкой горной

ФОРМУЛА РУССКОГО КАК РОДНОГО

АВТОР

АНДРЕЙ СЕВЕРЦЕВ

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ, ПРОШЕДШИЙ В НАЧАЛЕ ИЮЛЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ЦЕНТРЕ – ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА, СОБРАЛ БОЛЕЕ 800 ПЕДАГОГОВ СРЕДНИХ ШКОЛ ИЗ 73 РЕГИОНОВ РОССИИ.

ВЫСТУПАЯ С ПРИВЕТСТВЕННЫМ СЛОВОМ на открытии съезда, министр образования и науки России Дмитрий Ливанов наметил ряд вопросов, которые сегодня особо актуальны для учительского сообщества.

В первую очередь министр обратил внимание делегатов съезда на завершение разработки Государственных стандартов образования. Преподаватели русского языка и литературы – а это теперь единый предмет – должны, по мнению министра, активнее включаться в обсуждение проблем, связанных с введением Госстандартов. Дмитрий Ливанов сообщил, что Минобрнауки намерено и впредь

оставаться «открытым» министерством, где все решения могут и должны обсуждаться общественностью.

Особое внимание министр уделил проекту, который вскоре получит наименование «100 книг». Идея президента России Владимира Путина, высказанная им во время предвыборной кампании в одной из программных статей, касается книг, которые школьники должны прочесть помимо обязательных. Правда, многим непонятно, кто должен формировать список и, если этот набор литературных произведений должен изучаться, как говорится, вне школьной программы, чем не устраивают нынешние подборки литературы для вне-

классного чтения? Но, несмотря на скепсис критиков относительно самого списка, вряд ли кто осмелится отрицать тот факт, что молодое поколение россиян читает сегодня значительно меньше, чем их предшественники.

И еще один момент, на который обратил внимание делегатов министр образования. Роль учителя русского языка традиционно значительно масштабнее, чем преподавателей ряда других дисциплин. Саму грамотность учитель прививает, можно сказать, на всю жизнь. «Я не помню дословно правил синтаксиса и пунктуации, но пишу без ошибок, – признался министр. – И в этом заслуга моей школьной учительницы». Но сегодня, по мнению Дмитрия Ливанова, необходим творческий поиск новых форм подготовки и переподготовки учителей...

На открытии съезда с основным докладом выступил ректор МГУ Виктор Садовничий. Это был своеобразный взгляд математика на русский язык и литературу, который докладчик предварил формулой выдающегося русского психолога Льва Выготского – «Мысль совершается в слове».

Ректор МГУ посвятил большую часть доклада истории русского языка и литературы как науки, которая была создана, по сути, М.В. Ло-

дороге монумент русским солдатам. В грубые камни двухметровой стены вделан барельеф черного металла – пленные строят узкоколейку... Сейчас эта дорожка – туристический маршрут для пеших и велосипедистов. В Сан-Кристине говорят, что многие останавливаются. На земле много мест, где сражались русские солдаты Первой мировой, где они лежат в земле. Иногда – под плитами мемориальных кладбищ, иногда – под покровом дикой травы. Чехия, Белоруссия, Польша, Молдавия, Украина, Словения, Сербия, Египет, Турция, Македония, Литва, Латвия, Германия, Австрия, Венгрия, Армения, Иран, Бельгия, Греция. Теперь – Италия...

Во Франции автору этих строк известно 38 военных и обычных кладбищ, где похоронены наши воины Великой войны.

Начало века – время военных юбилеев. В 2009 году Россия довольно неуклюже отметила 300-летие Полтавской победы Петра Великого в Северной войне. В этом году мы уже втянулись в празднование 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года. Дай бог, справимся достойно. Хотя, на мой скромный взгляд, могли бы сделать куда больше.

27 мая 2012 года президент России Владимир Путин выступал в Совете Федерации. Думаю, мало кто из сенаторов ждал, что помимо насущных политических и управлен-

ческих вопросов глава государства поднимет тему, связанную с памятью о Первой мировой войне.

Теперь, после многих лет сомнений, появилась уверенность, что у скромного петербургского издания, вышедшего тиражом 1000 экземпляров, будет продолжение. Все меньше в нашей стране неравнодушных к памяти Первой мировой войны, взорвавшей Русский мир 1 августа 1914 года. ■

Мерано – Болцано – Валь-Гардена

АВТОР БЛАГОДАРИТ ФОНД «ЦЕНТР НАЦИОНАЛЬНОЙ СЛАВЫ РОССИИ» И «РУССКИЙ ЦЕНТР ИМЕНИ Н.И. БОРОДИНОЙ» ЗА ПОМОЩЬ В ПОДГОТОВКЕ ДАННОЙ ПУБЛИКАЦИИ.

монословым. И традиции первого просветителя России, чье имя носит университет, не были забыты в течение всей истории МГУ.

Коснулся Садовничий и сегодняшних проблем. В том числе тех, что связаны с пресловутым Единым государственным экзаменом по русскому языку и литературе. Несмотря на то, что студенты, поступающие в МГУ, имеют высокий балл ЕГЭ по русскому и литературе, проблемы, о которых неоднократно говорил ректор МГУ в прошлые годы, остаются.

Отметил Виктор Садовничий и опасности, которым подвергается русский язык со стороны СМИ и интернет-сообществ. При этом он отметил любопытный момент: «Если проанализировать, откуда берутся в Интернете исковерканные до неприличия слова, безграмотности, можно сделать интересный вывод. Например, человек, пишущий в Сети «превед» вместо «привет», абсолютно точно знает, как писать это слово правильно, и тем не менее нарушает эти правила. Нарушает осознанно. Можно процитировать классика – «Нам не дано предугадать...».

Особое внимание уделил докладчик теме развития русского языка, его распространения в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Эту же тему в своем приветствии съезду развила председатель комитета Совета Федерации по науке, образованию, культуре и информационной политике Зинаида Драгункина. Она процитировала выдержку из исследования фонда «Русский мир» на тему желания граждан стран постсоветского пространства изучать русский язык. Напомним, в конце прошлого года исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов ознакомил общественность с результатами опроса жителей стран бывшего СССР. Согласно исследованию, наименьший интерес к изучению русского языка у жителей Грузии: «только» 91 процент граждан этой страны хотели бы изучать русский...

Заместитель главы Россотрудничества Игорь Морозов, в свою очередь, привел обнадеживающую статистику: ежегодно в мире и в странах СНГ растет число желающих учить русский язык. И преподавать русский как иностранный. Вместе с тем Морозов отметил и низкий уровень грамотности нынешних выпускников не только школ, но и вузов. «Нынешние молодые люди, поступающие к нам на работу, грамотностью не блещут. Словно не вузы они оканчивали, а, как говорили раньше, ПТУ». И это,

безусловно, сегодняшняя реальность.

Любопытные предложения сделал бывший министр образования и науки, а ныне помощник президента России Андрей Фурсенко. Он считает, что не следует столь эмоционально реагировать на буквы – ЕГЭ. Необходимо совершенствовать саму систему. Как? Например, президентскую идею о минимуме из 100 книг возможно развить: «Можно предложить выпускникам школ подготовить серьезное исследование о той или иной книге. Наверняка найдутся и те, кто захочет «позаимствовать» чужие работы в Интернете. Мне кажется, в этом случае не нужны антиплагиаторские программы. Нет! Выпускник должен будет не просто сдать работу, а защитить ее перед выпускной комиссией. И если он сможет убедительно передать чужие мысли – что ж, такой итог образования допустим...»

На фоне этого предложения особенно любопытен стихотворный афоризм, который употребил в своем выступлении учитель из Брянска, победитель первого в истории России конкурса «Учитель года – 1993» Олег Парамонов: «Служенье муз не терпит суеты. Тем более – технических вмешательств...» ■

ЗАЩИТА КУКЛИСА-РОШМАНИСА

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ГЛЯДЯ НА ЭТОГО ВЫСОКОГО СТАТНОГО ЧЕЛОВЕКА С ЛИХО ЗАКРУЧЕННЫМИ ВВЕРХ УСАМИ И ДОБРОЙ УЛЫБКОЙ НА ЛИЦЕ, ЩЕГОЛЯЮЩЕГО В ФОРМЕ МОРСКОГО ОФИЦЕРА, ТРУДНО ПОВЕРИТЬ В ТО, ЧТО ОН СТАЛ ПРИЧИНОЙ ГРОМКОГО СКАНДАЛА, КОТОРЫЙ СЕЙЧАС НАБИРАЕТ ОБОРОТЫ В ЛАТВИИ. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ МОРЕХОДНОГО УЧИЛИЩА ЛАТВИЙСКОЙ МОРСКОЙ АКАДЕМИИ ГЕОРГ КУКЛИС-РОШМАНИС – ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛАТЫШСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, КТО НЕ ПОБΟЯЛСЯ ПОДПИСАТЬСЯ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ РЕФЕРЕНДУМА ПО ПРИДАНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО. А НАКАНУНЕ ЯЗЫКОВОГО ПЛЕБИСЦИТА В ИНТЕРВЬЮ ТЕЛЕКАНАЛУ RUSSIA TODAY ПРОИЗНЕС СЛОВА, ИЗ-ЗА КОТОРЫХ ОН ТЕПЕРЬ МОЖЕТ ПОТЕРЯТЬ РАБОТУ...

ЧТО ЖЕ ТАКОГО КРАМОЛЬНОГО сказал латышский педагог российским журналистам?

Впрочем, своего критического отношения к процессам, происходящим в Латвии, бывший кадровый офицер и до этого никогда не скрывал, откровенно высказываясь на страницах местных русских СМИ и по языковым вопросам, и по поводу отношения властей к ветеранам войны, к памятникам истории и культуры. «Во время Атмоды (движение за независимость Латвии. – Прим. авт.) мы с русскими стояли плечом к плечу, а теперь к ним относятся как к отходам. У них нет гражданства, нет работы. Потому я и подписан за проведение референдума», – спокойно глядя в телекамеру, произнес гражданин Латвии, «классический латыш с русской душой», как он сам себя называет. Но вскоре после выхода телесюжета обладатель старинной фамилии получил официальное письмо от ректора Морской академии, в котором ему предлагалось дать письменные объяснения по поводу его выступления по ТВ «с ярко выраженным политическим зву-

Георг Куклис-Рошманис в форме войскового старшины Союза казачьих войск России и зарубежья, членом которого он состоит уже много лет

чением, которое, к тому же, стало доступным широкому кругу зрителей». Георг Куклис-Рошманис с присущей ему прямоотой честно все написал: выразил, мол, свое личное мнение, на которое, по Конституции страны, имеет право и от которого отказываться не собирается.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

А вскоре «нелояльный» латыш еще и на 9 Мая «засветился» с цветами у памятника Освободителям Риги от немецких захватчиков. Еще бы: вид бравого морского офицера с пышными усами то и дело привлекал внимание фото- и телерепортеров... В училище коллеги ему шепнули, что кадровики уже получили из ректората указание найти подходящую формулировку для его увольнения. Но Георг не унывал, готовил свой четвертый курс к сдаче госэкзаменов: по штатному расписанию он является воспитателем (классным руководителем) группы Рижского мореходного училища, структурного подразделения Латвийской морской академии. Работает в этой должности уже пять лет. Без замечаний и нареканий. «Все мои воспитанники успешно сдали экзамены и получили дипломы по специальности «вахтенный судового штурман», ребята замечательные, думаю, их ждет прекрасное будущее, – с гордостью сказал педагог журналу «Русский мир.ру». – Мы с ними всегда отлично ладили, в группе было поровну и латышей, и русских, но проблем из-за этого никогда не возникало».

Незадолго до выдачи дипломов Куклиса-Рошманиса пригласили на беседу в кабинет к замдиректора училища. Наставнику будущих латвийских штурманов популярно объяснили, что его личные политические убеждения не соответствуют официальной государственной политике Латвии, поэтому на госслужбе ему не место. «Вы потенциально политически опасны, – безапелляционно заявила ему начальница. – Вдруг вы решите еще и учащихся повести к советскому памятнику, будете им рассказывать про 9 Мая или что-нибудь еще в защиту русских?» На его вопрос, а что же в этом плохого, замдиректора предложила строптивому латышу... переезжать в Россию, если уж ему так нравится поддерживать русских, а в Латвии, по ее мнению, работать преподава-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

телем или воспитателем в государственном образовательном учреждении он не имеет права – и точка! «Хотя внутренне я уже был готов к такому повороту событий, для меня это был шок, – признается Георг. – За что меня считают нелояльным? За то, что уважаю своих предков? Отдаю дань памяти жертвам войны и чествую победителей? Да, я возлагаю цветы к памятнику советским воинам, а к какому же памятнику я должен идти с цветами? Кого тогда здесь считают победителями и освободителями? Во всем мире признано, что нацизм был побежден Советским Союзом и его союзниками, и только в Латвии это, оказывается, не победа...». На выпускном вечере, когда его студентам вручали дипломы, их наставник старался выглядеть бодро, хотя на душе кошки скребли. Ребята то и дело подходили к нему, чтобы пожать руку, поблагодарить за

все, что он для них сделал. Они уже знали о его неприятностях, многие говорили ему, что возмущены действиями руководства академии, спрашивали, чем они могут помочь. Георг просил не беспокоиться, им же скоро идти в море, лишние волнения ни к чему... Дома родные его тоже поддерживали, в роду потомственных военных Куклисов-Рошманисов предателей и трусов не было. Его прадеды верой и правдой когда-то служили Отечеству – царской России, имена его далеких предков золотыми буквами выбиты на стене храма Христа Спасителя за победу над Наполеоном. В его роду были такие известные дворянские фамилии, как Бухи, Брызгаловы, Анненковы, Аничковы, Меркуловы, Рошманы... Оба деда Георга воевали в Великую Отечественную войну против нацизма, бабушку по линии матери ставили к стенке за отказ добровольно ехать в

На практических занятиях с курсантами

Германию на трудовую повинность. Бабушка по отцовской линии была активной участницей антифашистского Сопротивления, за что ее отправили в Саласпилский концлагерь... Сам Георг после армии работал в советские годы в органах внутренних дел, после обретения Латвией независимости служил в охране первого премьер-министра, Иварса Годманиса. Был направлен на обучение в московский Кремлевский полк, затем – в Латвийскую национальную академию обороны, до 1995 года он возглавлял почетный караул президента Латвии. Его личный состав был своего рода визитной карточкой латвийского государства, встречая и провожая иностранных президентов, премьер-министров, королей, папу римского Иоанна Павла II... Куклис-Рошманис был представлен к высшей награде Латвии – ордену Трех

Звезд, но получить его так и не успел. Вскоре в латвийской армии начались сокращения и чистки. Как говорит Георг, с приходом нового министра обороны, Гиртса Кристовскиса, политика, известного своими русофобскими взглядами, из армии начали выжимать всех, кто не считал Россию врагом и не скрывал своих взглядов. Например, из комендатуры рижского гарнизона вынуждены были уйти шесть офицеров. «Да-да, не удивляйтесь, – говорит мой собеседник. – Далеко не все военные были готовы приспособливаться под новую, антироссийскую идеологию. Я считаю, что латышскому менталитету как раз больше присущи добрые отношения к России, веками же вместе дружно жили, всегда поддерживали

друг друга в трудную минуту. Латыши славились в России своей дисциплиной и честностью. В Кремлевском полку, как только узнавали, что я из Латвии, всегда с большим уважением отзывались о латышских воинах. Просто сейчас людям «промыли мозги» русофобской политикой. Вот и я для такой Латвии, видимо, не гоюсь – классический латыш с русской душой. На самом деле нас таких много, просто у латышей не очень принято идти против течения, они предпочитают стоять в сторонке. Видимо, сказались столетия немецкой и шведской оккупации, вбили в наш народ стремление к угодничеству и поиску нового хозяина. Конечно, это плохо, наше общество должно быть активнее, тогда ультранационалисты

сами вынуждены будут отступить перед общественным мнением. Так и будет, конечно. Как говорила моя бабушка, бывшая узница концлагеря, со временем все будет хорошо, времени только жалко...».

По мнению морского офицера, сегодня ни в Латвии, ни в мире без русского языка уже не обойтись, особенно на флоте. Здесь это – язык служебного и личного общения наравне с английским. На английском идет общение между судами и с береговыми службами, а по внутренней связи команды в смешанных экипажах, состоящих из латышей, русских, украинцев, эстонцев, поляков, финнов, очень часто отдаются на русском – так всем удобнее. Поэтому его удивляет позиция некоторых латвийских политиков, которые гордятся тем, что их дети не знают русский язык и не хотят его учить. А зря – в жизни бы очень пригодилось!

Сейчас преподаватель мореходки находится в отпуске, по возвращении из которого, как ему сказали, его ждет уведомление об увольнении под каким-нибудь благовидным предлогом, вроде модного сейчас слова «оптимизация». Найти другую работу в 51 год да еще с такими убеждениями в Латвии ему будет непросто. Но «неправильный» латыш ни о чем не жалеет, говорит, что действовал по совести, по-другому жить – себя не уважать. «Почему я должен молчать? – недоумевает он. – Меня возмущает отношение властей к русским жителям Латвии, и я считаю ненормальным, когда около половины населения страны выключены из жизни. С их мнением никто не считается только потому, что они – меньшинство, они не участвуют в принятии даже тех решений, которые их напрямую касаются. Разве это демократия? Нет, это настоящая диктатура! Диктатура большинства, и она приносит огромный вред, потому что, чувствуя себя чужими, люди теряют всякое желание работать на благо этой страны».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Кто хотел бы поддержать человека, вставшего на защиту русского языка в Латвии, могут отправить по почте такую открытку в Министерство образования Латвии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

За опального латыша активно заступилась почти вся русская пресса Латвии и общество «Родной язык» – инициатор проведения языкового референдума в стране. Ее лидер Владимир Линдерман организовал акцию в защиту Куклиса-Рошманиса, в ходе которой всем, кто готов заступить за честного человека, предлагается отправить открытку министру образования Латвии Роберту Килису с требованием прекратить охоту на ведьм в подведомственном ему учреждении. Уже роздано более 2 тысяч открыток, которые подписали в числе прочих известные в обществе люди – преподаватели университета, экономисты, писатели, журналисты, спортсмены. Как рассказал журналу «Русский мир.ru» Владимир Линдерман, министр образования, который придерживается демократических взглядов (так, он выступает за высшее образование на трех языках – латышском, русском и английском), уже обратил внимание на этот случай.

Лето 2012 года.
Опальный наставник со своими воспитанниками – с надеждой на лучшее

– Выступая по радио, он нас пожурил за то, что открытка написана только на русском языке, – рассказал организатор акции. – Но обещал все лично проверить и, если действительно педагога хотят уволить за его политические убеждения, вмешаться. Думаю, для нынешнего правительства это позитивная тенденция, они хотя бы уже идут на диалог. Если нашу акцию поддержит как можно больше людей, то властям придется как-то на нее отреагировать. Мы знаем, что после референдума кое-где началось закручивание гаек, по общеобразовательным учреждениям прокатилась волна языковых проверок с последующими репрессивными мерами. Что ж, значит, нам надо тоже показать, что мы способны на солидарность. Это можно делать по-разному, например после опубликования русофобских высказываний владельца одной хлебобулочной в Интернете распространили призыв ко

всем русским игнорировать его товар, как и не покупать в магазинах другие товары, на которых заклеены надписи на русском языке или их нет вообще. Не ходить в рестораны, если там нет меню на русском, и т.п. Но мой жизненный опыт показывает, что люди охотнее откликаются на кампании, в которых есть призыв за – например, за 9 Мая, за русский язык, за неграждан. Я бы призвал поддержать тех предпринимателей, которые, не нарушая закон, пишут названия товаров и аннотации к ним на русском языке. С нашей стороны это своего рода принуждение к равноправию мирным путем – чисто экономическими мерами. Общество «Родной язык» предлагает всем честным и равнодушным людям поддержать акцию в защиту Куклиса-Рошманиса, заступившегося за своих русских соотечественников, и отправить эти открытки министру образования Латвии. ♡

ЯЗЫК ДО БРЮССЕЛЯ ДОВЕДЕТ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ВО ФРАНЦИИ И ФРАНКОГОВОРЯЩИХ ЧАСТЯХ БЕЛЬГИИ И НИДЕРЛАНДОВ СТАРТОВАЛА НЕОБЫЧНАЯ ИНИЦИАТИВА: НАЧАЛОСЬ ТЕСТОВОЕ ГОЛОСОВАНИЕ ПО ВОПРОСУ ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ОФИЦИАЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ ЕВРОСОЮЗА. ЗАЧИНАТЕЛЕМ НЕОЖИДАННОЙ И, КАК ПОЛАГАЮТ МНОГИЕ ЭКСПЕРТЫ, РИСКОВАННОЙ, НО ЗАКОНОМЕРНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ВЫСТУПИЛ СОЮЗ РУСОФОНОВ ФРАНЦИИ, СОЗДАННЫЙ В 2006 ГОДУ.

— **Т**ЕРМИН «РУСОФОНИЯ» мы позаимствовали от общепринятого французского понятия «франкофония», — говорит президент Союза русофонов Франции (СРФ) Ирина Кривова. — А стремление придать русскому статус одного из системных европейских языков ЕС мы считаем логичным: на нем говорит не только Европа, но и почти весь мир. Это — язык международного общения, что мы и предлагаем закрепить в документах ЕС. Такой статус облегчит изучение и преподавание русского языка в Европе, а также обращение в структуры ЕС на родном языке. Ведь мир русофонии включает в себя не только соотечественников, но и всех тех, кто говорит по-русски. Это граждане СНГ и Балтии, а также те коренные местные жители, например, Франции, Испании, Германии или стран Восточной Европы, что изучали русский язык или используют его в личных либо профессиональных целях.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ В БРЮССЕЛЬ

Как признает Ирина Кривова, сторонникам придания русскому языку официального статуса в Евросоюзе предстоит длинный и тернистый путь. Прежде чем официально обратиться в Еврокомиссию с изложением доводов в пользу своей инициативы, СРФ надо собрать как минимум 1 миллион голосов в свою поддержку. Чем французские русофоны и заняты: ими составлена и выложена в Интернете петиция, в которой они обращаются к 7-миллионному русскоговорящему миру Европейского союза и тем, кто использует русский язык в деловой и научной практике, с просьбой проголосовать за или против идеи придания русскому языку официального статуса в структурах и документообороте ЕС. Пока голосование идет только в трех странах — Франции, Бельгии и Нидерландах. Но, как признают в СРФ, гражданская инициатива возлагает большие надежды на республи-

ки Балтии, Чехию и Германию, где сосредоточена значительная часть русского и русскоязычного населения. Подключение этих стран к голосованию планируется с октября 2012 года.

— К тестовому голосованию мы подходим основательно, — объясняет вице-президент СРФ Дмитрий Кошко, — ведь оно, как лакмусовая бумажка, определит наши шансы на успех. Признание русского языка в ЕС поможет нам в деле защиты преподавания русского языка, который сегодня не в почете и в странах Балтии, и в Министерстве образования Франции. Его преподавание сокращается. А изучение русского языка хотя бы на прежнем уровне в будущем поможет русскоговорящим согражданам, в том числе в регионах ЕС, где они являются меньшинствами «по рождению», обращаться на их родном языке в учреждения ЕС. Это облегчит различные обмены между разными национальностями внутри Европы и окажется фактором, способствующим интеграции и примирению, как, например, в Бельгии, где между русскоговорящими фламандцами и валлонами нет проблем.

Правда, в СРФ признают, что изучение русского языка во Франции сокращается. Пик падения интереса к нему пришелся на 2001/02 учебный год. С 2004 года число изучающих русский язык во Франции продолжало уменьшаться, но впервые замедлились темпы падения. А с 2008 года начался медленный рост числа изучающих русский язык, но не за счет русскоговорящих, а за счет коренного населения. Их совокупное количество характеризуют следующие цифры: в государственных учебных заведениях в качестве первого иностранного языка русский учат 3395 человек, второго — 3833, третьего — 4784. Или, в целом, — 12 015 школьников и студентов. В частных школах и вузах — 14 570 человек.

— Цифры небольшие, но и неполные и нерепрезентативные, — считает почетный председатель Союза русофонов Франции Петр

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

Шереметев. – И во Франции, и в Германии значительная часть русских общин изучают родной язык дома или на специальных курсах еще до школы или параллельно с ней, чего не учитывает статистика. Тут важнее учитывать то, что в разных странах ЕС сегодня насчитывается более 7,3 миллиона русскоговорящих (русофонов). Русские не только сосредоточены в исторически сложившихся центрах, например в странах Балтии, но и разбросаны по всему Европейскому союзу. Именно поэтому мы считаем, что русский язык – это не местный или автономный язык определенных стран ЕС. По своей сути и амбициям он является региональным или, возможно, международным языком в рамках ЕС, что и должно быть отражено в языковой структуре Евросоюза.

ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК

При этом представители СРФ особо подчеркивают, что они ни в коем случае не претендуют на то, чтобы русский язык отнял часть функций у «оонового или еэзовского английского». Гарантия такой позиции: ни в одной из европейских стран русский язык не является проводником идей сепаратизма. Напротив. Большинство экспертов-лингвистов Еврокомиссии признают, что русский язык – фактор европейской интеграции. А с точки зрения русофонов Франции, очевидно, что английский язык незаменим для ежедневного использования, но более тесное общение между людьми, принимающее во внимание их культуру и образ мышления, не может проходить без других языков-посредников. Такими в Европе и мире остаются

немецкий, испанский, французский и русский языки. «Только эти языки, в силу сложившихся исторических причин и условий, передают определенные понятия и образы, которые будут утеряны, если мы перейдем на единственный упрощенный и утилитарный язык, – убежден Петр Шереметев. – А сохранение в разговорной практике разных языков и есть конкретное проявление разнообразного и многополярного мира, в котором русский язык – это средство общения между людьми разных национальностей, в том числе внутри Евросоюза».

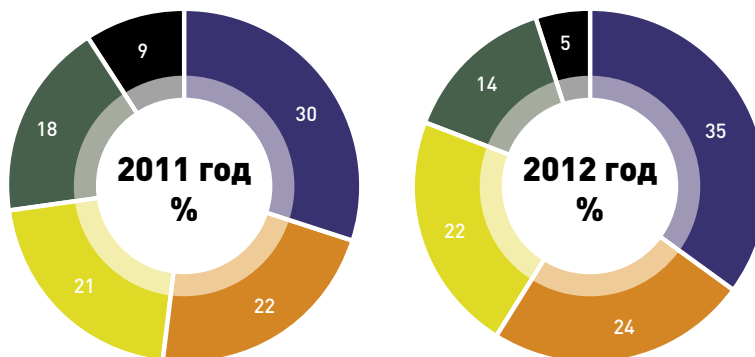
В Союзе русофонов Франции рассчитывают, что первые тестовые итоги голосования в пользу признания русского языка официальным в ЕС, которые появятся к концу 2012 года, будут обнадеживающими.

РИСКИ

Однако у этой инициативы есть несколько рисков. Первый – меняющееся отношение россиян к Евросоюзу. Если раньше россияне к ЕС испытывали однозначную симпатию, то сегодня, по данным социологического опроса DW-Trend (Германия), признаки разочарования очевидны. И хотя в 2012 году доля сторонников вступления России в ЕС увеличилась с 36 до 38 процентов, почти половина россиян (47 процентов) не поддерживают эту идею. Это на 11 процентов больше, чем в 2011 году. Теперь россияне все больше склоняются к тому, что цель ЕС – поддержка своего экономического роста (55 процентов опрошенных) и территориальное расширение (40 процентов). При этом меняется самооценка россиян и оценка имиджа своей страны в глазах европейцев. Тут скепсис растет такими темпами, что росту популярности русского языка в Европе он никак не поможет. Например, большинство считает, что европейцы Россию воспринимают прежде всего как поставщика энергоносителей и дешевой рабочей силы. Доля тех, кто в этом уверен, выросла с 30 процентов в 2011 году до 35 процентов в 2012-м. А 22 процента придерживаются еще более скептических взглядов. Они уверены, что Россию в Европе воспринимают как непредсказуемую державу с имперскими амбициями. Правда, по сравнению с 2011 годом число тех, кто разделяет эту точку зрения, почти не изменилось. Таким образом, за последние месяцы Россия, по мнению участников исследования, не смогла улучшить свой имидж в Европе. Что, как признают в Союзе русофилов Франции, не повышает шансы их гражданской инициативы.

Второй риск, поджидающий сторонников придания русскому языку официального статуса в ЕС, – разработанная и принятая Еврокомиссией в 2011 году концепция «личного приемного языка». Ее инициатором и горя-

Оценка россиянами имиджа России в странах ЕС

- Поставщик сырья и дешевой рабочей силы
- Стратегический партнер
- Непредсказуемая держава
- Глобальный игрок
- Затруднились с ответом

ИСТОЧНИК: DW-TREND.

чим сторонником был комиссар ЕС по языковым вопросам Леонард Орбан. По этой концепции, каждому гражданину Европы рекомендовано наряду с английским учить родной язык и еще один европейский, чтобы познакомиться с культурой соседей. То есть в школах и вузах уже изучаются не только английский, но и «приемные языки», включая русский. Это, по мысли Еврокомиссии, способствует сохранению многоязычия.

– Поэтому инициатива франкофилов может иметь разные последствия, – полагает профессор языкознания Свободного университета Берлина Юрген Трабант. – С одной стороны, именно концепция «личного приемного языка» дала юридическое право на законодательную инициативу по изменению статуса русского языка в рамках ЕС. С другой стороны, инициатива вполне вписывается в концепцию «личного приемного языка», что не требует дополнительного придания русскому языку официального статуса в ЕС. Он и так признан европейским и автономным языком Евросоюза. Что же касается инициативы придания русскому

языку статуса официального языка ЕС, то это потребует пересмотра его нынешнего статуса – с автономного до регионального языка Евросоюза. Это длительная и технически поэтапная процедура в рамках Еврокомиссии. К тому же возможный пересмотр уместен при впечатляющих итогах тестового голосования и во многом будет зависеть от последующей готовности России участвовать в росте и расширении изучения русского языка в странах ЕС.

ОЖИДАНИЕ ЗА И ПРОТИВ

Профессор Трабант считает, что, скорее всего, голосование в пользу русского языка будет успешным. Однако это вовсе не означает, что он легко получит статус официального языка объединенной Европы. Скорее всего, как полагают многие эксперты, Еврокомиссия пойдет по пути дальнейшего укоренения и развития принятой концепции «личных приемных языков». В ее рамках русский язык получит дополнительные полномочия, ресурсы и площадки для изучения – как школьные, так и университетские. Весомый аргумент в пользу этой

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

точки зрения: в целом в странах ЕС изучение русского языка или незначительно сокращается, или держится на стабильном уровне. А попытка Союза русофонов Франции переломить эту негативную тенденцию воспринимается как элемент культурной автономии, в границах которой русскому языку тесно. Однако на большее ему претендовать сложно по двум причинам: первая – спад изучения русского языка; вторая – господство английского языка и высокий статус немецкого, испанского и французского языков в границах ЕС.

– Все же мы хотим доказать, – говорит Ирина Кривова, – что русский – не только один из основных европейских языков, но и вектор распространения в мире разных культур, опирающихся на посредничество русского языка. Например, Казах-

Союз русофонов Франции (СРФ) создан 16 сентября 2006 года в Париже. СРФ, или Union des Russophones de France (URF), объединил руководителей и активистов общественных организаций, деятелей культуры и литературы, журналистов и преподавателей русского языка Франции. Его цель – объединение русскоговорящих людей и друзей русского языка во Франции для содействия использованию и изучению русского языка и русской культуры в ЕС.

стан, Узбекистан, Таджикистан и даже Украина вряд ли смогут без посредничества русского, испанского или французского языков познакомить мир со своей культурой и историей. Аналогичная ситуация и в странах Евросоюза. Какое общение между калмыком и каталонцем, киргизом и румыном, болгаринком и таджиком возможно без русского, испанского или французского?

Бумаги со всеми этими аргументами лягут на стол Еврокомиссии, как ожидается, в 2013 году. Еще год-два уйдут на принятие решения. Но каким бы ни был итог, в Союзе русофонов Франции убеждены – русский язык необходим как для экономического развития Европы, так и для русскоязычных жителей ЕС. Право пользоваться русским языком как родным и со временем, надеются в СРФ, как транснациональным языком общения в Европе станет элементом европейского многоязычия. И упрочение статуса русского языка, и его популяризация позволят как Евросоюзу, так и России максимально использовать экономическую и стратегическую взаимодополняемость европейских Востока и Запада. Вопрос лишь во времени, терпении и размере неизбежных затрат. ■

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЧИНОВНИКОВ У НАС НЕ ЛЮБЯТ. ЛЮБЯТ ПОТЕРПЕВШИХ ЗА ПРАВДУ, СПОРТСМЕНОВ, ЗАВОЕВАВШИХ СТРАНЕ ПОБЕДУ, ЭСТРАДНЫХ ПЕВЦОВ, ЧУДАКОВ-ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ, ПОГИБШИХ ГЕРОЕВ И ЛЮДЕЙ ШИРОКИХ, ПУБЛИЧНЫХ, БОГАТЫХ. ОДНОВРЕМЕННО – И НЕНАВИДЯТ, И ЗАВИДУЮТ, И ЛЮБЯТ – ЗА ТО ЖЕ БОГАТСТВО, ЗА САМУ ВОЗМОЖНОСТЬ ЖИТЬ «КАК ДУША ПОЖЕЛАЕТ».

ТАК УЖ УСТРОЕН РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК. А ЧИНОВНИК – что? Щелкопер, взяточник и казнокрад. Со времен Гоголя и Салтыкова-Щедрина чиновник стал вместилищем всех зол российской действительности. Нелюбовь к чиновникам, вообще к государственным людям стала определяющим феноменом русской культуры. Чехов вот, Антон Павлович, – единственный, кто попытался эту общественную нелюбовь развернуть вспять: у него и чиновник – человек. Он и страдает, и усердствует, да и небогат, в общем. Но победила все-таки генеральная линия: «Мы не пашем, не сеем, не строим, мы гордимся общественным строем...» Последнее сословие! Поэтому представить себе просвещенного чиновника, отстаивающего интересы родины на международной, скажем, арене, наш человек не может просто потому, что никогда не задумывался о такой возможности. Ну а как же Сперанский, благодаря которому Россия первой четверти XIX столетия выглядела одним из просвещеннейших государств Европы? Или, скажем, Столыпин, павший жертвой воистину роковой: останься он жив, Россия, быть может, и избежала бы краха 1917 года? Или, например, Грибоедов Александр Сергеевич, выдающийся дипломат и автор комедии «Горе от ума»? Но нам про Грибоедова-дипломата не особо известно...

Признаюсь: общее мнение по поводу распоследнего сословия долго разделял и я. Пока не произошел один казус: мой коллега по «Литературной газете» и близкий друг Евгений Кузьмин стал заведующим отделом библиотек в Министерстве культуры новой, так сказать, России. Он еще в газете втянулся в проблемы библиотек, и в результате, когда государству потребовался кто-то, кто мог бы вести библиотечное направление, выбор пал на него. Собратья-журналисты иронизировали по этому поводу, никто свою вольную жизнь не готов был променять на кресло чиновника. Но мы остались

друзьями и продолжали встречаться. Во время этих встреч выявилась и разница подходов к действительности: мое, «журналистского», и Жениного, отныне государственно-го. Я мог быть обобщенно-эрудированным и сколь угодно критичным. Женя должен был заниматься конкретным делом: тогда, в начале 90-х, Ленинка была в ужасающем состоянии, ее надо было вытягивать, и тут ни общая эрудиция, ни самая исступленная критика ровным счетом ничем помочь не могли. С удивлением открывал я для себя, что мой бывший коллега, чиновник, делает настоящее дело. Важное (ведь я сам хожу в Ленинку). Государственное. Благодаря нашим встречам для меня приоткрылся другой уровень сознания: уровень государственной ответственности. Это помогло по-иному взглянуть на все происходящее. Но стоп! Уж мнит-ся мне, что слова мои нестерпимо отдают панегириком, а товарищи мои по журналистскому цеху уже вострят по этому поводу свои неподкупные перья. Так уж повелось, что жанр, достойно повествующий о заслугах, в нашей журналистике так и не сложился. Панегирики – пожалуйста! И желающие есть. Ругать – тоже глотка не заржавеет. А вот как-то достойно отметить факт положительной работы такого-то – уввы. Хвалишь – значит, зад лижешь, деньги или должность хочешь получить. Рутаешь – молодец, борец, наш! Я и не брался поэтом за перо. Но тут опять случился казус: два года назад Евгения Кузьмина избрали председателем Межправительственного совета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». За просто так человека не станут избирать главой межгосударственной программы. В мире более 200 государств, и каждое, как легко понять, видит своего человека в председателях: это и на престиже страны положительно сказывается, и на ее международном имидже, многие тонкие материи тут подключены. И то, что россиянин возглавляет одно из направлений, определяющих развитие мировой культуры, – оно должно нормальному сознанию импонировать, приятно щекотать патриотические чувства. И что же? Ничего. Нигде это не прозвучало. И нам, в каком-то смысле, не дали погордиться. Разумеется, Программа «Информация для всех» далека от жизни обычного человека. Но мир состоит не только из простых вещей. Он, по большей части, состоит из вещей сложных, со сложными взаимосвязями. Разумеется, об этом и написать непросто. Но когда несколько месяцев назад Евгения Кузьмина переизбрали на второй срок, что-то во мне дрогнуло. Почему англичане гордятся своими министрами, дипломатами, творцами законов, а мы – ни за что не снизойдем до такой гордости? Вопрос без ответа. И мне, чтобы написать об успехах родины на культурном поприще, пришлось – ну не смешно ли – целую исповедь написать перед интервью! Но согласитесь – удивительно ведь, когда твой друг вдруг оказывается государственным деятелем...

– *Итак, Программа ЮНЕСКО «Информация для всех». С чего она началась в России?*

– С осознания сначала в ЮНЕСКО, а потом в России нашим МИДом, Федеральным агентством по печати и Министерством культуры РФ того, что мы вступили в новую информационную эпоху и что для осмысления новой реальности нам нужно сотрудничать со всем миром. Интернет создал новые информационные потоки и огромные объемы информации. За один только прошлый год информации в электронном виде в мире создано больше, чем информации во всех книгах, которые написаны за всю историю человечества. С того момента, когда появилась письменность. Тысячи лет человечество сохраняло информацию, как теперь говорят, на «аналоговых носителях» – книгах, фотографиях, рукописях, грампластинках, нотах, картах, аудиозаписях, фильмах в библиотеках и архивах. Но сегодня библиотеки, архивы, центры научно-технической информации – это только малая часть информационного пространства. Электронные технологии и Интернет перевернули мир.

– *И как все это сохранять, в каком виде, что отбирать для сохранения?*

– Как отбирать, как сохранять электронную информацию, не знает никто. И если кто скажет, что знает, – не верь! Это не только технологическая проблема. Это прежде всего проблема политическая, философская, организационная, кадровая, финансовая, этическая. Нужны научные исследования в этой области, нужны политические дей-

ствия. Библиотеки, музеи, архивы должны начать работать по каким-то принципиально новым направлениям. В университетах должны целенаправленно готовить специалистов... Человечество училось сохранять обычную информацию тысячи лет, создало для этого мощнейшую инфраструктуру: институты, политику, законы, стандарты... Для того чтобы научиться сохранять на долгие годы информацию электронную, ничего подобного сейчас нет, все надо серьезно модернизировать, и мы сейчас на ощупь делаем первые шаги.

– *По сути, мы вступили в «информационное общество», где все манипулируют всеми. Но как в нем жить?*

– Это философский вопрос, тоже абсолютно не решенный. Информации стало в триллионы раз больше, считается, что и источников ее теперь намного больше. Но ведь размножающиеся национальные и местные СМИ, сотни каналов цифрового телевидения покупают информацию – и тексты, и картинки – у двух десятков семей, которые владеют почти всеми мировыми медиа. Поэтому все СМИ кормят, по сути, одним и тем же контентом. Мыслимое ли дело – европейские интеллектуалы искренне считают события в Египте и в Ливии «арабской весной»? Но так формируется массовое сознание даже на очень «свободном» Западе.

– *И как во всем этом ориентироваться?*

– Думать. Критически относиться к ТВ и Интернету. Читать. Не забывать про библиотеки. Сегодня

молодежь и, что особенно опасно, молодое поколение управленцев, говорит: а зачем нужны библиотеки и архивы, если в Интернете есть все? Зашел в поисковик, кликнул... И что? На тебя вываливается то, к чему народ чаще всего обращается. Массовая информация. А ценная, выверенная, надежная, научная, к которой обращаются только высокообразованные люди, находится на 150-й странице. И потом, что значит: «в Интернете есть все»? Во-первых, далеко не все. Во-вторых, там огромное количество ненадежной и лживой информации, повторов, мусора, но, конечно же, есть много важного и необходимого. Кто-то должен все это сортировать, отбирать ценное, упорядочивать. Кто это будет делать? Библиотеки и архивы. Королевская библиотека Дании в автоматическом режиме мониторит и сохраняет весь датский Интернет, но все самое ценное в нем отбирает вручную. Весь архив Твиттера с 2006 года передан на хранение не куда-нибудь, а в Библиотеку Конгресса США.

– Назови три главных проекта, которые удалось осуществить до того, как тебя избрали председателем Программы ЮНЕСКО, пока ты работал в Минкульте.

– Первый – общероссийская библиотечная компьютерная сеть Либнет, благодаря которой создается сводный электронный каталог библиотек Рос-

сии и в одном месте накапливается информация о том, какие книги в стране есть, о чем они и в каких библиотеках находятся. Второй – Национальная программа сохранения библиотечных фондов. Третий – в стране создано более 10 тысяч точек доступа, где в электронном виде каждому желающему предоставляется все законодательство страны – все нормативные правовые акты Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Такого нет больше нигде в мире.

– Как ты стал председателем Межправительственного совета Программы ЮНЕСКО? Ведь сколько людей, Женя! Да и к России в мире не относятся, по-моему.

– Это произошло довольно неожиданно. Мы у себя в Российском комитете Программы «Информация для всех» чувствовали, что к этому идет, но к этому не готовились. Я работаю с ЮНЕСКО с 1992 года, когда по поручению тогдашнего министра культуры, Е.Ю. Сидорова, подготовил в ЮНЕСКО первое письмо о том, что нужен международный проект помощи Ленинке: у нашего правительства денег тогда вообще не было. В середине 90-х именно ЮНЕСКО дала мне первые, стартовые деньги на создание Либнет: в России в то время мало кто понимал, о чем идет речь, или не верил, что это у нас может быть реализовано. Незадолго до того, как меня из-

брали, генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Боква написала, что Российский комитет программы – первый в мире во всех отношениях, первый по времени создания и первый по масштабам сделанного. За год до этого, в 2009-м, по просьбе тогдашнего председателя Межправительственного совета, Кароля Якубовича, моего предшественника, выдающегося, надо сказать, человека, мы успешно провели в Москве первое международное совещание национальных комитетов Программы «Информация для всех». Это, думаю, тоже сработало.

– *А как ты стал председателем Российского комитета?*

– В 2000 году наш МИД по согласованию с Михаилом Швыдким поручил мне создать этот комитет и его возглавить. Повторяю, меня к этому моменту неплохо знали и в ЮНЕСКО, и в МИДе. Но начинали мы с полного нуля. Первым нашим «серьезным» проектом – сейчас об этом вспоминать забавно – был перевод программы с английского языка. И было совершенно непонятно, кому отдать текст на перевод, где взять на это деньги... В результате я его сам переводил, мой старший сын, первокурсник, переводил, его приятель переводил. Не было ни копейки на эту деятельность сначала. И что делать – было непонятно. Но постепенно мы стали умных людей приглашать к размышлению, к общей деятельности, проводили семинары, круглые столы. И уже в 2002 году осилили первую большую всероссийскую конференцию, которая называлась «Проблемы доступа в России к государственной, правовой и официальной информации». А потом уже появились смелость и дерзость, и было реализовано много самых разных проектов на разные темы – всемирные конференции, исследования, книги, порталы, доклады для ЮНЕСКО от имени России...

– *Это, наверное, трудная школа.*

– Знаешь, я тебе расскажу, как в 2000-м, когда программа была создана и вырабатывались ее первые документы – устав, содержание, – я участвовал в ее разработке. Как председатель Российского комитета. Ни знаний о том, как делается международная политика, ни опыта у меня не было. Зато в жизни у меня всегда находились изумительные учителя. В штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже рядом со мной сидела представительница МИДа, кадровый дипломат, которая меня курировала и учила, как себя вести. Как поднять табличку «Российская Федерация», показывая тем самым, что я хочу сделать заявление, как уложиться в регламент, потому что в зале для заседаний часы через две минуты начинают играть музыку, и, если ты не успел высказаться, тебя уже просто не слышно... Это сделано для того, чтобы все страны успели высказаться. И вот в какой-то момент она мне сказала: «Ну, Евгений Иванович, вы должны поднять табличку. Когда вам дадут слово, вы должны сказать: «Российская Федерация считает то-то и то-то...» И я

обомлел. Понимаешь, не я, Женя Кузьмин, что-то там считаю, а Российская Федерация считает, что должно быть так-то и не должно быть по-другому. Пульс у меня был 200, в горле спазмы, в ушах ухало, голова, я думал, сейчас лопнет. Это такая дикая ответственность – сказать «Российская Федерация считает». Я думал, что умру прежде, чем произнесу такие слова... И сейчас для меня это огромная ответственность – сказать «Российская Федерация считает». Но теперь, как председатель Межправительственного совета, я могу сказать, к примеру: «Бельгия, я очень благодарен вам за ваше выступление, но я считаю ваш подход абсолютно неконструктивным»... Это я к тому, что самое трудное было в начале.

ЮНЕСКО, конечно, сильно политизированная организация, по-другому и быть не может. Но там все-таки есть желание искать и находить профессиональную солидарность. И люди там работают умнейшие. Просто они обслуживают разные интересы. Дело в том, что каждая из почти 200 стран имеет свое представительство при ЮНЕСКО. Все страны разбиты по региональным группам: «Западная Европа и Америка», «Латинская Америка и Карибские страны», группа Азиатско-Тихоокеанского региона, «Восточная Европа», «Африка»... И все отстаивают свои интересы. Кто-то лоббирует интересы транснациональных корпораций. Наблюдая это, начинаешь понимать сложность мира.

– *Что изменилось для тебя с этим избранием? Программа ЮНЕСКО «Информация для всех» – это что?*

– Это пять направлений: доступность информации, сохранение информации, информационная грамотность, информационная этика и информационная политика. Плюс одна сквозная тема – развитие языкового разнообразия в киберпространстве. Все это взаимосвязанные вещи, объединенные одним благородным идеалистическим названием. Цель программы – помогать всем странам, вырабатывать такую политику развития информационного общества, которая, с одной стороны, помогала бы защищаться от угроз, вызванных новыми информационными технологиями, а с другой – помогала бы лучше использовать новые возможности этих технологий.

– *Что, по-твоему, самое важное?*

– Все важно, и все взаимосвязано.

– *Ну вот, например, языковое разнообразие – серьезная проблема. Оно мешает глобальному миру.*

– Да, тема очень болезненная и деликатная. Потому что вообще все начинается с языка. Это основа всего. В мире существует 7 тысяч языков, и они из-за глобализации, урбанизации ускоренно вымирают. По некоторым прогнозам, к концу XXI века отомрет 90 процентов языков, и с ними исчезнут знания и особая картина мира, которые заключены в этих языках. К тому же язык

является огромной ценностью для тех, кто на нем говорит... Вот представь, тебя лишают возможности говорить на русском языке и он нигде больше не используется. И ты начинаешь выражать себя плохо по-английски. Как ребенок, который не владеет богатством языка и, соответственно, богатством смыслов и форм выражения этих смыслов. Кто плохо говорит, тот плохо понимает, особенно тонкие и глубокие смыслы. Таким человеком легко манипулировать. Помимо этого язык несет уникальное знание о мире. Это – основа культуры. У чукчей, по-моему, более 70 слов, которые обозначают слово «снег»...

– *Как языковое многообразие связано с Интернетом?*

– Сегодня язык сохраняется, если только он хорошо представлен и развивается в киберпространстве. Я очень боялся этой темы – «языковое разнообразие в киберпространстве». Но в 2007 году наш МИД поручил мне написать об этом доклад для ЮНЕСКО. Три месяца я сходил с ума. Писал друзьям в Якутию, Бурятию, Карелию, Татарстан, Дагестан – дайте информацию, что у вас делается. Все, что мне присылали, я должен был переварить и выйти на обобщения. И вот тогда я понял, что у нас фантастическая страна, в которой сосуществует 100 языков. И все они живы. Правительства России – и царское, и советское, и постсоветское – всегда заботились о сохранении этих языков: создавали письменность, буквари, развивали образование на этих языках, выпускали книги, журналы, газеты, программы телевидения и радио. Сегодня в Интернете есть телетрансляции на этих языках, сайты, порталы, блоги, видеоконференции.

В 2008 и 2011 годах мы провели два важнейших международных форума на эту тему. Оба в Якутии, которая, поверь, является уникальным местом на планете с точки зрения сохранения и развития языков. Именно на этих форумах выяснилось, что за все время существования Российской империи с ее территории ушло только три языка. А с территории США – 76. Когда Россия создавала свою империю, она позволяла всем народам сохранять свою идентичность и свою культуру. В результате у нас якуты остались якутами, татары – татарами, аварцы – аварцами. В отличие от Америки, где все американцы, и там нет другой идентичности. Только – американец.

Сегодня маргинализируются все основные европейские языки, на которых создана великая мировая культура и наука: не только русский, но и французский, немецкий, испанский, португальский, итальянский. И это беда! А кто развивается? Расширяется использование английского языка, хотя и его доля в Интернете тоже сокращается из-за бурного развития китайского Интернета. Это – вопрос очень важный, потому что языки всегда были оружием политической и экономической экспансии. В чем,

например, смысл и причина вытеснения русского языка из Прибалтийских стран, из Грузии и с Украины? В том, чтобы знания на русском языке, взгляды русских на происходящее в мире не были доступны, понятны и востребованы – все наши взгляды на историю, на политику, на организацию общественной и культурной жизни, наши исторические понятия о правде, о добре, наша иррациональность, которая противостоит рациональности Запада. Они будут получать только один взгляд – англоязычный, англо-американский. И Россия для них будет чужая страна. Мы попросили японских ученых измерить, в какой мере представлен русский язык в национальных доменах стран СНГ. И что выяснилось? В казахском домене русский язык – 85 процен-

тов, в азербайджанском домене – 85 процентов. А в грузинском – 1 процент. Вытеснен русский язык. В их домене нет инструментов для того, чтобы на русском языке взаимодействовать, – нет кириллического шрифта, клавиатур на кириллице, нет соответствующих кодов, поисковых систем, словарей, тезаурусов и т.д.

– *И что в таком случае дают конференции? Они только констатируют?*

– Ведущие ученые мира из 40 стран на этих конференциях приняли резолюцию о том, что необходим всемирный саммит по проблемам многоязычия на уровне руководителей стран. Вопрос о языках должен быть поставлен в центр международных политических дискуссий. Это важнейшая проблема, которую даже интеллигентные люди не видят, и к ней должно быть привлечено внимание. Резолюция принималась всеми единогласно. Кроме одного человека – очень умного, достойного, прекрасного специалиста, – который сказал, что не может с этим согласиться. Это был американец.

– *Послушай, а ты не чувствуешь себя участником некоей международной интриги? Ведь не случайно именно американец не согласился...*

– Это не интрига. Это большая политика, невидимая миру. Языки – это только одна ниточка запутанного клубка. Таких ниточек довольно много. Другим ключевым направлением Программы «Информация для всех» является этика в информационном обществе. Как должны в киберпространстве вести себя пользователи, провайдеры, власти? Нельзя же все зарегулировать законами. В России, например, клевета в Интернете больше не является уголовным преступлением. Чуть ли не обо всех пишут черт знает что. Кто это пишет? Что, по каждому случаю расследования вести, со всеми судиться? Ни времени, ни сил, ни денег не останется. Возникают вопросы этики. У меня есть пример откровенно клеветнического сайта, который недавно был закрыт на «Яндексе», но сразу после этого вновь появился на серверах других стран, которые физически могут находиться где угодно. Информация сегодня вне национальных юрисдикций.

На словах в ЮНЕСКО все страны согласны с тем, что для глобального информационного мира должны разрабатываться принципы этики. Но когда доходит до дела, выясняется, что все отнюдь не так просто, ибо и тут затрагиваются экономические и политические интересы. Вот, например, одной из наших международных рабочих групп в рамках Программы «Информация для всех» был разработан кодекс этики для информационного общества. Почти весь мир его поддержал, все страны БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка – меня поддерживали в том, что я продвигаю этот кодекс. Но ряд стран, в основном западных, его забаллотировали. Когда составили

список тех, кто был против, меня вдруг осенило: да это же старые страны НАТО.

– *А почему они против? Не хотят никаких оценок своей деятельности?*

– Прямо об этом не говорится. Но это ведь они создали киберпространство, они и держат ключи от него, отдавать их никому не стремятся. Не хотят никаких международных документов, никаких серьезных политических дискуссий по этому поводу. Дискуссия всегда выявляет, что в киберпространстве надо что-то менять. Они и сами знают, что там не так для других, но изменяют они это только тогда, когда сами сочтут нужным и выгодным для себя. Запад, конечно, не един. Но показательно, что самые богатые западные страны выступают не только против кодекса этики и языкового разнообразия, они вообще против того, чтобы в ЮНЕСКО в принципе была такая программа – «Информация для всех». Мы работаем на стыке совершенно разных эпох... И очень разных интересов. Идет серьезная борьба за сохранение старого миропорядка. И поэтому вокруг Программы «Информация для всех» в ЮНЕСКО практически с момента ее создания тоже идет борьба.

Я очень люблю Запад. Но я русский человек. И мы тоже создали великую самобытную культуру. За нее нужно бороться. И у Запада учиться, как выявлять, формулировать, защищать и продвигать свои интересы. Они это делают мастерски, последовательно, целенаправленно и жестко.

– *Тогда последний вопрос: кем ты себя ощущаешь? Гражданином мира, который двигает современную культуру, или...*

– Скажем так: в этой специфической области я ощущаю себя организатором всемирного взаимодействия специалистов и политиков. Остро чувствую связанную с этим ответственность – как человек, который должен уважать и на самом деле очень уважает всех других с их непохожими, часто противоположными интересами. Я ощущаю себя русским на этой мировой сцене. Боюсь что-то недоделать. Русским этого не прощают. Русские не должны себе этого позволять. Я считаю, что должен продвигать достижения России – а их, поверь, очень и очень немало, – улучшать имидж России, что является одной из задач нашей внешней политики. Наша деятельность внутри ЮНЕСКО – это часть внешнеполитической деятельности России. Мы страна, которая способна и должна хотеть принять на себя ответственность за организацию конструктивного международного сотрудничества в целях решения таких глобальных проблем, которые ни одна страна в одиночку решить не может. Проблемы информационного общества – это как экология третьего тысячелетия, как экономика третьего тысячелетия – острейшая глобальная проблема... И от нас многого ждут!

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ. КРАСНОЕ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

РУЛЕТКА ВОЙНЫ ВЫБРОСИЛА ДМИТРИЮ НЕВЕРОВСКОМУ ЧИСЛО «27». ЭТОТ НОМЕР ПОЛУЧИЛА СФОРМИРОВАННАЯ ИМ ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ. С НЕЙ ГЕНЕРАЛ ПРОШЕЛ ДОРОГАМИ СЛАВЫ – С АВГУСТА 1812-ГО ПО НОЯБРЬ 1813-ГО. ОТ СРАЖЕНИЯ У СЕЛА КРАСНОЕ, ЧТО В ПОЛУСОТНЕ ВЕРСТ ОТ СМОЛЕНСКА, ДО БИТВЫ НАРОДОВ ПОД ЛЕЙПЦИГОМ, ГДЕ ПОЛУЧИЛ СМЕРТЕЛЬНУЮ РАНУ.

Д.П. Неверовский
(1771–1813).
Портрет работы
Дж. Доу.
1820-е годы

В КОНЦЕ 30-Х ГОДОВ XIX века император Николай I поручил министру финансов графу Канкрину выбрать места для

установки памятников героям Отечественной войны 1812 года. Решили так: на Бородинском поле, в Смоленске, Ковно (Каунасе), Полоцке, Малоярославце, Красном. Единый проект разработал архитектор Антонио Адамини. Все шесть монументов отлили в Петербурге на Александровском литейном заводе. Памятник в селе Красном воздвигли в 1847 году. На постаменте выбили надпись: «Битва при Красном. 3, 4, 5 и 6 ноября 1812 года. Поражение Нея». И еще одну: «Взято в плен неприятеля 26 000 человек, отбито 116 орудий». Напротив построили дом для зрителей из отставных солдат – участников Отечественной войны.

В 1931 году памятник у Красного взорвали. Причина? Конечно, мешали жить новой власти царские орлы, но и без прагматических соображений не обошлось. Тогдашний директор Смоленского краеведческого музея Палашенков позже вспоминал: «Я стоял в кабинете зампредоблисполкома тов. Клявс-Клявина. Решительным тоном Клявс-Клявин заявил, что стране нужен чугуны. В городе торчит никому не нужный с крестом и царским гербом памятник 1812 года, в соборе застлан чугуными плитами пол... Составьте акт на разборку памятника и снятие плит».

Спорить было бесполезно. Приходилось только выбирать: либо уничтожить памятник в Смоленске, либо в Красном.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Смоленский удалось сохранить. А красненский даже не стали разбирать. Просто взорвали. Видимо, нужда в чугуне уже отпала. Хотя местная легенда гласит: после взрыва остатки монумента добросовестно собрали и погрузили на баржу. Правда, пожить в чугуном все равно не удалось. Перегруженная плоскодонка перевернулась, и все добро затонуло. Все 400 тонн... Какое отношение все это имеет к генералу Неверовскому и его 27-й пехотной дивизии? Самое прямое. Крупный бой с войсками Наполеона под Красным в 1812 году приняли именно полки Неверовского. И случилось сие 14 августа по новому стилю.

Сражение под Красным. Акварель неизвестного художника. Первая четверть XIX века

Сражение под Красным. Репродукция с картины Петера Гесса

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

К началу августа 1812 года стало совершенно ясно: основные силы армии «двунадесяти языков» стремятся к Москве. По прямой. А прямая эта пролегла от Витебска, где сконцентрировались французы, к Смоленску. Как получил он когда-то прозвище «Ключ-город», так и оставался таковым. Здесь же, под Смоленском, планировали объединиться и две русские армии – Барклая и Багратиона. Еще в конце 1811 года генерал-майор Неверовский получил новое назначение. Ему предстояло проститься с Павловским гренадерским полком, коим он командовал, и переехать в Мо-

скову. Там и сформировать новую пехотную дивизию из только что набранных рекрут. Император Александр I лично благословил генерала на этот труд, добавив: «Совершенно уверен, что ты оправдаешь мое ожидание». И к тому были веские основания.

Дмитрий Неверовский родился в 1771 году в Полтавской губернии в семье дворян среднего достатка. Поначалу получал домашнее воспитание, знал языки, точные науки, проявлял склонность к военному делу. Благо рос не только в уме, но и в плечах, опережая сверстников по части физической силы. В 14 лет, благодаря протекции друга семьи, графа Заводовского, Дмитрия определили на службу в лейб-гвардии Семеновский полк рядовым. Спустя два года Неверовский бежит на войну – русско-турецкую. Определяется в службу поручиком в Малороссийский гренадерский полк. Участвует в боях. Но замечают его несколько позже, во время Польской кампании 1794–1795 годов. Сам Суворов производит Неверовского вне очереди в чин секунд-майора. Будущему генералу шел 24 год. В 1803 году в русской армии возникают так называемые морские полки. Их формируют из матросов гребных батальонов,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

надобность в которых к тому времени фактически отпала. Полковник Неверовский получает под команду 3-й Ревельский морской полк. И быстро превращает своих морпехов в одну из лучших частей армии. Что и было отмечено государем на смотре в Ревеле (Таллине) в 1806 году.

Во время службы в Ревеле теперь уже генерал-майор Неверовский создает семью. Жена – юная графиня Елизавета Мусина-Пушкина, вскоре рождается единственный ребенок – дочь.

Отменное состояние вверенного Неверовскому полка морской пехоты приводит государя к мысли доверить генералу один из лучших гренадерских полков империи – Павловский, дислоцированный в Петербурге. Что и происходит в 1809 году. ...Формирование 27-й пехотной дивизии из рекрут Московской губернии заняло у Неверовского два месяца. Затем он приступил к обучению полков по уже привычной для него методе. Памятуя о суворовской школе штыкового боя, особенно внимательно относился к тренировке навыков меткой стрельбы. В июне 1812-го, когда дивизия получила приказ выдвинуться в места дислокации 2-й армии Баграциона, в Первопрестольной ее называли «Московской гвардией».

Смоленск
18 августа
1812 года.
Литография
П. Лакруа
по рисунку
А. Адама.
1828 год

ОТСТУПЛЕНИЕ ЛЬВА

Оказавшись в действующей армии, Неверовский получил приказ выдвинуться к селу Красное. Тут, на Старой Смоленской дороге, ждали основные силы Наполеона – войска маршалов Даву, Богарне, Мюрата, Нея. Тут ждали гвардию Бонапарта. Ждать с оружием в руках поручили Неверовскому с 27-й пехотной дивизией и приданными ему несколькими пушками артиллерийской роты, Харьковским драгунским полком и считанными казачьими сотнями. 8 тысяч против десятков тысяч... Не густо!

Сейчас чего только не вычитаете на форумах любителей военной истории! Сидят люди в Интернете и рассуждают: то ли Мюрат – придурок, то ли Неверовский – примитивный

служака... Мол, спокойненько мог уйти от боестолкновения с кавалерийскими корпусами неаполитанского короля. Людей бы не потерял, пушки сохранил. Уж я бы на его месте... Уж мы бы там...

Приказ у командира 27-й дивизии был ясный: наблюдать за Оршанской и Мстиславской дорогами и стоять у Красного как можно дольше. 14 августа в 9 утра стало ясно, что просто наблюдать не получится. Казачьи разъезды уже несколько раз приносили вести: по дороге от деревни Ляды движется огромная масса войск. И вот в 10 утра эта масса появилась перед глазами. Более 15 тысяч кавалеристов из корпусов Нансути, Груши и Монбрена. А кроме того – свыше 8 тысяч пехоты и 60 орудий.

Конные колонны французов растеклись по полю перед селом и, едва успев перестроиться в боевой порядок, с ходу ринулись в атаку. Смяли эскадроны харьковских драгун, ворвались в Красное. Русский генерал понял, что село не удержать. И что самое важное впереди – удержать дорогу на Смоленск.

Еще перед боем он обратился к своим необстрелянным полкам: «Ребята, помните, чему вас учили... Никакая кавалерия не победит вас. Не торопитесь в пальбе, стреляйте метко...» Пришел час, когда слова дивизионного пришлось превращать в дела. Полки построились в каре и начали отход по Старой Смоленской дороге. Шли среди берез, высаженных когда-то по приказу императрицы Екатерины Великой. Шли, отражая одну атаку за другой.

Потерявший самообладание от неудач великий маршал Франции Иоахим Мюрат раз за разом посылал кавалерийские строи на русские каре. И раз за разом элитные полки французской конницы откатывались в стороны. Пехота Неверовского в течение пяти часов – с двух до семи пополудни – выдержала более 40 атак!

И что бы ни писали сегодня интернет-стратеги об отходе 27-й

Смоленск
20 августа
1812 года.
Литография

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дивизии к Смоленску, лучше довериться мнению тех, кто сражался тогда под Красным. Тот же Мюрат вспоминал: «Никогда не видел большего мужества со стороны неприятеля». «Это было отступлением льва», – вторили маршалу наполеоновские офицеры.

В русском лагере тоже не скупились на похвалы. Багратион писал в донесении: «Дивизия новая Неверовского так храбро дралась, что и неслыханно. Можно даже сказать, что и примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя». В штаб-квартире Наполеона царило недоумение. Бригадный генерал из свиты императора Филипп-Поль де Сегюр отмечал в мемуарах, что его государь никак не мог поверить в то, что блестящим корпусам Мюрата противостояла одна единственная дивизия русских, состоявшая из вчерашних новобранцев. Никто ранее не видел императора Франции таким потеряннным.

Французы прекратили наседать, когда уже стало темнеть. До Смоленска оставалось 25 верст.

А в самом Ключ-городе готовились к бою. Генерал Раевский располагал от силы 15 тысячами солдат. На него двигалась армада, превосходящая более чем в 10 раз. И быстрой помощи ждать было неоткуда. Всем казалось очевидным, что 8 тысяч воинов Неверовского легли под Красным.

Пятнадцатого августа в три часа пополудни с запада, у смоленских посадков, появилась пехотная колонна. Вот он, встретились в дозорах, француз! Оказалось, к городу подходят батальоны Неверовского. «Я помню, какими глазами смотрели мы на эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, покрытую потом трудов и кровью чести. И каждый штык ее горел лучом бессмертия!» – так писал о возвращении 27-й в Смоленск не склонный к лишним сантиментам боевой офицер Денис Давыдов. Под Красным дивизия потеряла до 1,5 тысячи солдат и 20 офицеров. Но оставшиеся в строю сразу влились в ряды защитников Смоленска. И еще три дня бились за древний русский город.

На поле боя под Москвой 5 сентября 1812 года. Начало сражения за Шевардинский редут. Литография П. Лакруа по рисунку А. Адама. 1830-е годы

ОТ ШЕВАРДИНА ДО ЛЕЙПЦИГА

О Шевардинском сражении, предшествовавшем Бородинскому, упоминают обычно вскользь. Стратегического смысла эта стычка не имела, весь резон – утомить француза на пару дней, чтобы успеть выстроить достойные полевые укрепления на месте главной битвы. Так оно и было. Но сие несколько не умаляет подвигов тех солдат и офицеров, что в течение целого дня сражались с врагом, обороняя Шевардинский редут. Тот самый, который французские офицеры отмечали как важный пункт обороны русских, прикрывавший левый фланг расположения армии Кутузова.

Если под Красным Неверовский увел большую часть дивизии живыми, то иная судьба была уготована ее полкам под Шевардином. Именно 27-я пехотная стояла на редуте насмерть в буквальном смысле слова.

Сам Дмитрий Петрович писал об этом по-военному скупко: «После сдачи Смоленска армии начали ретироваться к Москве.

И, не доходя 12 верст от Можайска, при селе Бородине взяли позицию. Левый наш фланг был слаб, и потому укрепили его батареями. 24 августа (5 сентября по новому стилю. – Прим. авт.) неприятель атаковал... и я был первый послан защищать батарею. Страшный и жестокий был огонь. Несколько раз брали у меня батарею, но я ее отбил обратно. 6 часов продолжалось сие сражение в виду целой армии... В сражении потерял я почти всех своих бригадных шефов, штаб- и обер-офицеров. Накануне сражения дали мне 4000 рекрут для наполнения дивизии; я имел во фронте 6000, а вышел с тремя. Князь Багратион отдал мне приказом благодарность и сказал: «Я тебя поберегу»...

Берегли 27-ю пехотную в течение полутора суток. 7 сентября грянуло Бородинское сражение. И остатки дивизии Неверовского попали в самое пекло – на Семеновские флеши. Вместе с гренадерами графа Воронцова они держались до последнего. Сам Неверовский в письмах признавался жене, что не раз вместе с полками ходил в штыковую. И вроде не стоило бы этого делать командиру дивизии, но так уж было надо.

От той половины дивизии, что сохранилась после Шевардина, тоже осталась половина. Даже меньше. Солдаты расстреляли все заряды. 1,5 тысячи человек после Бородинского сражения

отвели в далекий тыл на перформирование, а командира, получившего чин генерал-лейтенанта, вместе с графом Воронцовым отправили на простой крестьянской телеге в лазарет. Неверовский получил контузию от ударившего в руку ядра. Его походный сюртук оказался простреленным в трех местах. Едва оправившись от контузии, генерал прибыл в дивизию. Русская армия готовилась к наступлению. И 27-я пехотная вновь оказалась в гуще событий. Сражения при Тарутино и Малоярославце чего стоят! Но ведь было дело и под Красным в ноябре 1812-го, когда били маршала Нея там, где несколькими месяцами ранее обретали первую славу!

Перед Заграничным походом 1813 года государь принял кавалера ордена Святого Георгия генерал-лейтенанта Неверовского в своем штабе в Вильно (Вильнюс). При большом стечении светского народа сказал: «Дивизия ваша отличилась славою бессмертною, и я никогда вашей славы и дивизии не забуду!» Эти слова точь-в-точь процитировал офицер 27-й дивизии Дараган, служивший под началом Неверовского. И вот что примечательно: царь обыкновенно обращался к подданным на ты. А тут...

Неверовский успел отличиться и в Заграничном походе 1813 года, в частности в сражении у Кацбаха в Пруссии. К прочим

Накануне
сражения
у Можайска
5 сентября
1812 года.
Литография
П. Лакруа
по рисунку
А. Адама.
1827–1833 годы

наградам добавил высший прусский военный орден – Красног орла. Известно, что был принят и высоко оценен прусским фельдмаршалом Блюхером. Тем самым, что раньше французского маршала Груши успел подойти к Ватерлоо в 1815 году.

В Битве народов под Лейпцигом Неверовский должен был в последний раз командовать родной ему 27-й дивизией. Незадолго до этого император поручил ему сформировать 13-й пехотный корпус, сохранив при этом должность командира дивизии. Кто ж знал, что выражение «в последний раз» приобретет столь трагический смысл?

Во время боя Неверовский получил ранение в ногу. Остался в седле, даже несмотря на требование корпусного командира немедленно отправиться в тыл. Генерала смогли доставить в госпиталь только после того, как он потерял сознание. И то пришлось пойти на хитрость. Командир корпуса барон Сакен вытребовал Неверовского к себе на срочный совет. И лишь в штабе корпуса Дмитрий Петрович позволил снять себя с коня. Он жил еще несколько дней. Перенес без наркоза страшную боль во время операции по извлечению французского железа и собственных раздробленных костей из ноги. С третьей попытки все лишнее из раны убрали. Но от гангрены спасти уже не смогли. Дмитрий Петрович ушел из жизни 2 ноября 1813 года в немецком городке Галле. Последними словами генерала, находившегося уже в беспмятстве, были: «Вперед! На штыки!!!» Прошло несколько месяцев. В Галле наладилась вполне мирная жизнь. И вдруг по осени в городок вошли русские роты. По развевающимся знаменам и барабанному бою знающие сразу могли определить: идет лейб-гвардии Павловский полк. Тот самый, что назывался Павловским гренадерским, когда им командовал Неверовский. Полк свернул к местному кладбищу, где покоился прах генерала, и после поминальной молитвы

Сражение
под Лейпцигом
6 октября 1813 года.
Картина художника
В.И. Мошкова.
1815 год

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Курительная трубка
Д.П. Неверовского

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Д.П. Неверовский.
Портрет работы
неизвестного
художника.
Начало XIX века

ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТСЯ

В 1912 году, когда вся Россия праздновала 100-летие победы в Отечественной войне, прах генерал-лейтенанта Неверовского перенесли из Галле на Бо-

родинское поле. Перезахоронили гроб на Багратионовых флешах, где сражалась 27-я пехотная. Там, где стоит памятник ее солдатам и офицерам. Генерал Джунковский, участвовавший в церемонии перезахоронения, вспоминал, что в Галле прибыла депутация офицеров, служивших в полках, которыми командовал Неверовский, и что на вокзале траурную процессию провожала 8-я пехотная германская дивизия и местный гарнизон.

В плане-графике проведения торжественных мероприятий, посвященных 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года и разработанных государственной комиссией, значится: август – открытие воссозданного памятника Героям в селе Красное Смоленской области. Крестный ход, молебен, военно-историческая реконструкция, гала-концерт...

Не знаю, помянут ли на этой церемонии в Красном генерала Неверовского и его Двадцать Седьмую (27-ю), но все равно хорошо... 🎵

прошел мимо могилы в парадном строю.

Русская армия возвращалась домой. Павловцы шли походным порядком по намеченному в штабах маршруту, но испросили разрешения сделать крюк. Через Галле...

Впрочем, может быть, это были и не павловцы. Пишут, что через Галле прошла вся 27-я пехотная дивизия.

ПО КОМУ ЗВУЧИТ «РЕКВИЕМ»?

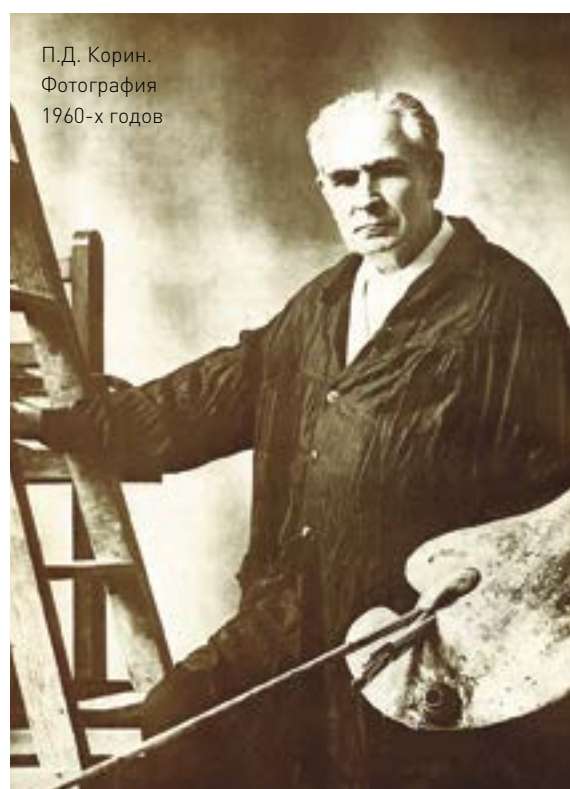
АВТОР

АЛЕКСАНДР КОПИРОВСКИЙ

РАБОТЫ ПАВЛА КОРИНА, ЕДВА ЛИ НЕ ЕДИНСТВЕННОГО ИЗ ВСЕХ ХУДОЖНИКОВ, ВИДЕЛИ В ОРИГИНАЛЕ, А НЕ ТОЛЬКО В РЕПРОДУКЦИЯХ, ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ ЛЮДЕЙ. ЭТО МОЗАИКИ НА СТАНЦИИ МЕТРО «КОМСОМОЛЬСКАЯ-КОЛЬЦЕВАЯ» И ВИТРАЖИ НА «НОВОСЛОБОДСКОЙ». ПЛАНИРОВАЛОСЬ, ЧТО ОН СОЗДАСТ И ВИТРАЖИ ДЛЯ «ДЕТСКОГО МИРА», НО ПОМЕШАЛА НАЧАВШАЯСЯ БОРЬБА С АРХИТЕКТУРНЫМИ ИЗЛИШЕСТВАМИ.

С ОЗДАННЫЕ ИМ МОЗАИКИ находятся на станции «Арбатская», на «Павелецкой-кольцевой». Им же создано мозаичное украшение актового зала Московского университета на Воробьевых горах, витражи в помещениях первого этажа высотки на площади Восстания, напротив метро «Баррикадная».

Увеличенная во много раз копия коринского портрета маршала Георгия Жукова украшает торцовую стену многоэтажного дома в Хорошево-Мневниках, у эстакады. Однако, при всей популярности этих работ, а также известных портретов его современников – художников Мартироса Сарьяна, Кукры-никсов и Ренато Гуттузо, актера

П.Д. Корин.
Фотография
1960-х годов

Рубена Симонова и еще целого ряда деятелей культуры, – их вряд ли можно назвать «чудом России». Предполагалось, что им станет огромная картина, героями которой будут совсем другие люди. Михаил Нестеров, посвященный в общий замысел этой картины и видевший этюды к ней, сказал Корину при визите в его мастерскую в марте 1934 года: «От всей души желаю, чтобы вы написали одну из значительнейших картин русской живописи».

По содержанию и форме эта картина должна была походить на «Явление Христа народу» Александра Иванова, а по размеру даже превосходить его (почти 7 х 8 м; у Иванова, напомним, – 5,4 х 7,5). Должна была...

Впрочем, обо всем по порядку.

АЙСБЕРГ

Начнем с того, что абсолютно-му большинству советских людей, в том числе и хорошо знакомых с перечисленными выше работами Корина, содержание его большой картины и то, как она писалась, было практически неизвестно. То, что лауреат Государственной (тогда – Сталинской) и Ленинской премий, обладатель Золотой медали на Всемирной выставке в Брюсселе и ордена Ленина, действительный член Академии художеств СССР, народный художник СССР Павел Дмитриевич Корин считал ее главным делом своей жизни и что она занимала основное место в его мыслях и переживаниях, – тоже. Творческое наследие художника, таким образом, оказалось чем-то вроде айсберга, большая часть

которого находится под водой. Поэтому когда в 1963 году Корин, уже обладая почти всеми вышеперечисленными «регалиями», получил, по случаю 70-летия со дня рождения и 45-летия творческой деятельности, право на первую и единственную прижизненную выставку в Москве, в залах Академии художеств, ее эффект трудно было переоценить. По свидетельству одного из посетителей, «это был удар в Царь-колокол».

Писатель Владимир Солоухин, близкий знакомый семьи Корина, опубликовал некоторые из письменных отзывов. Вот их часть.

«Жаль, что эти картины не выставлялись до сих пор».

«Почему же такое искусство показывается первый раз?»

«Ваша выставка потрясла меня. Это событие, которое можно сравнить с полетом в космос Гагарина».

«Это прекрасно и огромно. Читаешь душу русского народа. Непонятно и дико, что до сих пор этот огромный мастер так мало выставлялся и пропагандировался».

«А к Вам, уважаемый Павел Дмитриевич, убедительная просьба: не тратьте больше свои силы на отличные портреты, а тем более на работы в метро...».

«Как будто удар – физический, – после которого открывается все по-новому».

«Нужна нечеловеческая сила воли, чтобы уйти из этого зала. Дайте нам возможность постоянно видеть картины Корина!»

«Какая великая сила у художников и как обидно, что иногда до нас поздно доходит то, что мы могли бы видеть уже давно».

Подобными отзывами были исписаны две увесистые тетради. Чем же так восторгались люди, в основном – не деятели культуры, а рабочие, служащие, военные, школьники, студенты и т.д.? Мозаиками в метро? Нет, они были известны многим и раньше, к ним давно привыкли. Главной картиной? Нет. Ее на выставке не было. Огромный холст одиноко стоял в мастер-

М.В. Нестеров.
Портрет
П.Д. Корина.
1925 год

ской художника на Малой Пироговке – пустым... Этюдами к ней? Да! Хотя этюдов было написано всего 37 (у Иванова – около 600). Может быть, восторги стали следствием художественной необразованности широкой публики? Но вот отзыв известного скульптора Сергея Конёнкова: «Корин всегда был и остается выразителем чистой правды в искусстве». В те годы «чистой правдой» официально считался только соцреализм. Откуда же тогда рефреном повторяемое: «не показывали раньше – оставьте хотя бы теперь!»? Не оставили. В открытый лишь через семь лет музей-квартиру прямого доступа посетителей не разрешили, запись же на экскурсии (только организациям) была ограничена, очереди приходилось ждать несколько месяцев. Значит, если и реализм – то не соц... Что же было в основании коринского айсберга?

На холстах размером до 2 и более метров высотой и до 1,5 метра шириной (этюды оказались монументальными – под стать задуманной картине) перед ошеломленным советским зрителем стояли очевидные маргиналы – люди «не от мира сего»: православные епископы, священники, дьяконы, монахи, монахини, миряне – мужчины и женщины, нищие, калеки... И как стояли! Название картины, для которой писались этюды, – «Уходящая Русь» – выглядело рядом с этими величественными образами неестественным. Тем более что многие знали: эта Русь не ушла сама – ее последовательно и беспощадно «ушли»...

Название, и в самом деле, не было авторским. Его в защитных целях порекомендовал дать картине почитатель, покровитель и друг художника – не кто иной, как сам Алексей Максимович (или: Максим) Горький. Рекомендую это название, он сказал: «Корин! Дайте вашей картине паспорт». Авторское название для паспорта в 30-е годы, действительно, совсем не подходило – «Реквием»...

ПОЧЕМУ «РЕКВИЕМ»?

Дадим слово художнику, точнее, обратимся к его дневнику. Запись от 12 апреля 1925 года: «Донской монастырь. Отпевание Патриарха Тихона. <...> Народа было великое множество. Был вечер перед сумерками, тихий, ясный. Народ стоял с зажженными свечами, плач, заупокойное пение. Прошел старичок-схимник <...> Около ограды стояли ряды нищих. В стороне сидел слепой и с ним мальчишка лет тринадцати, <...> пели какой-то старинный стих <...> Помню слова: «Сердца на копья поднимем». Это же картина из Данте! Это «Страшный суд» Микеланджело, Синьорелли! Написать всё это, не дать уйти. Это – реквием!»

Под словом «реквием» Корин явно понимал не только католическую заупокойную службу. Для него, выходца из владимирской глубинки, иконописца-ремесленника по первому образованию, стремившегося постичь шедевры мирового искусства, это был прежде всего культурный символ, образ чего-то подлинно великого, невероятно мощного, как органные аккорды. Позже, путешествуя по Европе, он так и запишет в дневнике: «9 июня 1935. Пошли в Нотр-Дам, там шла служба (Троицын день). Вошли, помни: как органные звуки лились, когда входили, тихо, а потом нарастая, мощнее. Полумрак, цветные стекла, пение хора и эти звуки, звуки органа – великие звуки. Боже, Боже, плакала моя душа, и больно и горько мне в этот день было до последнего предела...» Характерное коринское «помни» – вместо сухого «nota bene» – будет сопровождать все самые важные места его дневниковых записей.

Впрочем, погребальный оттенок в замысле картины присутствовал. Ведь замысел родился, когда русская церковь – а на самом деле вся дореволюционная Россия – провожала в последний земной путь своего патриарха, предстоятеля в течение восьми страшных послереволюци-

онных лет, великого человека, святого (патриарх Тихон – первый после более чем 200-летнего перерыва российский патриарх, жестоко гонимый новыми властями, исповедник веры, был причислен к лику святых в 1989 году. – Прим. авт.). Основываясь на воспоминаниях об этом, Корин напишет: «Картина моя – на похоронный мотив «Святой Боже». Удары колокола. Мрачно, безнадежно... Торжественный трагизм». Значит, Горький был не так уж и не прав: художник действительно хотел показать, как он сам выразился, «последний парад православия». Но получилось по-другому. Почему? В конце жизни художник скажет: «Писал я людей большой веры и убеждений, а не фанатиков». Значит, Корин, спеша запечатлеть Русь, безвозвратно, как казалось многим, да и ему самому, уходящую (за три года до этого видная большевичка Александра Коллонтай возмущалась: «на 5-м году советской власти еще существуют церкви!»), внутренне преклонялся перед ней. А еще – потому что он поставил свой замысел на мощный фундамент национальной и мировой художественной традиции.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ. ИСТОКИ КОМПОЗИЦИИ

Один из первых наставников юного Павла Корина, преподаватель иконописного училища при Донском монастыре Клавдий Петрович Степанов, говорил ему: «Учись, милый, Рафаэлем будешь!» Но сам Корин, несмотря на глубочайшее почтение к великому итальянцу, по воспоминаниям соучеников, «всячески пропагандировал Александра Иванова, говоря, что он равен Рафаэлю». Позже Корин копировал фрагменты «Явления Мессии» в рисунке в размер оригинала – великая картина потрясла и вдохновила его, стала главным ориентиром в творчестве. Кстати, первый раз эту картину ему показал именно Клавдий Петрович. Перед ней Павел просиживал часами. И, по неслучайному, как ду-

мается, совпадению, оказался одним из тех, кто перемещал ее в 1932 году из Румянцевского музея в Третьяковскую галерею и участвовал в ее реставрационной промывке. Еще учась в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, он исполнил одну из своих небольших работ в духе Иванова, за что получил выговор от преподавателя – знаменитого «русского импрессиониста» Константина Коровина. На робкий вопрос, почему так нельзя, услышал: «Потому что Иванов – великий русский художник» (мол, не тебе чета, да и все это – далекое прошлое). Тем не менее Корин не поддавался давлению даже такого авторитета, как Коровин. Он продолжал ориентироваться на Иванова и в монументальном, «героическом» подходе к образу человека, и в кропотливой работе с натурой. Даже к пейзажам он делал несколько предварительных этюдов – представьте, каково это для бывшего палехского иконописца, который привык работать по готовым образцам! Большое количество натурных этюдов к главной картине Корина – также результат прямого влияния Иванова и его метода. Вторым предшественником и наставником, на этот раз – непосредственным, стал для Корина его старший современник, выдающийся художник Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942).

П.Д. Корин.
Портрет
М.В. Нестерова.
1939 год

М.В. Нестеров.
На Руси.
Душа народа.
1916 год

Но подражал ему Корин не в стиле, а, прежде всего, в принципиальных установках («Знаете, Корин, искусство – это подвиг!»). Еще – во внимании к натуре, причем без рабского ее копирования, с преображением в неповторимо-авторской манере. И, наконец, – в стремлении написать картину на тему, связанную с христианской верой на Руси, многофигурную, большого размера, подобно Александру Иванову. Правда, первый опыт Нестерова в этом направлении был откровенно неудачным: его кар-

тина 1901–1905 годов «Святая Русь» (Русский музей) оказалась слишком похожей на первый, академический по композиции эскиз А. Иванова с выделенной фигурой Христа на первом плане, только с русским «антуражем». То, что Лев Толстой уподобил Христа на этой картине итальянскому оперному тенору, не кажется большой натяжкой. Затем Нестеров написал второй вариант той же темы (он назывался «Путь ко Христу»), в росписях Марфо-Мариинской обители в Москве, на Большой Ордынке. Композиция получилась еще более искусственной. Третья попытка была наиболее интересной. В картине «На Руси. Душа народа» (Третьяковская галерея) Нестеров не стал изображать Христа вообще.

Правая часть картины занята огромной толпой людей. Кого здесь только нет: митрополит в древних облачениях, царь, похожий на васнецовского Ивана Грозного, почти нагой юродивый, ослепший от немецких газов молодой офицер, схимники, простые мужики и бабы, Владимир Соловьев, Достоевский, Толстой (да-да!) и еще, и еще... Весь этот людской поток, крестный ход, составляющий основу изображения, направлен к левому, пустому краю картины. Композиция построена так, что возникает впечатление: Христос где-то рядом. Бо-

лее того – Его увидели! И вот, весь народ остановился. Шедший впереди мальчик в лаптях и русской рубашке уже стоит перед Христом, остальные осторожно смотрят издали. Стоит ли встреча? Что сделает Христос: исцелит, наставит, благословит и отпустит их? Или, наоборот, – поведет за Собой? Куда? В Царство Небесное или на Страшный суд? На эти вопросы нет ответа. Нестеров хотел лишь показать поиск вечной правды всеми слоями русского общества. Картина произвела на Корина сильное впечатление, позже копию фрагмента он навсегда повесил у себя в мастерской. Можно уверенно сказать, что нестеровское полотно (его первое название – «Христиане») сильно повлияло на замысел картины «Реквием».

ЭСКИЗ... ОБРАЗ

Мысли о большой картине сам Павел Корин вынашивал долго. Ему не исполнилось еще и 20 лет, когда, как он позже вспоминал, «мне грезился некий образ, туманный и неопределенный, я мечтал сделать что-то значительное». В 1917 году сформировалось желание «написать Большую картину». Через три года появилось название – первая строчка 103-го псалма, «Благослови, душе моя, Господа», с которого начинается вечерня. Сведенный, какой образ соответствовал ему, художник не оставил, можно лишь предположить это из текста самого псалма. В нем говорится о гармонии всего творения в мире, когда тот еще не был затронут злом.

В 1925 году Корин начал поиски натуры. Первым из портретируемых, пока в карандаше, стал 107-летний, с длинной бородой старик Гервасий Иванович. Запись об этом в дневнике: «Работал с мыслью о будущей картине, еще неясно рисовавшейся в сознании» (к образу старика мы вернемся, потому что он оказался камертоном для всех будущих персонажей картины). Затем были похороны патриарха Тихона, после которых ста-

П.Д. Корин.
Старик

П.Д. Корин.
Набросок
картины.
23 x 23 см,
карандаш

ли возникать более ясные образы. По воспоминаниям ученика Корина: «Шествие в горах. Снеговые горы и идущие люди». Следующий этап замысла: в просторном пустынном ландшафте движутся из нескольких направлений потоки людей. Над центральной группой – неожи-

данно – раскрытая книга, символ христианского учения. Отцы с детьми, старик, которого несет на плечах юноша, здесь же юродивый, указывающий путь... Получалась какая-то невообразимая смесь символов и персонажей из «Последнего дня Помпеи» К. Брюллова, картин А. Иванова и М. Нестерова, росписей В. Васнецова во Владимирском соборе Киева – образ искусственный, неубедительный. А количество этюдов росло. Называть их этюдами, впрочем, можно было с большой натяжкой – создавались полноценные портреты живых людей, всегда в рост! Как их объединить?

В 1935 году, после второй поездки по Европе (обе состоялись благодаря Горькому), Корин начинает наконец работу над эскизом всей композиции. Из его письма Михаилу Нестерову: «Я здесь целый месяц на бумаге устраиваю своим хромым, слепым и убогим старикам смотр и вожу их <...> по Кремлевским соборам и площадям. Наконец, привел их внутрь Успенского собора, где они на фоне величественной архитектуры выстроились в боевом и торжественном порядке...»

П.Д. Корин.
Эскиз картины.
64 x 107 см,
акварель

...И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Прежде всего, видно, что это, все-таки, не боевой порядок. Перед нами свободно стоящие фигуры (более 40) – не войско, а невероятно разнообразный могучий хор, который звучит уже одним своим видом. Слова художника о персонажах эскиза – «хромые, слепые, убогие» – не относятся к нему. Это, вероятнее всего, лишь парафраз цитаты из Евангелия от Иоанна, конечно известной Нестерову. В ней речь шла о водоеме, у которого «лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды» (Ин 5:3) и следующего за ним исцеления. К тому же на эскизе (и в этюдах) немало людей среднего возраста и даже молодых.

Во-вторых, отметим разницу в пропорциях эскиза и большого холста. Ширина к длине относится в первом как 0,6, а во втором как 0,8, то есть эскиз значительно более сильно вытянут в длину, чем холст. Обратите внимание на даты написания эскиза: 1935–1959 годы. Корин работал над ним больше двадцати лет, как Иванов над своей картиной! Он вво-

дил в него все новые и новые фигуры, несмотря на то, что последний большой портрет-этиюд к картине был написан им в 1937 году.

В-третьих, по эскизу видно, что художник окончательно отказался от идеи шествия. Более того, в отличие от картины Нестерова, коринские персонажи не остановились в нерешительности. Они уверенны и спокойны, многие стоят лицом к зрителю. Но, вместе с тем, все они обращены к находящемуся за пределами картины Христу, Который теперь не в ее глубине, как у Иванова, не сбоку, за картиной, как у Нестерова, а как бы перед ней. Таким образом композиция, подобная ивановскому «Явлению Христа народу», в эскизе Корина оказывается развернутой на 180 градусов. Значит, как справедливо считают некоторые из авторов, писавших о творчестве Корина, персонажи его картины обращены к изображению Страшного суда на западной стене храма...

Еще раз вернемся к дневнику художника. «3 апреля 1935. Вечер. Колонный зал. «Реквием» Берлиоза. Помни «День гнева», какое величие! Вот так бы напи-

сать картину. «День гнева, день суда, который превратит весь мир в пепел». Какая музыка! <...> Этот пафос и стон должен быть в моей картине. Гром, медные трубы и басы. Этот почерк должен быть». Стоит заметить, что «Реквием» Гектора Берлиоза, написанный в 1837 году в память о жертвах французской революции 1830 года, действительно отличается, по мнению музыковедов, острым драматизмом и преувеличенностью, чрезмерной подчеркнутостью эмоции. Тем, кто хочет лучше понять замысел картины Корина, нужно обязательно прослушать его, особенно «День гнева» – «Dies irae».

И, наконец, в-четвертых: «приведение» Кориним персонажей своей картины с территории Донского монастыря, где отпевали патриарха Тихона, в Успенский собор Кремля – главный собор страны – тоже, конечно, не случайно. Есть основательное мнение, что, создавая эскиз, художник мог иметь в виду богослужение, которое было совершено в Успенском соборе перед закрытием Кремля.

*...О, самозванцев жалкие усилья!
Как сон, как снег, как смерть –
святых – всем.*

*Запрет на Кремль? Запрета нет
на крылья!*

*И потому – запрета нет
на Кремль!*

Так написала в Страстной понедельник 1918 года, то есть за неделю до Пасхи, Марина Цветаева. Но... Пасхальная литургия в соборе стала последней. Ее, вместе с многочисленным духовенством, при большом стечении народа, отслужил епископ Трифон (Туркестанов), бывший Дмитровский, викарий Московской епархии. Его маленькая фигурка в огненном пасхальном облачении хорошо видна в центре коринского эскиза. С него мы и начнем рассказ о главных героях «Реквиема» в следующем номере журнала. ■

Окончание следует.

И ТАЙНА ВЕЧНОСТИ СПОКОЙНА И ПРОСТА

Константин
Константинович
Случевский
(1837–1904).
Фотография
1890-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

КОНСТАНТИНУ СЛУЧЕВСКОМУ НЕ ПОВЕЗЛО СО ВРЕМЕНЕМ – ГЛУХИМ, НЕПОЭТИЧЕСКИМ ВРЕМЕНЕМ МЕЖДУ ДВУМА ВЕКАМИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ – ЗОЛОТЫМ И СЕРЕБРЯНЫМ. НЕ ХВАТИЛО МУЗЫКАЛЬНОСТИ, НЕ ХВАТИЛО ПОЭТИЧЕСКОГО ДЫХАНИЯ, НЕ ХВАТИЛО СРЕДЫ, ПОДДЕРЖКИ КРИТИКИ – МОЖЕТ БЫТЬ, НЕ ХВАТИЛО И УВЕРЕННОСТИ В СОБСТВЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДАРЕ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ЧИСЛЕ БЕЗУСЛОВНЫХ ГЕНИЕВ, «КРУПНЕЙШИХ» И БЕССПОРНЫХ. ОН ОСТАЛСЯ, СКОРЕЕ, ПЕРЕХОДОМ, МОСТИКОМ МЕЖДУ ДВУМА ВЕКАМИ – НЕДООЦЕНЕННЫЙ И НЕДОПОНЯТЫЙ В СВОЕМ ГОРЬКОМ И СТОИЧЕСКОМ ТРАГИЗМЕ.

ТРУДНО СКАЗАТЬ, ЧТО лучше – быть первым в деревне или вторым в Риме; кажется иной раз, что поэту в Серебряном веке было трудно: слишком много вокруг звезд первой величины, легко затеряться между ними. Но лучше ли быть неяркой и некрупной звездой на глухом и темном осеннем небе? Чего-то Случевско-

му не хватило, чтобы состояться в полной мере. Но состоялись же Тютчев и Фет в век практической полезности и позитивизма? Правда, они оба были поколением старше, успели подышать волшебным воздухом пушкинской поры, а Случевскому, рожденному в год смерти Пушкина, достался воздух уже совсем другой, тяжелей, мертвящий.

ЗАЙКА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Историк русской литературы Петр Святополк-Мирский писал: «Поколение родившихся между 1825 и 1850 годами оказалось поэтически самым бесплодным из всех в истории России. С 1860 года и до конца 70-х не появилось ни одного хотя бы средне одаренного поэта. Враги поэзии, опираясь на непреклонные факты, могли торжествовать победу своей антиэстетической кампании. Как гражданскому направлению, так и направлению «чистого искусства» нечем было похвалиться. Правда, последнее направление выдвинуло Константина Случевского (1837–1904), поэт в самом деле значительного. <...> У него было по-настоящему оригинальное видение мира – основа гениальности, и казалось, что он способен создать действительно новую, действительно современную поэзию, но ему не повезло – его деятельность пришлось на время глубочайшего падения поэтической техники, и в поэзии он так и остался зайкой». Он и в самом деле заикался в стихах: стихи его иной раз ужасают косноязычием, то намеренным, то нечаянным. Иногда не успеешь обрадоваться одной строке, как следующая напрочь убивает всю радость.

*Сколько белых, красных маргариток
Распустилось в нынешней ночи!*

*Воздух чист, от паутиных ниток
Реют в нем какие-то лучи.*

Ну что мешало не бросать здесь небрежное «какие-то», а подобрать эпитет? Но ему это не важно, кажется. О сладкозвучии он не заботится, гнет и ломает свой стих, подчиняет себе властно и равнодушно – настолько, что некоторые исследователи сравнивают его опыты с поэтическими экспериментами футуристов.

А это? «Лес полн кикимор резвых шуток»? Кикиморы резвы или их шутки? Грань между смелостью и небрежностью в его стихах неразличима; философ и поэт размышления, формой он пренебрегает, отчего острота его холодной мысли иногда размывается, чеканные формулировки прихрамывают, а чувство становится косноязычным.

МРАЧНЫЙ ГОЛОС МЕРТВЕЦОВ

С первых до последних своих публикаций Случевский был поэтом одной главной темы – смерти. Более сосредоточенного на смерти, зачарованного ею поэта в русской литературе, кажется, не найти – один Федор Сологуб тут Случевскому достойный соперник. Но если у Сологуба смерть – всегда бледное, печальное, прекрасное изображение от ужаса жизни, то в лирике Случевского мы найдем целый учебник смертведения: болезнь, умирание, кладбище, загробная жизнь, призраки и привидения... Разумеется, во времена, когда в литературе главенствовали соображения общественной пользы, а в поэзии, с Некрасовской подачи, царила муза мести и печали, вся эта теоретическая и прикладная танатология мало кого могла увлечь. Уже в самом начале поэтического пути задиристые демократические критики жестоко высмеяли Случевского, и начало вышло скомканным. Но все по порядку. Родители его были помещики из Черниговской губернии. Отец одно время служил полицмейстером Петербурга, затем занимал высокий пост в Министерстве финансов, был тайным советником и сенатором. Юноша учился в Первом кадетском корпусе, окончил его с отличием. После выпуска из корпуса в 1855 году он поступил прапорщиком в Семеновский полк, из которого довольно скоро перешел в лейб-гвардии стрелковый Его Императорского Величества батальон. Самые ранние из известных его произведений датированы 1857

К. Случевский
в форме офицера
Семеновского
полка. 1855 год
(из журнала
«Новый мир»,
1899, №3)

Санкт-Петербург.
Здание Первого
кадетского
корпуса (дворец
А.Д. Меншикова).
Фотография
конца XIX века

годом. В этом году он съездил за границу – в Италию и Францию; отсюда в его ранних стихах образы оживающей античности. Автору было уже 20 лет, и стихи его уже довольно взрослые и крепкие. В них и жизнь, и радость от музыки, от созерцания природы, от собственной силы – и философская печаль, и надежда на иную жизнь:
*И в зарослях твоих, безмолвных
и густых,
Одна надежда есть, одна –
на обновленье:
Субботний день к концу...
Последний из твоих.
А за субботой что? Конечно,
воскресенье.*

А двумя годами позже 22-летний офицер описал в ехидных стихах свои будущие похороны:
*Я видел свое погребенье.
Высокие свечи горели,
Кадил непроставшийся дьякон,
И хриплые певчие пели.*

Кончается все тем, что «объелись на сытных поминках родные, лакеи и гости».

Литературного дебюта Случевского никто не заметил. Первые его стихи и переводы из Байрона, Гюго и Барбье вышли в журнале «Общезанимательный вестник» в 1857 году, подписанные инициалами «КС». На вторую публикацию, в «Иллюстрации» в 1859 году, тоже никто не откликнулся. В «Иллюстрацию» его стихи и рассказ («Возвращение покойника», между прочим) сосватал поэт Мей, чей литературный кружок Случевский стал посещать.

В 1859 году Случевский поступил в Академию Генштаба. А в 1860 году неожиданно для автора его стихи появились в Некрасовском «Современнике». Приятель Случевского по литературному кружку Всеволод Крестовский передал его стихи знаменитому критику Аполлону Григорьеву. «Григорьеву стихотворения мои очень понравились, – вспоминал поэт. – Он просил Крестовского привести меня к нему, что и было исполнено. <...> Покойный критик был, по обыкновению, навеселе и начал с того, что обнял меня мощно и облобызал. Затем он потребовал, чтобы я прочел свои стихотворения. Помню, как теперь, что я прочел «Вечер на Лемане» и «Ходит ветер избочась». Григорьев пришел в неопишуемый восторг, прекрек мне «великую славу» и просил оставить эти стихотворения у себя. Несколько дней спустя, возвратившись с какого-то бала домой, я увидел, совершенно для меня неожиданно, на столе корректуру моих стихотворений со штемпелем на них – «Современник», день и число». Григорьев был известен своей позицией, резко противоположной демократическому направлению Некрасова и Добролюбо-

ва, и неумеренностью восторгов. Павел Анненков вспоминал: «Едва А. Григорьев завидел меня в дверях кабинета, как вскочил с дивана, где сидел, и, указывая мне на своего соседа, молодого морского офицера очень скромной и приличной наружности, торжественным и зычным голосом воскликнул:

«На колени! Становитесь на колени! Вы находитесь в присутствии гения!» Молодой офицер был поэт Случевский, никому тогда не известный. Он покраснел и не знал, что делать от смущения. Поднявшийся Тургенев тоже проговорил: «Да, батюшка, это будущий великий писатель». Григорьев довольно скоро опубликовал свои восторги: «...Давно, давно неизведанное физическое чувство испытывал я, читая эти могучие, стальные стихи!.. Да! Стальные... блестящие, как сталь, гибкие, как сталь, с лезвием, как сталь... Тут сразу является поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт... а коли уж на кого похожий – так на Лермонтова... Да! Это не просто высокодаровитый лирик, как Фет, Полонский, Майков, Мей, это даже не великий, но замкнутый в своем одиноком религиозном мирозерцании поэт, как Тютчев...»

Все это чрезвычайно повредило молодому поэту. Демократы, задававшие в литературе тон, увидели в нем чужака и сделали из его стихов удобную мишень для упражнений в остроумии. Знаменитые Курочкин и Минаев, поэты сатирического журнала «Искра», смеялись над начинающим стихотворцем, высмеивая и стиль его, и темы: видения древнего Рима и Мемфиса, лежание на кладбищенской доске, под которой копошится мертвец и хочет на волю... Доставалось ему даже за его поэтический словарь, далекий от привычного абстрактно-лирического арсенала с непременными ночами, звездами и ветрами. Ветер у молодого поэта, вместо того чтобы веять, как положено всякому приличному ветру, ходил по Неве

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«избочась» и порошил снегом калачи у «бабы кривобокой»; Курочкин назвал эти стихи «бесмыслицей». А уж чудесных, на нынешний взгляд, жуков, которые в полете сталкиваются лбами, ему поминали еще несколько лет. Стихотворение «Мои желанья», где Случевский неосторожно проговорился о своем заветном – о желании найти девушку с ясными глазами и косой и хороших понимающих друзей, путешествовать, изучать мир и жизнь, а умирая, передать все, чему научился, другим людям, – настолько рассмешило Добролюбова, что тот откликнулся пародией в «Свистке»... Все происходящее имело характер «неистойвой травли», по выражению самого поэта. Он просто подвернулся под руку; несовершенства его стихов, мнимые или реальные, оказались удобным аргументом в битве титанов – левых с правыми – за идеалы искусства ради общественной пользы или искусства ради искусства. Случевского заклали во имя общественной пользы. Он был совершенно не готов к такой свистопляске, критика была и болезненна, и оскорбительна – не только по человечески, задевала она и его офицерскую честь.

Вид на
Гейдельберг.
Конец XIX века

Одновременно разворачивалась личная драма: уезжала за границу его любимая женщина, переводчица Наталья Рашет, молодая, красивая и разведенная. Чтобы быть с нею, осенью 1860 года он вышел в отставку и уехал за границу. Еще одной важной причиной отъезда стало желание учиться; следующие несколько лет он провел, слушая лекции в университетах – в парижской Сорбонне, в Лейпциге, в Берлине. Степень доктора философии Случевский получил в Гейдельбергском университете в 1865 году. Он вообще немножко немец в русской поэзии – с его брутальной формой и мрачной глубиной тяжелой мысли; широко известно и его увлечение Шопенгауэром. За границей он провел несколько лет, принимая самое деятельное участие в жизни русского студенчества в Гейдельберге. Как сообщает автор биографии Случевского Елена Тахо-Годи, «он стал в 1862 году одним из основателей тамошней знаменитой русской читальни, где помимо книг немецких материалистов на первом плане были запрещенные русские книги, брошюры и газеты, в том числе герценовские «Колокол» и «Полярная звезда». Все это время он состоял в переписке с Тургене-

вым, добрые отношения с которым стали постепенно портиться. Причиной этого была Рашет. Сергей Маковский рассказывал со слов дочери Случевского Александры: «Влюбился он по уши и мечтал о браке. В те годы дружил с ним И.С. Тургенев, которого он поспешил представить своей «невесте». На свое горе! Рашет, продолжая очаровывать влюбленного студента, решила за его спиной покорить Тургенева, «скрепив шпаги» с Виардо... Но все узнается. Случевский тяжело пережил двойное «предательство» – и любимой женщины, и старшего друга и покровителя. Хотя и не удалось Рашет серьезно увлечь Тургенева, рана, нанесенная Случевскому ими обоими, не зарубцевалась никогда». Тургенев после этой истории стал отзываться о Случевском все более зло – хотя охлаждение между ними началось уже давно – и вскоре изобразил его в своем романе «Дым», где от него жестоко досталось всему гейдельбергскому кружку. Полина Виардо писала, что именно Случевский стал прототипом Семена Ворошилова. Ворошилов – человек совершенно никудышный, болтун, который к стати и не к стати демонстрирует свою эрудицию. В этом ядовитом описании была некоторая доля правды: Случевский в самом деле был эрудитом и всю жизнь стремился к знанию. Сергей Маковский, знавший его уже в старости, писал: «В те дни он был старше меня в три раза, но не производил впечатления отягченного годами мудреца. Обворожительно был молод, умственно деятелен, отзывчив. И, повторяю, необыкновенно скромнен. <...> Он всю жизнь учился, читал на многих европейских языках, обо всем любопытствовал. Кого еще назовешь из русских поэтов, так широко охватывавших все доступное уму человеческому и все, что грезится за границами постигаемой яви? Из моих современников – поистине никого, несмотря на культурную универсальность таких вдохновителей символизма, как Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский».

«Всемирная иллюстрация» (1874. Т. 12, 21 сентября [№299]). Бракосочетание великого князя Владимира Александровича с дочерью великого герцога Мекленбург-Шверинского Марией Павловной. Царский кортеж на парадной лестнице в Зимнем дворце.

Рисунок К. Брожа

ПРОФЕССОР БЕССМЕРТИЯ

«Ученым специалистом он не сделался ни в одной области, – писал Маковский, – но приобрел большие познания в метафизике, истории, литературе, а также – физике, ботанике, зоологии, химии, биологии и т.д. К тому же не угас в нем и писательский пыл. Он вернулся в Петербург (в 1866 году) и начал снова печататься... Но нелегко было «пробиться» писателю в эпоху великих реформ, да и во времена более уравновешенные, если писатель не был связан с радикальной общественностью, – ведь за свою «правизну» долго оставался в тени даже Лесков!»

В России Случевский попытался сразу включиться в литературную полемику, за ходом которой следил из-за границы. Теперь ему представился шанс публично изложить идеи, которые он давно вынашивал, и в 1866–1867 годах он издал три брошюры под общим названием «Явления русской жизни под критикой эстетики». Его мишенью стала демократическая критика – в первую очередь Писарев, Добролюбов и Черны-

шевский. Правда, пыл его несколько запоздал, потому что Добролюбов к этому времени уже несколько лет лежал в могиле, а Чернышевский пребывал в ссылке; Писарев довольно скоро скончался – в 1868 году. Полемическая злость Случевского, накопленная за несколько лет, оказалась почти неприличной. Печать снова подняла его на смех, в «Книжном вестнике» его назвали «жалким рифмотвором», друзья-литераторы нашли его выступление бестактным и озлобленным. О том, чтобы печататься под собственным именем, пришлось опять забыть на много лет. Он поступил чиновником в Главное управление по делам печати, а публиковался теперь только под псевдонимами. С 1871 по 1875 год он редактировал журнал «Всемирная иллюстрация», но даже в своем журнале не позволял себе, как то обычно делают редакторы, обильно печататься и подписывался обычно одной буквой – Н. или С., например.

В 1870 году он женился на Ольге Лонгиновой («старше его, богатой, своенравной и претенциозной», замечал Маковский), дочери состоятельного курского помещика и домовладельца, у которого снимал квартиру; венчались в курском имении Головино. Через два года родился первый сын. Всего детей было пятеро – три сына и две дочери. Современники замечали, что с женой Случевский довольно холоден. Брак был несчастлив. «После многих ссор и примирений он обрел «тихую пристань» с женщиной совсем другого типа, простой и любящей, Агнией Федоровной Рерих (отец ее был выходцем из Швейцарии). Но жена долго не давала развода, лишь на пятьдесят третьем году писателя завершилась эта связь новым браком», – рассказывал Маковский. Детей своих Случевский очень любил, дети его тоже. В новом, позднем браке у него родилась еще одна дочь, Александра. Он снова совершил попытку вернуться в литературу в 1878 году,

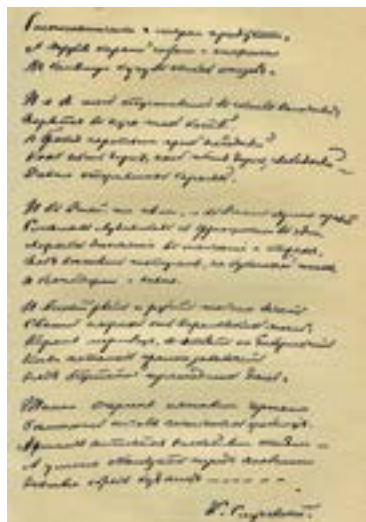
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

когда, посоветовавшись с Аполлоном Майковым и Николаем Страховым, отдал в «Новое время» свою поэму «В снегах». Поэма рассказывает о старом мордвине Андрее, который живет в избушке среди снегов со своей собакой Лайкой; к нему является замерзшая до полусмерти старуха Прасковья, идущая на покаяние. Андрей согревает старуху и выхаживает, старуха обращает его к вере своими рассказами, а перед смертью исповедует ему свой грех и просит вымолить ей прощение за него. Поэма, написанная монументальным, торжественно-мощным стихом, полная дикой красоты (в ней, кстати, появляются сидящие вокруг костра двенадцать братьев-месяцев, памятные нам по позднейшей маршаковской сказке), вернула Случевскому внимание публики. Со следующего года и до самой смерти он уже не делал перерывов в публикациях: в печати появились еще две поэмы, затем три сборника стихов, затем несколько книг прозы.

Из прозы его особенно любопытна, наверное, повесть «Профессор бессмертия»: она наполовину состоит из описания степного края, где проживает чудаковатый доктор с распутной женой, а наполовину – из скучнейших абстрактных рассуждений доктора, который пытается доказать бессмертие души. Кончается, как обычно у Случевского, за упокой: распутная жена тонет в реке, а искренне любящий ее доктор обретает утешение в вере и покой – у ее могилы. Нигде в мире такого покоя его герои не находят: жизнь обратительна. Лирический герой Случевского странствует, многое видит, многое знает – но ни в чем не находит утешения и успокоения. Он желчен, раздражен, раздвоен; Случевский подхватывает тему двойничества у Гоголя и Достоевского – и передает ее дальше – Блоку, Серебряному веку. Повседневная жизнь вызывает у него скептическое отращивание, какое мы позже найдем у Саши Черного; повсюду зло,

Обложка книги
К. К. Случевского
«Песни
из Уголка»
(с изображением
усадьбы)

Автограф
стихотворения
К. К. Случевского
«В аббатстве
Сен-Дени»

по миру ходит Мефистофель (целый цикл ему посвятил Случевский) и вертит людьми. Настолько герою Случевского нехорошо в этом мире, что даже Новый год он предлагает в одном стихотворении встречать панихидой.

Но, в отличие от скептиков Серебряного века, для которых отчаянием все и кончается, у Случевского есть классический выход. Могила подводит все итоги, всех примиряет, все решает; за могилой будет другая жизнь и воскресение. Одно из

интереснейших его стихотворений – о том, что людей неправильно воспитывать в страхе смерти:

Нет! надо иначе учить
от колыбели...

Долой весь темный груз туманов
с головы...

Нет, надобно, чтоб мы совсем
светло глядели

И шествовали в смерть,
как за звездой волхвы!

Тогда бы верили мы все
и безгранично,

Что смерть – желанная!
что алые уста

Нас зацеловывают каждого,
всех, лично, –

И тайна вечности спокойна
и проста!

Поразительно, как в нем в самом деле уживались двое: поэт, мучимый тяжкими мыслями и воспоминаниями, одержимый смертью, и государственный служащий, семнадцать лет отслуживший в Министерстве внутренних дел и государственными имуществ. На протяжении долгого времени он ездил в бесконечные рабочие командировки, а кроме того, сопровождал в поездках по России великого князя Владимира Александровича и вел летопись этих поездок, которая потом сложилась в книгу «По северо-западу России». В старости он – камергер, гофмейстер, редактор газеты «Правительственный вестник» (с 1891 по 1902 год). Почтенный бородатый старец снаружи, изъеденная мукой, сомнением, тоской душа – изнутри.

А теперь я что? Я – песня
в подземелии,

Слабый лунный свет в горячий
полдня час,

Смех в рыдании и тихий плач
в веселии...

Я – ошибка жизни, не в последний
раз...

Я НЕ НОШУ ВЕРИГ ЗЕМЛИ

Из своих поездок по России он привозил многочисленные стихи – часто замечательно мощные по изобразительной силе; чего стоят одни только играющие киты из мурманского цикла, похожие на «подводных витязей

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

щиты», или замечательные стихи о северных бабах, женах рыбаков. Он как будто отдыхает и душой, и стихом от своих напряженных размышлений о смерти, уходя в живописание красот природы, в размышления о российской истории (у него несколько исторических поэм). Однако он может быть каким угодно жизнерадостным силачом и живописцем, когда рассказывает о своих многочисленных странствиях и путешествиях, но только дуновение смерти заставляет его стих звучать с испуганной силой и страстью. Вот в одном из его стихотворений, привезенных из поездки по Русскому Северу, ребенок замечает призрак крадущейся к нему цинги:

Какой он белый и слепой!..

Он шарит пальцами в стене...

Он копошится за стеной!..

Ах, не пускай его ко мне!..

И если бы не это мелодраматичное «ах» – то какая была бы холодная жуть.

В позднем, предсмертном цикле, так и названном – «Загробные песни», – он рассказывает о своих смертных видениях с редкой убедительностью:

Вся земля умерла! с резким хрустом в костях

Смерть в венец надо мною носилась,

И под ней расстился один только прах...

Смерть металась, вопила и билась.

Выходила из впадин очей ее мгла,

И в меня эта мгла проникала;

Свисли челюсти Смерти, ослабла скула...

Обезумела Смерть! Голодала!

Все возвращало его к памяти смертной, внушавшей ему и животный ужас, и смирение. Подобно воину-самураю или христианскому аскету, он много раз представлял себя уже умершим – то умирающим, то лежащим в гробу в ожидании погребения, то уже прошедшего загробные муки, очищенного и освобожденного:

Я отпетый, я отчитанный,

Молча вслед тебе смотрю,

И в трудах, в скорбях

воспитанный,

Смерть пройдя, – благодарю...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Загробные песни» восхитили символистов; он в самом деле попал в нерв. *Dance Macabre* (Пляска смерти. – Прим. ред.) стал своего рода символом времени (и здесь Случевский – тоже мостик между Западом и Россией, классикой и модерном – от Гете к Блоку, через целый ряд имен). Особенно жутка его «Камаринская», где из больниц выходят в пляске души усопших сумасшедших и убогих.

В «Загробных песнях» уже почти нет кладбищенского умиротворения – в них страх, ужас, хождение души по миру мертвых. Смерть, о которой он думал всю жизнь, становилась пугающе реальна и оказалась куда безобразнее, чем представлялось умозрительно. Он терял зрение и мучительно умирал от рака желудка. Эти поздние его стихи – то смиренное принятие, то ожесточенный вызов Творцу, то торжественное прорицание о будущем.

В последние годы он жил со второй женой, Аглаей Рерих, и дочкой Шурочкой в усадьбе, которую назвал «Уголком» и где написал целый поэтический цикл, по настроению своему, пожалуй, родственной древней философии – не то киников, не то стоиков:

К.К. Случевский.

Фотография
начала 1890-х
годов

*Я никого не ненавидел,
Но презирал – почти всегда,
И вот теперь, на склоне жизни,
Могу порой совет подать:
Как меньше пользоваться
счастьем,
Чтоб легче и быстрее страдать.
Здесь из бревенчатого сруба,
В песках и соснах «Уголка»,
Где мирно так шумит Нарова,
Задача честным быть легка.
Ничто, ничто мне не указка, –
Я не ношу вериг земли...
С моих высоких кругозоров
Все принижается вдали.*

После смерти поэта Полонского, у которого по пятницам собиралась литературная компания, Случевский стал принимать ее у себя; к нему ходила чета Мережковских, Бальмонт, Сологуб, Фофанов, иногда Владимир Соловьев. Он, как и мечтал некогда в стихотворении, высмеянном Добролюбовым, в самом деле передавал дальше то, что накопил сам, – глубину философского поиска, ощущение натянутой струны, мучительную тоску – ту, что так страшно звенит в его знаменитом «После казни в Женеве» и отзывается струнной мукой у Иннокентия Анненского.

Он и сам понимал свое место – моста, перехода. Об этом его стихи «Быть ли песне?»: о неповторимости «пушкинской весны», о горечи прозаического времени, в котором ему довелось быть поэтом, о том, что стих переломается в мученьях и обретет новую гармонию:

*То будет время наших внуков,
Иной властитель дум придет...*

Отселе слышу новых звуков

Еще не явленный полет.

И поколение внуков действительно принесло в русскую поэзию «новых звуков полет». О победе поэзии над временем – единственное, пожалуй, стихотворение Случевского, из которого выпали и зажали самостоятельной жизнью крылатые слова:

Смерть песне, смерть!

Пускай не существует!..

Вздор рифмы, вздор стихи!

Нелепости оне!..

А Ярославна все-таки тоскует

В урочный час на каменной стене... ❶

НОВЫЙ СТАРЫЙ ЛЕТНИЙ САД

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТОГРАФИИ

АНТОНА БЕРКАСОВА

ПОСЛЕ ТРЕХЛЕТНЕЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В ПЕТЕРБУРГЕ НАКОНЕЦ-ТО ОТКРЫЛСЯ ЛЕТНИЙ САД. ДЕРЕВЬЯ, ПОСАЖЕННЫЕ ЕЩЕ ПРИ ПЕТРЕ I, УКРЫВАВШИЕ ОТ ЖАРЫ ПУШКИНА, БЛОКА И АХМАТОВУ, СНОВА ГОТОВЫ ДАРИТЬ СПАСИТЕЛЬНУЮ ТЕНЬ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ. НО НЕОЖИДАННО ЗЕЛЕНый СИМВОЛ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ РАЗДЕЛИЛ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ НА ДВА ЛАГЕРЯ: НА ТЕХ, КТО ДОВОЛЕН ИТОГАМИ РЕКОНСТРУКЦИИ, И ТЕХ, КТО УВЕРЕН, ЧТО ЛЕТНЕГО САДА В ПРИВЫЧНОМ ВСЕМ ВИДЕ БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

ЖАРКИМ ИЮЛЬСКИМ ДНЕМ В ЛЕТНЕМ САДУ – ПРАКТИЧЕСКИ ЕДИНСТВЕННОМ островке зелени в центре Петербурга – не протолкнуться. Здесь и туристы с фотоаппаратами, и экскурсионные группы, и мамы с колясками, и пенсионеры, отдыхающие на скамейках. Незнакомые друг с другом посетители с жаром обсуждают две темы: погоду и новый облик любимого сада.

– У меня много друзей живет сейчас за границей – в Америке, Израиле, – говорит пожилая петербурженка. – Они завалили меня письмами, просят сходить посмотреть на новый Летний сад. Многие уже видели фотографии в Интернете, и у них волосы встали дыбом – ничего похожего на тот Летний сад, в котором они бродили в юности! Я лично не увидела ничего криминального в изменениях, сделанных за время реконструкции, – кое-что, на мой взгляд, лишнее, но многие вещи оправданны и неизбежны, например замена оригинальных статуй копиями. Но все равно щемит сердце от грусти, когда глядишь на главную аллею и вспоминаешь, какой она была прежде...

ПЕТЕРБУРЖЦЫ ПРОТИВ «НОВОДЕЛА»

Идея вернуть саду первоначальный облик витала в воздухе еще с довоенных времен: уже тогда предлагались различные проекты реконструкции, которые в советские годы не были реализованы. В XXI веке целью реконструкции стало восстановление первого в России регулярного

сада, такого, каким Летний сад был при Петре I – с фонтанами, шпалерами, огородами, садовыми потехами. Беда лишь в том, что тот Летний сад безвозвратно исчез еще в 1777 году после сильнейшего наводнения, за прошедшие 250 лет его прочно забыли. В XIX веке регулярность садов вышла из моды, и Летний сад стал пейзажным: деревья и

кустарники росли сами по себе, фонтаны исчезли, от прежних времен остались только коллекция итальянских скульптур, Летний дворец Петра и планировка аллей. Именно в таком «диком» саду гулял со своим французом-губернером маленький Евгений Онегин. Поэтому возвращение к петровскому времени многими воспринимается как уничто-

Восстановленная
оранжерея
зимой приютит
теплолюбивые
цитрусовые
растения

жение целого пласта в истории Летнего сада.

Консервативно настроенные петербуржцы ругают почти все нововведения, сделанные за три года Русским музеем, к которому относится Летний сад. Фонтаны называют «новоделами», выстроенными «новыми русскими на Рублевском шоссе», а сам сад именуют «нелепой пародией на Петергоф». Копии статуй, белоснежные, в отличие от покрытых патиной старинных оригиналов, обзывают «пупсиками». Зеленые деревянные шпалеры, поддерживающие изгороди из молодых лип, — «дачными заборами».

— Странно, что памятник Крылову не выкинули, его же после Петра установили! — язвят противники реконструкции.

— Люди реагируют прежде всего эмоционально, — считает заведующий научным сектором Летнего сада Андрей Ухналёв. — Сад стал совсем другим, это многие ощущают, хотя и не все могут сказать словами. Изменилось пространственное ощущение — появилась закрытость. Раньше сад был «прозрачным», была связь внутреннего пространства с Марсовым полем, с рекой. Сейчас из-за зеленых изгородей появилось чувство некоторой зажатости. Хотя исторически восстановление

шпалер и верно, но ведь уже почти 300 лет с петровских времен прошло...

Впрочем, на посещаемости сада новшества в его планировке никак не сказались. Наоборот, народ, истосковавшийся по любимым аллеям, валом валит с обоих входов — со стороны Невы и со стороны Инженерного замка. Туристы, не знающие о прежнем облике, в восторге от «зеленой достопримечательности», а дети радуются брызгам из фонтанов и расстраиваются, что в Карпиевом пруду еще не появились обещанные белые лебеди. Экскурсоводы уверяют: лебеди появятся со дня на день, они ждут переезда на другой стороне Невы, в Ленинградском зоопарке.

— Я часто вожу экскурсии, и положительных отзывов все-таки больше, чем отрицательных, — замечает ведущий инженер садово-паркового хозяйства Летнего сада Виктор Мельников. — Народ говорит, что сад стал наполненным. Можно на фонтаны посмотреть, потом зайти в небольшой Музей археологии Летнего сада, посмотреть фотографии реставрации скульптур, посетить Аптекарский огород. Хоть целый день тут проводи — что посмотреть, найдется. Теперь это не просто сад, а музей под открытым небом.

ПЕТРОВСКИЙ ДУБ ПЕРЕЖИЛ ТРИ НАВОДНЕНИЯ

Виктор Мельников отвечает за все деревья и кустарники, растущие в зеленой цитадели Петербурга. Уже много лет хранили сада били тревогу: растения в Летнем саду находились в катастрофическом состоянии, им грозила гибель.

— Самому старому дереву в Летнем саду почти 300 лет, — рассказывает Виктор Мельников. — Этот дуб помнит еще Петра I. Он сохранился чудом, пережив три крупнейших наводнения, обрушившихся на город за три века, — в 1777, 1824 и 1924 годах. Растения сада тогда очень сильно пострадали, но кое-какие деревья выдержали удары стихии, в том числе и петровский дуб. Его точный возраст мы знаем, потому что изучили все великовозрастные деревья с помощью специального бура: дерево бурят до середины, вынимают кусочек древесины с годовыми кольцами, считают их под микроскопом. Есть липы, которым по 215 лет. Неслучайно в Летнем саду много дубов: Петр любил дубы, ели и лиственницы, ведь эти деревья были нужны при строительстве морского флота. Из лиственниц строили мачты, из дубов — все внутренние конструкции кораблей. Вот Петр и сажал везде дубы для нужд будущих поколений.

По словам специалистов, самая главная проблема деревьев в Летнем саду – северный климат Санкт-Петербурга.

– Липы, дубы, ясени, вязы находятся на севере своего ареала, – объясняет Виктор Мельников. – В средней полосе дуб может жить до 500–600 лет, а у нас 300 лет – его максимум. Для липы – 200 лет. Перед реконструкцией стало ясно, что большая часть растений достигла своего критического возраста и продлить их жизнь можно, только проводя определенные мероприятия.

Сначала все деревья старше 150 лет обследовали томографом, показавшим внутренние пустоты и гнилые участки внутри стволов. 94 дерева пришлось срубить. Остальные стали срочно спасать. С помощью гидробура к корням «стариков» под напором направили питательную смесь. Дупла пролечили, закрыли сеткой от мусора, вырезали сухие ветки, облегчили крону. На разветвленные стволы поставили стяжки, чтобы деревья не разломились во время урагана.

– Теперь деревья еще сто лет могут протянуть, – дает прогноз Виктор Мельников. – Главное, чтобы не было новых наводнений.

ЗАБОР ИЗ ШПАЛЕРНЫХ ЛИП

Помимо старых деревьев в Летнем саду появились и молодые «жилицы» – вдоль аллей высадили 13 тысяч шпалерных лип, которые со временем должны стать зелеными «стенками», отделяющими один боскет от другого (боскеты – огороженные живой изгородью пространства между аллеями. – Прим. авт.).

– Шпалеры были в Летнем саду до XIX века, – рассказывает Андрей Ухналёв. – После наводнений часть живой изгороди пропала, но оставшиеся липы продолжали подстригать – скорее, по привычке, ведь мода на регулярные сады ушла еще при Екатерине II. Потом и это делать перестали, сейчас в Летнем саду есть старые липы, по специфическим наработкам которых видно, что когда-то их постоянно подстригали. В планах реконструкции Летнего сада, создававшихся еще до Великой Отечественной, архитекторы предлагали восстановить шпалеры, но тогда дело до этого так и не дошло.

Молоденькие липы для Летнего сада заказали в немецком питомнике.

– У нас был дефицит времени, – говорит Виктор Мельни-

Все дупла изучены, залечены и затянуты сетками от мусора

ков. – Сажать деревья можно только в мае и июне, в апреле еще холодно, в июле уже жарко. Из Германии липы привозили фурами, днем въезд грузовых машин в центр города запрещен, приходилось работать по ночам. Впрочем, мы справились, почти все липы прижились. Внутри боскетов посадили сирень, орешник, жимолость, калину, молоденькие ели.

Увидеть внутренние цветущие кустарники у посетителей почти нет возможности: каждый боскет огорожен зелеными деревянными шпалерами. Сравнение с дачными заборами недалеко от истины: вид тянувшихся вдоль аллей высоких изгородей сильно портит впечатление от всего сада. Особенно на поперечных аллеях, где высота шпалер явно выше человеческого роста.

– Не судите сразу, – просят специалисты Летнего сада. – Липа будет расти и подстригаться за шпалерами, постепенно ее ветки полностью заслонят эту «не любимую» посетителями кон-

На центральной аллее
Летнего сада народу
меньше не стало

струкцию. А через несколько лет ограду вообще уберут. Пока что липы надо обезопасить, чтобы их не затоптали и не сломали. Правда, в эти объяснения многие скептики не верят и просят, что уродливые зеленые заборы отгородят от петербуржцев «внутренние покои» Летнего сада навечно.

Демонстрационная грядка – геометрически выверенная, с бордюром из вечнозеленого кустарника

ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ КАРТОШКА

Еще одно «хорошо забытое старое» нововведение в Летнем саду – Аптекарский огород, или Красный сад. Петр I любил, чтобы к его столу в Летнем дворце подавались свежие овощи и зелень, которые выращивались «под боком». Здесь же росли все-

возможные лечебные травы, на случай болезни императора или кого-то из его домочадцев. Огород и оранжереи были разбиты по всем правилам садового искусства по плану голландских монастырских садов: две перекрещивающиеся дорожки, в центре фонтан, геометрически правильные грядки, обсаженные бордюром из вечнозеленого кустарника. Огород исчез после наводнения 1777 года. Поскольку летняя резиденция императоров была перенесена в Петергоф, надобность в свежей зелени отпала, и заново вскапывать грядки не стали.

– Мы восстановили малую часть петровского огорода, – рассказывает Виктор Мельников. – Так называемый демонстрационный огород, который Петр показывал своим гостям. Здесь выращиваются те культуры, которые были привычными еще до Петра, и те, которые император пытался внедрить сам. Например, артишок. Петра угощали этим лакомством в Европе, он хотел привить любовь к артишокам на родине, но безуспешно. А вот спаржа прижилась – до 1917 года ее выращивали у себя в усадьбах многие дворяне. Между прочим, именно в Летнем саду был собран первый урожай «русской» картошки. Петр I был первым, кто выписал из Голландии мешок картофеля для дальнейшего его распространения. Но при нем картофель в культуру не вошел, а свое победоносное шествие по России начал только в начале XIX века. Впрочем, и тогда патриоты России возмущались – например, княгиня Голицына была яркой противницей картофеля, считая, что этот немецкий овощ погубит русское сельское хозяйство.

Сейчас на грядках выращивают душистый табак (хотя Петр в свое время выращивал махорку), резеду, укроп, в кадках растут лимоны и апельсины. Правда, откусать свежей зелени вряд ли кому удастся: есть что-либо выращенное в черте загазованного центра города давно не рекомендуется.

Фонтану в Аптекарском огороде больше всего радуются городские вороны

– Зато воронам раздолье, – смеются сотрудники огорода. – Как только Летний сад закрывается, они налетают на грядки, а потом купаются в фонтане.

ИСТОРИЧЕСКИ ОПРАВДАНИЕ ФОНТАНЫ

Кстати, о фонтанах. В рамках реконструкции были воссозданы восемь фонтанов, построенных в XVIII веке, и Менажерийный пруд. Сотрудники Летнего сада уже устали оправдываться в ответ на обвинения в «новоделе». – Ведь фонтаны – это неотъемлемая часть регулярного сада, – объясняет инженер по эксплуатации фонтанов Людмила Воронцова. – А Летний сад – первый регулярный сад в России. Петр сам заказал в Англии первый насос для водопроводной системы Летнего сада, правда, он не подошел, пришлось заказывать еще один. Фонтаны даже сохранились в памяти города: речка Фонтанка не случайно так называется – из нее брали воду для фонтанов Летнего сада. Когда наводнение раз-

Фонтаны восстановлены точь-в-точь по планам XVIII века

рушило фонтаны, их долгое время хотели восстановить. Даже средства на это выделили. Но потом Екатерина II по не совсем понятной причине «фонтанные» деньги перенаправила на Зимний дворец. А фонтаны разбирали окончательно. Так что их

появление в XXI веке исторически оправданно. Мы воссоздали только те сооружения, о которых было достаточно исторических данных, чтобы не фантазировать и не домысливать. Мы раскрыли прежние фундаменты, которые определяют размеры фонтана. При раскопках были обнаружены фрагменты облицовки, так что мы точно знали их прежний цвет и материал. Где мрамор, где сланец, где известняк. И еще существует аксонометрический, довольно подробный план Сент-Илера (имеется в виду уникальный аксонометрический план Санкт-Петербурга XVIII века, составленный П. де Сент-Илером, И. Соколовым и А. Горихвостовым. – Прим. ред.), в котором показан общий вид сооружений.

Исторические фундаменты законсервировали, засыпали песком, а сверху, на железобетонном саркофаге, построили копии фонтанов. Для тех, кто хочет взглянуть на старинную фонтанную кладку и водопровод, оставили открытым фун-

дамент фонтана «Лакоста», для восстановления которого не хватило исторических данных. – Мы понимаем, почему наши цари в свое время отказались от восстановления фонтанов в Летнем саду! – смеется Людмила Воронцова. – Система очень сложная и требует огромных усилий. Даже сейчас, когда фонтаны созданы по современным технологиям, наша фонтанная служба работает не разгибаясь. Моют чаши от песка, с вечера собирают монетки, брошенные sentimentalными посетителями. Если монетка пролежит ночь в воде, то оставит несмываемые пятна на мраморе. Особая статья – Менажерийный пруд. По сути, это ванна в 600 квадратных метров, которую надо постоянно чистить от листьев и пылесосить специальным водным пылесосом.

Еще одна воссозданная деталь петровского сада – Гаванец. Так сам император называл небольшую гавань возле Летнего дворца, по которой из Фонтанки к резиденции царя подплывали лодки.

– Такие каналы были у каждого дворца в Петербурге, – говорит Людмила Воронцова. – Ведь Нева и ее притоки бывают бурными, выйти из лодки, например, даме на каблучках и в кринолине невозможно. Поэтому лодки заплывали сначала в тихую гавань и пришвартовывались.

Гаванец после реконструкции водой наполнять не стали – в замощенном темным кирпичом углублении будут собирать экскурсионные группы.

Кстати, во время археологических раскопок в саду нашли много интересного – самые выдающиеся находки даже поместили в специальный маленький Музей археологии Летнего сада. Там и осколки ваз, и стеклянные пивные бутылки из XIX века – то ли выбросил некультурный посетитель, то ли во время наводнения принесло. – Благодаря раскопкам мы лучше узнали темную страницу истории Летнего сада во время

Как прежде оригиналы, копии итальянских скульптур привлекают не только туристов, но и художников

блокады, – говорит Андрей Ухналёв. – Было известно лишь то, что в саду ученики окрестных школ посадили огород и выращивали овощи. (Поэтому одна из аллей зовется Школьной.) Теперь же стало понятно, что здесь жили и зенитчики (зенитные установки были на Марсовом поле): найдено много траншей, землянок, зенитных снарядов, оружия, патронов.

КОПИИ СКУЛЬПТУР – ПУГАЮЩЕ БЕЛОСНЕЖНЫЕ

И, наконец, скульптуры – один из главных камней преткновения в обсуждении нового Летнего сада. Оригиналы отреставрировали и спрятали в Инженерном замке, а посетителей теперь встречают копии – белоснежные и пугающе новые.

– Они что, гипсовые? Пластмассовые? – чуть ли не со слезами спрашивают друг у друга пожилые посетители.

– Как же нам повезло, что застали те, старинные скульптуры, – обсуждает молодежь.

Впрочем, даже ярые поклонники прежнего облика Летнего сада понимают, что оставить итальянские трехсотлетние скульптуры под открытым небом – значит подписать им смертный приговор.

– Заменить оригиналы копиями – это единственный шанс сохранить ценнейшие памят-

ники, – говорит Андрей Ухналёв. – Они деградировали и разрушались на глазах, хотя каждые несколько лет проходили реставрацию. Загрязнение воздуха, кислотные дожди – от кислоты мрамор растворяется, превращается в гипс, а тот легко разрушается. Окружающая среда – худший враг для мраморных статуй, даже регулярные налеты вандалов с ней не сравнятся.

Копии сделаны из полиэфирной смолы с наполнителем из натуральной мраморной крошки. Белизна статуй, как утверждают музейщики, временная.

– Когда оригиналы высекли из мрамора триста лет назад, они тоже были беленькими, – объясняет Андрей Ухналёв. – Липы скоро зацветут, сок полетит на статуи, они почернеют, и их, наоборот, придется отмыывать. Через несколько сезонов от «пластиковых пупсиков» не останется и следа.

... Первое после реконструкции посещение Летнего сада оставляет двоякое впечатление. Бесспорно, сад стал другим. Лучше или хуже? Возможно, как говорят противники изменений, Александр Сергеевич никогда бы не пришел в такой сад. А вот Петру I, может быть, понравилось бы. ❶

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

АВТОР

КСЕНИЯ БОБРОВИЧ

ЭТУ ФРАЗУ ЭКСКУРСОВОДЫ ПРОИЗНОСЯТ ОБЯЗАТЕЛЬНО: «В 1890 ГОДУ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛЕНОВ ПРИОБРЕЛ НА БЕРЕГУ ОКИ 81 ДЕСЯТИНУ ЗЕМЛИ У ОБЕДНЕВШЕЙ ПОМЕЩИЦЫ САБЛУКОВОЙ». НЕНАДОЛГО ПОЯВЛЯЕТСЯ ОБРАЗ ЭТОЙ «ОБЕДНЕВШЕЙ ПОМЕЩИЦЫ» И УХОДИТ ВО ТЬМУ ЛЕТ. ОСТАЕТСЯ ЛИШЬ ИМЯ ЕЕ – ПЕРВОЕ «В ПОРЯДКЕ ПОЯВЛЕНИЯ НА СЦЕНЕ» – КАК НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ ПОЛЕНОВА И КАК ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ В ФУНДАМЕНТ ЕГО УСАДЬБЫ, ЗАДУМАННОЙ ХУДОЖНИКОМ КАК МУЗЕЙ.

ИСКУССТВОВЕДЫ РЕДКО рассматривают взаимоотношения художников-помещиков с «их» крестьянами, полагая, что этот аспект не является существенным в истории русской живописи XIX – начала XX века. Но так ли это? Для живописи жизнь в деревне долго оставалась лишь фоном. Одним из первых прорывов от парадно-портретной живописи к реализму в изображении крестьян были полотна Венецианова. Его «Захарка», «Девушка в платке», «Жнецы» известны всем по школьным учебникам. Затем мы знакомимся с работами новой группы художников – тех, что за центр интереса почитали простых людей и называли себя «передвижниками». В учебниках мы встречаемся и с работами Василия Поленова, который для многих, увы, остается

«художником одной картины». Невозможно пересчитать все «Московские дворики», что попадались нам на глаза в коридорах поликлиник, школ и в «ленинских комнатах» пионерлагерей... Потом как-то само собой выходит, что мы научаемся распознавать и выделять его картины...

Чем же на фоне полотен собратьев по искусству выделяются работы Поленова? Особой прозрачностью красок. Атмосферностью. Широтой. И главное – вниманием к человеку. К простому человеку «Ваньке с Акуловой горы», который так напоминает нам венециановского «Захарку», к любви и сердечности в отношениях двух женщин в «Бабушкином саде», к падшей женщине в «Христе и грешнице»...

Как жил рядом со «своими» крестьянами Поленов? Что это

было? Воспитание? Обучение? Просвещение? И за что крестьяне уважали его? За то, что знаменитый художник, академик, устав от заграничных скитаний и петербургских интриг, больше всего любил простой труд? Или за то, что выстроил им церковь и две школы? «Мечтаю о домике на берегу Оки, – писал Поленов жене Наталье Васильевне еще в 1887 году, – об том, как мы его устроим, как мы там проживем, сделаем большую комнату, где будет музей, картинная галерея, библиотека. Рядом будет столярная мастерская, адмиралтейство, рыболовство и терраса; а над этим будет моя живописная мастерская и твой маленький кабинет, где ты будешь отдыхать... Чудесные мечты, может быть, и сбудутся».

Мы знаем – они сбудутся!

В 1890 году совершилась желанная покупка 81 десятины земли у помещицы Саблуковой в деревне Бехово Алексинского уезда Тульской губернии. Позади трудные времена, потери близких людей – уже нет в живых ни отца, ни сестры-близнеца Веры. Велики творческие успехи: куплено императором Александром III полотно «Христос и грешница». Но Поленов устал от постоянных конфликтов в Академии художеств и никак не оправится от потери первенца, Федюшки. «Очень было бы хорошо, кабы дело Бехова было продвинуто, – торопит Ва-

сильный Дмитриевич жену, – чтобы можно было ранней весной или, скорее, в конце зимы начать дело промена, а весной и летом помаленьку начать устраивать усадьбу. Как Европа ни хороша, а Россия в деревне мне милей во сто тысяч раз, а кроме того, прямо подлю жить в Европе, когда в России надо работать».

«ПАГУБНО УГНЕТАНИЕ ДЛЯ ЛЮДЕЙ»

Для тех, кто знаком с биографией Поленова, нет ничего удивительного в его стремлении создать «Народный музей в деревне» и в его дружеских отношениях с соседями-крестьянами. Ведь многое было заложено как особым, почти что «демократическим» воспитанием в семье, так и исторической памятью: прадед художника, Алексей Яковлевич, написал трактат, в котором критиковал крепостничество. Этот русский историк

и законовед был одним из первых студентов, еще при Ломоносове отправленных в Европу изучать юриспруденцию. Вернувшись в Петербург, он принял участие в конкурсе, объявленном в 1766 году Вольным экономическим обществом: «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его право на то или другое имение простирается должно». В этой работе один из самых важных постулатов – неприятие торговли крестьянами: «Прежде всего должно помышлять, чтоб для славы народа и пользы общества вывести производимый человеческою кровию бесчестный торг. Мы в сем случае, не делая ни малой разности между неодушевленными вещами и человеком, продаем наших ближних, как кусок дерева, и больше жалеем наш скот, нежели людей». В этом ви-

дит Алексей Яковлевич одну из главных причин невежества народа, невысокого уровня его культуры: «Ничто человека в большее уныние привести не может, как лишение соединенных с человечеством прав. Чрез сие мало-помалу приходим мы в нерадение и леность, которые, понижая нас, нечувствительно отнимают все силы и препятствуют нашему разуму возвыситься до надлежащего степени совершенства. <...> Наши крестьяне печальным своим примером могут доказать, сколь пагубно конечное угнетение для людей». Для своего сочинения Алексей Яковлевич выбрал не только смелое название – «Об уничтожении крепостного состояния крестьян в России», но и смелый девиз – *Plus bonae mores valent, quam bonae leges* («Хорошие нравы лучше хороших законов»). Впрочем, первую премию присудили французам Беарде де л'Аббею...

Наталья
Васильевна
и Василий
Дмитриевич
Поленовы
на освящении
новой церкви.
1907 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Пройдет почти сто лет, вырастет еще два поколения Поленовых, и только тогда труд Алексея Яковлевича будет опубликован. За подготовку биографии законоведа Поленова взялся отец художника, который унаследовал усадьбу Имоченцы у реки Ояти, в 200 верстах от Петербурга, купленную Алексеем Яковлевичем в XVIII веке. Приносило оно доход ничтожный: как был изначально назначен оброк, так и продолжали крестьяне платить баснословно мало в сравнении с другими...

«Спокойствие деревенской и совершенно уединенной жизни, – пишет из усадьбы мать художника, Мария Алексеевна, – последовательность в занятиях, которую можно учредить, очень хороши для детей. Крестьяне же все на оброке, и Дмитрий (отец Поленова. – Прим. авт.) не хочет переводить их на барщину, чему и я очень рада. Это была бы большая тягость для крестьян». Так

что добрые отношения с крестьянами – не фальшивая поза, а естественная черта характера всех поколений. «Меня очень смущала мысль, что мы, приехав сюда поселиться, не только не прибавим благосостояния мужиков, но, напротив, стесним их во многом, – пишет Мария Алексеевна в 1856 году, – но теперь, как стали вникать в подробности, то видим, что много было злоупотреблений им самим вредных, которые надо стараться устранить, и деятельность наша здесь... и мужикам будет полезна со временем...».

ДОМ МОЛИТВЫ ИЛИ ХРАМ ИСКУССТВА

– Место на Оке понравилось Поленову именно своей пустотой – как художник он привык иметь дело с чистым холстом, – рассказывает нынешний директор музея, Наталья Николаевна Грамолина. – Василий Дмитриевич увидел пустой

«холст» земли, и ему захотелось построить усадьбу. Дом построили быстро, 2 октября 1892 года семья Поленова переселилась сюда. Эту дату и принято считать днем создания нашего музея.

Поленов решил не ограничиваться тесной беховской усадьбой, а выменял у крестьян пустошь, по-местному «борок», и поставил дом высоко – над речной водой, видный отовсюду. Как перешла семья пешком из Бехова в только что отстроенный деревянный дом осенью 1892 года, так и живет постоянно художник только в своем Борке. Живет, и при первой же возможности фиксирует на холсте ускользающие времена года. Наслаждается свежим воздухом, не забывает ни топора, ни пилы. С завидным упорством вновь и вновь возводит дамбу на Оке, чтобы ее могло затянуть песком и получился пляж. И строит... строит... строит... «Аббатство» – свою новую мастерскую. Сенной сарай. Ко-

Школа
и церковь
Вознесения
в селе Страхово.
Конец 1940-х
годов

нюшню. Коровник. Избушку для детских игр. Лодочный сарай – «Адмиралтейство».

«Как я рад, что Поленов здоров и бодр – молодец, молодец! Он старше меня на несколько месяцев, – пишет в 1924 году Илья Репин своему ученику Илье Остроухову. – Я бесконечно жалею, что не побывал у него в Бехове. У него было бы что посмотреть, начиная с дома и построек. Ведь он – архитектор, да еще какой! <...> Недаром мужики беховцы называли его: Василий Дмитриевич – строитель. Он им выстроил церковь и, как всегда, – дешево и великолепно». Так и стоит церковь Святой Троицы более ста лет: разграбленная после закрытия в 30-х годах, разбитая немецким минометным огнем в Отечественную, восстановленная студентами и школьниками в 70-х и открытая для верующих в 90-е. Одновременно с церковью в Бехово, в начале 1911 года, Поленов построил и школу в селе Страхово. Уже после революции ей присвоили имя Поленова, хотя сам художник говорил, что школу стоило бы назвать в честь его жены – Натальи Васильевны. Эта уравновешенная миниатюрная женщина успевала все: и воспитывать четырех дочерей и сына, и помогать мужу в работе над историческим материалом для картин, и обустроить дом, и заботиться о крестьянах. «Все вожусь со школой, – пишет Наталья Васильевна сестре художника еще в 1896 году, – и так мне симпатично это дело и так много можно что сделать, что сердце радуется. Все более и более убеждаешься в жизни, что только «patience et longueur de temps font plus que force ni que rage» (терпение и время делают больше, чем сила и натиск). Вчера у меня было по поводу школы столкновение с бабами, и я так победила, что до сих пор чувствую какую-то радость». Первый спектакль под названием «Аленький цветочек» был поставлен на специальной разборной школьной сцене в 1913 году. Именно с этого момента

можно начинать отсчет жизни крестьянского театра, который был создан Поленовым.

Вот что писала дочь художника Екатерина одному из верных соратников по организованной Поленовым в Москве Секции действия театрам, знающему и энергичному Дмитрию Аркадьевичу Толбузину: «Мы все провели Рождество в Бехове. Устраивали елку у себя дома и в школе. Но самое интересное был спектакль. <...> Играли два раза, и оба раза было так полно, что яблоку негде упасть. Сошлись жители всех окрестных деревень. На втором представлении в антрактах мужики придумали петь хоровые песни. А после спектакля вышел депутат и сказал речь: «Глубочайшую нашу благодарность приносим глубокоуважаемому Василию Дмитриевичу и глубокоуважаемой Наталье Васильевне и августейшему их семейству». Семейство стояло на сцене при поднятой занавеси и когда услышало, что оно «августейшее», то младшие представители с искаженными от усилия не улыбаться лицами исчезли за кулисами и оставили бедных старших проглатывать свой смех. После речи грянуло многолетие, и тогда все актеры вышли и поклонились хору и публике, а им бешено аплодировали».

В 1914 году Поленову исполнилось 70 лет, но художник не устраивал пышных юбилеев. Он полон планов, пишет картины, пьесы для Театрального дома в Москве, музыку, готовит съезд работников народного театра, отвечает на сотни писем. Кажется, что мировые катаклизмы не тронули здешние места... Вот только пустеют деревни – уходят работники на войну. Неспokoйно сердце – что-то будет...

«МЫ ОСТАНЕМСЯ НА СВОЕМ ПОСТУ...»

«Да, я несказанно счастлив, что дожил до этих дней, – пишет Василий Поленов Леониду Кандаурову в марте 1917 года, – лишь бы они не сменились тьмой, как это бывало прежде... То, о чем мечтали лучшие люди многих поколе-

ний, за что они шли в ссылку, на каторгу, на смерть, свершилось. <...> А искусство пускай процветает теперь в чистом свободном воздухе, это хорошо...».

Поленов всегда поддерживал все новое и прогрессивное. Но в момент крушения монархии выбор был очень непростым: он не был большевиком, не был приверженцем марксистской доктрины. Тем не менее он не мучился сомнениями, идти ли навстречу власти в вопросах охраны памятников и в музейном строительстве. Собственно, спасло то, что он был не приверженцем какой-либо доктрины, а лишь «рыцарем красоты», как называл художника Савва Мамонтов. Суть позиции многих «хозяев усадеб» очень убедительно раскрыл известный библиофил, библиограф, историк искусства Василий Андреевич Верещагин: «Наше сотрудничество с властью, – пояснял он, – наше «возможное продолжение занятий» ничего общего с сочувствием перевороту не имеет и объясняется лишь тем, что... вопросы искусства прячут над политической рознью... Мы останемся на своем посту до тех пор, пока одушевлены будем сознанием приносимой нами пользы». А первую пользу видел Поленов в «спасении» народа от скуки и убогости жизни. «Народу, как и нам всем, нужна в жизни радость, – писал он Федору Шаляпину, – а жизнь дает ее скупое, – вот и тянет его у нас к водке, в Китае – к опию, на востоке – к гашишу. Но искусство ведь тоже дает минуты радости, а эти минуты и продолжительнее, и много безвреднее алкогольных». Поленов понимал, что театр, с его синтезом искусств, поможет деревне. «Здесь, в деревне, у него были собраны костюмы и декорации, – пишет в мемуарах дочь художника Екатерина Сахарова. – При постройке страховской школы зрительный зал входил в план. Между классами сделали раздвижную перегородку, а столярю Большого театра заказали разборную сцену. Отец как будто предвидел, что все это

будет нужно в первые годы революции, когда за отсутствием материала и дороговизной рабочих рук ничего нельзя будет строить».

Так среди неразберихи первых революционных лет, среди неожиданных поворотов судеб остается островок уверенности, веры, настоящего дела, объединившего и «помещиков» (хотя какие они помещики?), и крестьян. Первая зима новой жизни была самой трудной: страдающие от морозов и заметенные снегами, караулили Поленовы свой дом и музей. Но уже возвращалась в деревню молодежь и мужики с фронтов. «Конец ненавистной войне, свобода, сознание своего права на жизнь, самую яркую, заманчивую, полную веселья, пьянило молодежь, – пишет Екатерина Сахарова. – Она переживала эти первые годы в радостном подъеме. Хотелось показать себя во весь рост и в политике, и в общественности, и хотя бы на подмостках сцены. Вся Россия ставила и играла. Волна театра ворвалась и к нам, захватила и соединила нас с деревней. Это случилось очень просто». Осталось увлечение театром, осталось доверие между всеми, кто делал общее дело. «Наше чудное дело не гложет, напротив, развивается, и именно так, как было нами намечено, – пишет Поленов Толбузину в августе 1918 года. – Нашей мечтой было посредством искусства вывести народ из его темноты и дать ему руководящий идеал, словом, открыть ему дорогу к свету. Конечно, задача несказанно трудная, но мы твердо и неуклонно идем по этому пути. То же самое стараемся мы проводить и здесь, и, несмотря на то, что мы весь день теперь на лугах и полях, вместе с крестьянами, в свободные минуты с ними все вместе готовим к осени несколько постановок. Мы стали им и они нам настоящими товарищами. Никогда отношения не были такими добрыми, искренними, хорошими».

Было бы странным представлять тогдашние годы в Борке как бу-

Семья художника
перед Большим
домом в усадьбе
Борк. 1892 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

колическую картинку единения недавних бар и «пейзан» на фоне среднерусских красот. Жизнь была непростой, как и по всей стране. Но новая власть не оставила вниманием музей в деревне. Правда, самым неожиданным образом... «Мы получили бумагу с предписанием выехать или в семидневный срок построить себе избу в деревне, если беховцы согласятся нас приписать к общине, – пишет Екатерина Сахарова. – Беховцы тотчас же приписали. Мы все сделались служащими. Отцу предлагали стать во главе художественной студии или театрально-прокатного пункта. Но он ответил: «Нет, я стар и глух... Мне трудно общение с людьми. Я не организатор и не администратор, я индивидуальный работник, – обращаясь ко мне: – Ты заведуй пунктом, – и с улыбкой: – А я буду у тебя служить художником-декоратором». Так и сделали. Я стала заведующей театрально-прокатным пунктом, отец – декоратор. Сестры вели в страховском клубе рисование и ритмику, брат заведовал музеем». По воспоминаниям дочери, Василий Поленов никогда не падал духом, даже в самые трудные и плохие минуты. Кутаясь в свой меховой пиджак, он вылавливал кусочки конины из жидких щей и, ободряя жену, говорил: «Превосходно, напоминает дичь».

Так естественно, что народный художник РСФСР похоронен на

простом деревенском кладбище в Бехово, со своим народом. Лежит у выстроенной им церкви Святой Троицы. Так естественно, что на его могиле деревянный крест и огромный валун с реки. Ведь он сам написал в художественном завещании: «Когда умирает человек, что-то в своей жизни сделавший, – это не страшно, это его сон, покой, это отдых небытия. А Бытие его переходит в то, что он сделал. И если сотворил человек на земле доброе, то бытие его на этой земле будет вечным».

ТЕАТР В МУЗЕЕ

Одной из самых ярких и живописных традиций поленовского музея остается театр. Более тридцати лет существует детский «Театр Новогодней елки», здесь поставлены и «Кот в сапогах», и «Волшебная лампа Аладдина», и «Волшебник Изумрудного города», и многие другие сказки. В каждом спектакле участвуют не только сотрудники музея, но и ученики страховской школы. Несколько месяцев готовятся к тому, что под Новый год ради них одних откроет двери самая большая комната дома-музея – библиотека. Что в стенах дома не просто будет «показана» сказка, а эту сказку будут творить они сами. Что на аллее парка появятся сани с самым настоящим Дедом Морозом, прикатившим на чаепитие. И ничего, что ботинки Деда

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Крестный ход
возле храма
Святой Троицы
в Бехово.
1907 год

Мороза уже видели на ком-то из взрослых, что улыбка Снегурочки так напоминает улыбку одного из экскурсоводов... праздник остается таким, каким был он при Василии Поленове, – домашним, искренним.

А весной, когда стает последний снег на усадебных просеках, когда на припеке вылезет сиреневая медуница и желтый гусиный лук, начнут готовиться к театральному фестивалю. Без малого десять лет проходит в усадьбе фестиваль детского творчества «Курочка Ряба», в этом году собралось более 300 талантливых детей из Тульской, Калужской и Московской областей. Парк становится похож на знаменитые «грибные рынки» у стен Кремля, которые так любил Василий Поленов и его друзья: глаза разбегаются от выбора – матрешки, шкатулки, расписные яйца, вышивка, филимоновская игрушка, керамические свистульки. Хозяйка фестиваля – Курочка Ряба – приглашает всех на концерт в зеленом «греческом театре».

НОВАЯ СТАРАЯ ШКОЛА?

Современная страховская школа переехала из здания, построенного Поленовым, в новое в 1989 году. Многие нынешние учителя – выпускники этой школы: они оканчивали Тульский педагогический институт и возвращались в Страхово. Сегодня учителей по-прежнему – 23, а вот учеников, увы, всего 66. В выпускном классе всего один ученик, в остальных – от двух до десяти. Больше всего учеников в начальных классах. «Сказывается госполитика – «материнский капитал» помог, – поясняет директор Елена Юрьевна Ястребова. – В детском саду вообще места не найти!» Казалось бы, чем плохо – один учитель на три ученика? Однако в этом году ожидаются новые реформы, новые принципы финансирования... Но мы переходим к тому, что «приносит счастье и радость», как говорил об искусстве Василий Поленов, – к театральной традиции в Страхово. «Школьный театр существует в его нынешней форме с 1992 года. Но я помню еще первые, «стихий-

ные» постановки, когда только начинала работать в 80-х годах. Я только-только привыкала к своей работе педагога, были, конечно, трудности... Но когда на Новый год показали «Сказку о царе Салтане», я увидела своих подопечных совершенно с новой стороны!» И так – каждый год: с сентября начинают школьники и учителя готовиться к зимнему спектаклю. «Выбираем на свой вкус, – говорит Елена Юрьевна. – Для нас главное – текст. Сами понимаете – театр любительский. Вершин драматического искусства, может, не возьмем, а выучить и сказать текст всегда сможем». Но что заставляет браться за столь хлопотное дело, когда только с одними учебными планами масса забот? Почему дети из соседних деревень – Бехово, Митино, Тяпкино, Антоновки – не спешат после уроков домой, а остаются на репетиции? Ответ Елены Юрьевны прост: «Есть традиция, и на нас лежит ответственность за ее поддержание. Кроме того, труден только подготовительный этап, а в репетициях – удовлетворение и удовольствие. Это – отдушина. Дети входят в азарт, воодушевляются. Для создания спектакля нужна команда. И она возникает. Все, вплоть до костюмов, они делают сами, нам помогают родители и музейщики».

После одной из театральных постановок в 1920 году Екатерина Сахарова записывает: «Настроение было радостное. Впереди мерещилась большая плановая работа с детьми. Мы мечтали, что вырастет на фоне одаренного и буйного Страхова какое-то большое дело. Может быть, в будущем, та народная академия всех искусств среди природы, о которой, как о высоком достижении культуры, всю жизнь думал наш отец».

Это неведомое в 20-х годах будущее настало, живем в нем – мы. Теперь от нас зависит – быть ли поленовцам и жителям окружающих мест «Академиками всех искусств среди природы»... ■

Эвакуация
раненых
на крейсер
«Адмирал
Макаров»

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Н.И. ЕВГЕНОВА. ПРЕДОСТАВЛЕНО А.Ю. ЕМЕЛИНЫМ

АНГЕЛЫ С МОРЯ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«ЗА ШЕСТЬ ДНЕЙ ВЫ СДЕЛАЛИ В ИТАЛИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВСЯ МОЯ ДИПЛОМАТИЯ ЗА ВСЕ ГОДЫ МОЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ». ТАКИМИ СЛОВАМИ В 1909 ГОДУ ВСТРЕТИЛ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II КОНТР-АДМИРАЛА ВЛАДИМИРА ЛИТВИНОВА ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО ПОХОДА ВВЕРЕННОГО ЕМУ ОТРЯДА ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА.

КОГДА ПУТЕШЕСТВИЕ начинается глубокой ночью, будь готов к мистификациям. Машина на непривычно пустой МКАД, сонное Домодедово, равнодушная таможня, спецборт самолета МЧС, многообещающая синева моря под крылом, асфальтовая сковородка аэродрома Палермо под ногами. И вот уже располагающий к дреме комфорт автобуса, в котором предстоит прожить не менее четырех часов. Хочется спать, но глаза упрямо ищут впечатлений. А уверенный женский голос в микрофоне рассказывает о Сицилии. Древние греки, тор-

говые пути, Архимед, римляне, сельское хозяйство, арабы, вулкан Этна, норманны, скоростная автотрасса, подвешенная на столбах над руслом высохшей реки и рассекающая остров от моря до моря. От Тирренского – до Ионического...

И вот она – Этна! Ни с того ни с сего. Так же, как десять лет назад, когда я впервые увидел эту гору, возникшую из горячего и плотного воздуха, крепко обнимающего Сицилию летом. Тогда, в 2002-м, ровно через год после очередного и довольно сильного извержения, мы, поднимаясь к кратерам, видели белые домики с красными

крышами, придавленные уже застывшей лавой или засыпанные черно-серым пеплом. Тут от красоты до смерти – мгновения!

Этна растет на глазах. Среди невысоких, усталых выгоревшей травой гор она выглядит фантазмом, прекрасным и нелепым одновременно.

Автобус вырвался к побережью меж Катанией и Мессиной. Примерно посредине – знаменитый курорт Таормина, точка на карте, откуда делегация Фонда Андрея Первозванного, усиленная представителями Военно-морского флота России и МЧС, начнет работу.

Курорт-то он курорт. Но бирюзовое море, разлитое в бухты между скал, шезлонги на пляжах, неспешный вечерний досуг за бокалом лимончелло или чашкой кофе «гранато» – не для нас. Допускаю, что поверят немногие, но, правда, – не для нас.

Визит на Сицилию связан с событиями, от курортных праздников далекими. В конце 1908 года на северо-восточном побережье острова случилось страшное землетрясение, сопровождавшееся столь необычным для этих мест цунами. В эпицентре оказался третий по величине

не город острова – Мессина. Из полутора сотен тысяч жителей погибла почти половина. В городе почти не осталось целых зданий. И если бы на помощь не пришли экипажи русских военных кораблей Черноморского флота, стоявшие неподалеку, последствия катастрофы оказались бы еще ужаснее.

ТАОРМИНА. БЮСТ НИКОЛАЯ II

Таормине – 2 с половиной тысячи лет. Ее основали древние греки, чему свидетельством – эллинский театр, сохранившийся поныне. Торговая дорога вдоль моря вела из сицилийских портов восточного побережья к узкому проливу, отделявшему Сицилию от материковой Италии. Кого тут только не было за века! Но в XIX веке изысканная природа и насыщенные историей улочки городка привлекли внимание избалованной европейской публики. Получился курорт.

...Солнце еще палит воску. Едва кончилась обязательная для этих мест сиеста. Идем по главной улице к парку, где должно произойти первое событие из трех, ради которых и приехала внушительная делегация из России. На первый взгляд изнуренным отдыхом туристам и озоленным от рождения жителям Таормины организованное русскими мероприятие вовсе ни к чему. Жизнь и так неплохо устроена. Несмотря на повисший над Италией кризис.

Но это лишь на первый взгляд. Оказалось, Таормина готовилась к встрече, намеченной на 9 июня 2012 года. В январе в здешнем муниципалитете представителям Фонда Андрея Первозванного рассказали, что город помнит о подвиге русских моряков в соседней Мессине. И о том, как в 1911 году в Таормину заходили с дружеским визитом русские военные корабли, – тоже помнят. И о визитах сюда русского императора Николая II с семьей – не забыли. Равно как и о том, что после мессинской трагедии царь пожертвовал сицилийцам 50 тысяч франков из личных средств.

Русский матрос на разборе завалов после землетрясения в Мессине

Из личного архива Н.И. Евсенова. Предоставлено А.Ю. Емелиным

Это, собственно, и стало причиной, по которой в старом городском парке, разбросанном на широкой террасе высоко над морем, решили установить бюст последнего русского императора.

Южный терпкий воздух, в котором, как в восточных духах, намешано всякой цветочной всячины вперемежку со стойким запахом кипарисов, полон романтики прошлого. Аллеи в парке узкие, и собравшийся народ, как местный, так и приезжий, теснится вокруг покрытого белой тканью постамента. Карабинеры из знаменной группы вокруг штандарта плотного синего шелка замирают по стойке смирно.

Памятник, созданный еще в 90-х скульптором Василием Клыковым, открывают мэр Таормины Мауро Пасалакка и президент Фонда святого всехвального апостола Андрея Первозванного Сергей Щеблыгин, освящает епископ Корсунский Нестор.

В такие минуты трудно спрятаться от сентиментальности. Бронзовый государь смотрит поверх голов собравшихся, пытаясь пробиться взглядом сквозь густые ветви немолодых деревьев к морю. А может быть, и дальше. Туда, где за синим морем и чужими землями стоит Россия.

Возвращаемся по главной улице медленно. На одной из площадей уже «разогревает» публику итальянский военный оркестр. А рядом – строятся в «коробочку» российские моряки. Ор-

кестр Черноморского флота готовится дать музыкальный бой. Чуть в стороне – три местных музыканта в черных костюмах с красными широкими кушаками. К ним то и дело подходят приятели и утешительно хлопывают по плечам. Без слов ясно: на этот вечер ребята лишились обычного для них дохода. Поначалу вся троица реагирует довольно энергично, как и свойственно южному темпераменту: разводят руками,жимают плечами, бросают какие-то реплики. Но второй русский марш уже слушают, не отвлекаясь на пустяки. А аккордеонист даже что-то выстукивает пальцами по изумрудному корпусу инструмента. И добрая тысяча далеких от русской культуры людей тоже слушает. Не отвлекается...

Поздно вечером за ужином становится известно, что в Мессине уже ошвартовался наш большой десантный корабль Черноморского флота «Цезарь Куников».

МЕССИНА. ПАМЯТНИК МОРЯКАМ

Эта идея родилась более ста лет назад. Почти сразу после трагедии. Благодарные мессинцы хотели поставить памятник русским морякам, скульптор Пьетро Кюфферле, итальянец по крови, создал эскиз и преподнес его в дар цесаревичу Алексею в 1911 году. На постаменте сделал надпись: «Августейшему моряку, представителю героев милосердия и самопожертвования от благодарных сынов своей Родины». В Мессине появились улицы, названные в честь русских моряков. В том же, 1911 году в гавань пришел крейсер «Аврора». Командиру корабля были торжественно переданы золотая памятная медаль – всему русскому флоту, и серебряные медали – экипажам кораблей, участвовавших в спасательной операции. Но вот на памятник сил у мессинцев не хватило. А спустя несколько лет началась Первая мировая война. Потом – Муссолини. Вторая мировая... В общем, не задалось.

Следующим утром на подъезде к Мессине узнаем, что город воистину полон мистики. Когда-то римский бог Сатурн узрел это место и основал тут первый город. Сцилла и Харибда – тоже местные обитательницы. Одна обреталась у сицилийского берега, другая – у итальянского. А может, и до сих пор плавают. Мессинский пролив хоть и узок, всего 3 с лишним километра, но всегда был опасен для мореплавателей. Тут стараются не купаться, столь сильны и непредсказуемы течения.

На центральной площади города, где располагается кафедральный собор, еще тихо. Только по периметру кое-где стоят полицейские машины. Видны яркие и разнообразные формы итальянских силовиков. У кого – эполеты, у кого плюмажи... Красиво!

Доминирует древний кафедральный собор XII века. Впрочем, что значит – XII века? Если приглядеться – метрах в 10 от земли четко видна граница старой и новой кладки. Бледно-розовый цвет меняется на устало-серый. Смотришь – и понимаешь, какой силы были удары ранним утром 28 декабря 1908 года, если даже такое сооружение рассекло пополам. А ударов было три! Город спал. И потому понес такие страшные жертвы.

Постепенно площадь заполняется народом. И пока в самом соборе идет поминальная служба, в которой у престола объединились католический, греческий и русские священники, свободно-го места уже не остается.

Еще до поездки мне удалось увидеть старые фотографии начала XX века, на которых изображено то, что осталось от богатого города. Строго говоря – ничего не осталось. «Город представлял собой ужасный вид, представляя лишь груды камней», – писал домой один из гардемарин-ов русской эскадры. «Над городом зловеще догорало зарево пожара, вместо фонарей светили с рейда наши прожекторы, и все стены сто-

Почетный караул большого десантного корабля Черноморского флота «Цезарь Куников» у памятника Русским морякам в Мессине

ПРЕДОСТАВЛЕНО ФОНДОМ АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО

нали, отовсюду слышались жалобные стоны», – делился с родными другой. И теперь, глядя по сторонам, в который раз поражаешься силе человеческого духа и человеческого терпения. Мессина свежа, красива и пахнет историей.

Тогда, после землетрясения, были и такие предложения: раз восстановлению не подлежит, лучше снести полностью и на месте старого построить совершенно новое. Хватило ума не согласиться.

Длинной колонной идем по широкой улице, что тянется вдоль моря параллельно набережной. За кронами деревьев мелькает серая громада нашего большого десантного корабля у причальной стенки. Знаменная группа, взвод почетного караула и офицеры корабля – уже с нами. Командир спокойно рассказывает: «Шли из Севастополя пять дней. Не торопясь. Море позволяло... Во главе колонны гремит медью флотский оркестр.

В мессинском парке просторнее, чем в Таормине. Но места все равно не хватает. Казалось бы, русских – сотни две, не меньше. Но наша речь растворяется в итальянской.

И только сильный микрофон позволяет слышать слова председателя попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной сла-

вы России Владимира Якунина: «Люди потому и являются людьми, что их высокая нравственность позволяет спасать других людей, несмотря на то, что они придерживаются разных вероисповеданий и говорят на разных языках...»

Нередко речи на официальных мероприятиях утомляют и снижают пафос самого действия. На сей раз – все иначе. Выступают посол Италии в России Антонио Дзанарди Ланди, посол России в Италии Алексей Мешков, президент провинции Мессина Нанни Ричевуто, мэр Мессины Будзанко, внук скульптора Кюфферле Пьер Фассор. Говорят коротко и конкретно.

Посол пересказывает монолог незнакомому ему мессинца, заявившего, что живет только потому, что тогда, в декабре 1908-го, его отца снял с четвертого этажа полуразрушенного дома русский матрос.

Президент провинции сообщает, что принято решение о переименовании площади, на которой установлен памятник, в площадь Русских моряков. И передает Владимиру Якунину в дар копию той золотой медали, что вручили мессинцы экипажу крейсера «Аврора» в 1911 году и что была безвозвратно утеряна после 1917-го.

Падает белое покрывало. И два бронзовых матроса бережно тя-

ПРЕДОСТАВЛЕНО ФОНДОМ АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО

нут из-под бронзовых досок и камней бронзовую девушку... Где-то в отдалении бухают орудия. 21 памятный залп. Автоматы почетного караула итальянских ВМС и нашего ВМФ молчат. Тут караулу стрелять не принято. Тут никогда не разрешают военнослужащим из иностранных армий находиться с оружием в руках. Нашим – разрешили.

ПАМЯТНАЯ ДОСКА. РЕДЖИО КАЛАБРИЯ

Торжественный обед – дело, конечно, нужное и неспешное. Но у нас не тот случай. Впереди – еще одна церемония. Теперь – на материке. Нас ждут в столице провинции Калабрия. Вон она – на том берегу пролива. Паромы ходят туда-сюда часто. Огромные, неуклюжие на вид, но, как оказалось, весьма шустрые. Из-за течений до итальянского берега добираться минут 40. Обратно – чуть ли не в два раза быстрее. Калабрия – это пятка на «итальянском сапоге». Истинная провинция. Даже в сравнении с не самой успешной Сицилией живет неважно. Что уж там говорить о богатом миланском Севере. Редкие стройки заморожены, дороги – если и не чета нашим, то хвастаться все равно нечем. Берега пока пусты. Мы едем мимо будущих пляжей, и нам рассказывают, что есть пла-

ны превратить калабрийские берега в туристский рай. Что ж, планы – они на то и планы, чтобы дарить надежду. Узнав о том, что русская сторона решила поставить памятник в Мессине, калабрийские власти сами вышли с предложением, суть которого, если коротко, – и нас не забудьте. Все, что смогли, – предоставили место для памятной доски. И тоже в парке. И тоже – рядом с морем. Доску и вертикальную декоративную стену для нее делали там же, где и бронзовых матросов, и бюст Николая II, – в России. Около месяца вице-президент Международного фонда славянской письменности и культуры Владислав Мещангин, едва доставили из Москвы ценный груз, метался по треугольнику Таормина – Мессина – Реджио Калабрия. Чтобы успеть, чтобы не упустить ни одной мелочи. Успел... Если строго по науке, катастрофу 1908 года называют «землетрясение на Сицилии и в Калабрии». Да, трагедия Мессины затмила остальные беды. Но в малонаселенной тогда Калабрии только в двух прибрежных рыбацких поселках погибло около половины жителей. Досталось и провинциальной столице. Экипажи русских броненосцев «Цесаревич» и «Слава», крейсеров «Богатырь» и «Адмирал Ма-

Российская делегация
Фонда Андрея
Первозванного:
памятник открыт

каров», канонерских лодок «Гилляк» и «Кореец» спасали людей на обоих берегах. Приказ об операции командующий учебной эскадрой контр-адмирал Литвинов отдал, не дожидаясь разрешения из Петербурга. Всего сутки понадобились кораблям, чтобы из военной базы Аугусты, расположенной в 70 милях от Мессинского пролива, дойти до места катастрофы и высадить на берег гардемаринов, офицеров, врачей, санитаров и две роты матросов. На 3 тысячи русских моряков пришлось более 2 с половиной тысяч спасенных из-под завалов. А сколько десятков тысяч человек перевязали, накормили, согрели, отправили в матросские кубрики и офицерские каюты, перевезли в безопасные места? «Адмирал Макаров» даже успел сходить с ранеными в Неаполь и вернуться. А «Цесаревич» – в Сиракузы... Помощь подошла позже. Появились отряды итальянской армии, американцы, британцы... Потом были награды от собственного и итальянского правительств, хвалебные очерки в газетах всей Европы. И – воспоминания очевидцев. Кто-то рассказывал, что русские моряки откопали хранилище Итальянского банка, где лежало 20 миллионов франков. И сдали все до последней монеты, удивлялся западный репортер. Кто-то писал о том, что в Неаполе в русское консульство пришел простой матрос со спасенным им грудным ребенком. Ребенок спал, напоенный молоком и спеленатый по всем правилам. А матрос попросил, ежели родители не съшутся, взять малютку обратно, на воспитание. Кто-то первым назвал русских «ангелами с моря». Остальные подхватили. ...Не то чтоб уже стемнело, но огни на сицилийском берегу зажглись. Паром торопится домой, в Мессину. Она беззаботно развалилась на берегу, разомлев от июньского жара, лениво подмигивая фонарями. ■

Палермо – Таормина –
Мессина – Реджио Калабрия

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ПОД ПОКРОВОМ ВОСКРЕСШЕГО ЛАЗАРЯ

Храм
Святого
Лазаря

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

НА КИПРЕ, ГДЕ ЖИЛИ И ЖИВЕТ НЕМАЛО НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ДО СИХ ПОР МОЖНО СДЕЛАТЬ ОТКРЫТИЯ В ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ РОССИЯН НА ОСТРОВЕ. НЕ ТАК ДАВНО СОТРУДНИКИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА ОБНАРУЖИЛИ В ПРИГОРОДЕ ЛИМАССОЛА РУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ 20-Х ГОДОВ ПРОШЛОГО ВЕКА.

С ГЛАВОЙ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО центра Натальей Владимировной Зыковой мы встретились в Ларнаке, в храме Святого Лазаря, друга Господня, воскресшего Спасителем в Вифании и вторично упокоившегося на Кипре. Прекрасный каменный храм в старовизантийском стиле уберегает нас от дневного зноя, в полумраке горят лампы, висит старинный резной иконостас, благоухает розами рака с главой святого Лазаря...

– Я этот храм особенно люблю, – говорит Наталья Владимировна. – Именно здесь родился наш центр. Семнадцать лет назад мы открыли при этом храме воскресную школу, вели переписку с патриархом Алексием II. Мы бережно храним его благословения на многие наши акции. Святейший говорил: «Вы, как представители Русской православной церкви на Кипре...»

– *Вы до сих пор представители РПЦ на Кипре?*

– За прошедшие годы многое изменилось. В Лимассоле есть русский приход святого Николая. Отец Виктор (Зогий) и матушка Анна ведут там воскресную школу. Между Ларнакой и Лимассолом открыт храм иконы Божией Матери Семистрельной, где служит русский батюшка, отец Сергей. И там есть воскресная школа. Русскоязычных жителей Никосии окормляют присланные из Москвы священники.

– *А как организован ваш центр?*

– По-семейному. Помещение центра – наш дом в Ларнаке, а работники – вся семья. Но у нас очень много друзей и помощников. Это в первую оче-

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

редь ученики и педагоги русскоязычных школ и образовательных центров, а также ряд организаций соотечественников. Есть у нас помощники и в России, Англии, Чехии. Наши мероприятия часто начинаются в кругу семьи, а в процессе к ним подключается все больше друзей. Например, у нас был проект «По стопам Василия Григоровича-Барского», паломника XVIII века, который 25 лет ходил по Святой земле, Греции, Италии. Четыре раза был на Кипре, побывав почти во всех действующих тогда монастырях. Мы с моим мужем, Валерием Александровичем, два года шли

Место упокоения воскресшего Лазаря под алтарной частью храма

Вид на город Лимассол, каждый пятый житель которого – русскоязычный

по маршруту Барского. А завершали путь вместе с нами трудовой коллектив посольства РФ, дети из русскоязычных школ, паломники из России.

– *Что значит – два года шли по маршруту?*

– Например, читаем в книге Барского: «Из монастыря Скуриотисса я отправился в близлежащую обитель Кусулиотисса, отстоящую на час ходьбы». Настает выходной день. Мы приезжаем в Скуриотиссу, осматриваем сохранившийся монастырский храм, а затем идем пешком в следующую обитель. Всегда прибегали к помощи местных жителей, но не всегда наши сверстники помнили историю своего края. Тогда разыскивали старожилов. В конце концов выяснялось, что от монастыря Богоматери Кусулиотиссы осталась одна церковь, мы ее находили, изучали и возвращались обратно к оставленной машине. А через неделю приезжали уже к храму Кусулиотиссы и, сверяясь с записками Барского, искали следующую обитель. Так и прошли весь маршрут замечательного путешественника. Только путь Григоровича-Барского по северному Кипру нам не удалось пройти пешком. Там везде военные, которые задерживают любых путников. Поэтому по северу мы ехали на машине. Но я не считаю, что этим мы нарушили принцип паломничества. Барский тоже два раза не шел, а ехал – в богатых монастырях ему давали мула.

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н.В. ЗЫКОВОЙ

– Как вы нашли русский некрополь?

– У нас есть хороший друг, английский журналист русского происхождения Майкл Нельсон. Он много и часто путешествует. В какой бы стране Майкл ни оказался, он первым делом идет не в музей, а на кладбище. Считает, что кладбище дает полную характеристику народа и его культуры. И вот однажды, побывав на британском военном кладбище в Полимии, пригороде Лимассола, Майкл увидел каменный крест и надпись на нем по-русски с буквой «ять». Это была могила подпоручика Маркова, похороненного в 1922 году. Крест окружали заброшенные могильные холмики с номерными табличками. Майкл выяснил у коменданта кладбища, что здесь похоронены русские. Но кто и когда – неизвестно. Мы начали поиски. Долгая история с обращениями в английские, российские и чешские архивы продолжалась несколько лет. На Кипре располагались лагеря русских беженцев – офицеров и членов их семей. Сюда привозили военных, как после поражения Деникина, так и после разгрома Врангеля. Англичане держали русских в жесточайших условиях, это были фактически концлагеря. И это после того, как их обобрали французы, которые за конвоирование белой армии забрали не только флот, но и все сколько-нибудь ценное имущество беженцев. И вот их чуть

В русской школе
Пафоса на уроке
православия

Отец Виктор
(Зогий) освящает
русский
некрополь

ли не голых, в обмотках – в лагеря за колючую проволоку.

Видимо, союзники боялись объединения близких по духу киприотов и русского войска численностью в несколько тысяч. Англичан могли за просто страхнуть с православного острова в море. Поэтому наших военных держали в лагерях, морили их голодом, унижали. Об этом я прочла в материалах инспекции русских лагерей, предоставленных нам российским посольством на

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н.В. ЗЫКОВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н.В. ЗЫКОВОЙ

Кипре. Инспекцию проводили по распоряжению Врангеля. Документ был засекречен. И не потому, что он представляет какую-то тайну, просто никто этой темой не интересовался. Справедливости ради стоит отметить, что после инспектирования поднялось много шума, и содержание русских в лагерях значительно улучшилось.

– *Сколько русских захоронений вы обнаружили?*

– Двенадцать могил. Но, конечно, учитывая тяжелейшие условия жизни в лагерях, можно предположить, что русских могил на Кипре значительно больше. Земля здесь очень дорогая, в том числе на кладбище. А если к могиле никто десятилетиями не приходит, надгробия нет, то ее без особых проблем можно и ликвидировать. В Полимидии, например, между двумя русскими захоронениями 20-х годов расположены могилы англичан 60–80-х годов. У нас есть свидетельства, что на Кипре был еще один лагерь русских беженцев, в районе Фамагусты, там также находится еще одно британское военное кладбище. Его нам обследовать не довелось. Майкл Нельсон пытался это кладбище посетить, но разрешения не получил.

– *Как сейчас выглядит русский некрополь в Полимидии?*

– В том секторе кладбища, где захоронены русские, мы поставили мраморную стелу с надписью: «Здесь похоронены русские изгнанники 1921–1922 годов. Помяни, Господи, души усопших рабов твоих. Сотвори им Вечную Память». А на изготовление 12 надгробий нужно было 16 тысяч евро. Мы обратились к соотечественникам, проживающим на Кипре, и за три месяца собрали нужную сумму. Люди приносили буквально по 10 евро. Теперь над могилами стоят русские восьмиконечные кресты с именами захоронен-

Захоронения
русских
беженцев

ных, а также даты погребения в соответствии с данными, предоставленными англичанами. Я перечислю имена захороненных. Генерал-лейтенанты: Марголи Александр и Михаил Бутчик. Полковник Левкин Давид. Офицеры: подпоручик Панченко Петр, капитан Курманов Иван, подпоручик Овсиенко Михаил, поручик Уршвич Владислав. Гражданские: Кохановский Владимир, Гартман Елена, Руд Иван, Калецкая Лидия.

– *Удалось ли выяснить судьбу этих двенадцати?*

– Мы лишь знаем, что они находились у англичан в лагерях. Русским запрещалось покидать территорию лагеря, общаться с местным населением. Известны лишь единичные случаи, когда, например, жена одного офицера работала у зубного врача. Наши соотечественники и в изгнании сохраняли силу духа. Исследователь Андрей Корляков прислал нам из Франции материалы, в которых содержатся редкие фотографии лимассольского лагеря. Судя по ним, лагерь находился недалеко от британского военного кладбища. На фотографиях запечатлены дети, их было около трехсот. С детьми занимались, ставили спектакли. Кроме того, есть фотография русского храма, который был оборудован в бараке. В Центральном военном архиве нам удалось получить информацию о некоторых соотечественниках. Известно, где и когда родились, где служили, почти все они участники русско-японской войны. А вот жизненный путь одного из похороненных, генерал-лейтенанта Михаила Бутчика, удалось проследить. Он – герой Первой мировой войны, георгиевский кавалер, был нашим разведчиком в Туркестане. Имя Бутчика встречается более чем в 50 источниках. Я свела все эти сведения воедино и написала небольшую повесть «Михаил Бутчик: судьба русского офицера». Теперь

пытаюсь ее издать. К 2014 году, к столетию начала Первой мировой, надеюсь, напечатаем. Мы планируем провести широкомасштабную акцию. Ведь так обидно, что миллионы русских, павших на полях Первой мировой, забыты. Я регулярно бываю в Англии и вижу, как трепетно англичане относятся к могилам участников той войны. У меня дочь живет в маленьком городке Хитчин возле Лондона. И в центре этого городка стоит памятник горожанам, погибшим в Первой мировой войне. Жители Хитчина собираются у памятника и хором поют песни тех времен. А в Эдинбурге список всех погибших хранится в огромном мемориальном сооружении в виде церкви.

– *Известно, сколько всего русских содержалось на Кипре?*

– Определенно сказать нельзя. В лагерях содержалось не менее 2 тысяч человек. В некоторых источниках фигурирует цифра 6 тысяч человек.

– *Куда же делись эти тысячи беженцев?*

– Очевидно, большую часть из них увезли в другие места, часть умерли, кто-то остался на Кипре. Но никакими документальными свидетельствами мы не владеем. После 1922 года их след теряется.

– *Нашли ли вы потомков тех эмигрантов, которые и сегодня живут на острове?*

– После обнаружения русских могил мы дали объявления во все кипрские газеты с просьбой отозваться потомков или тех, кто что-либо знает о судьбе русских изгнанников. Потомки тех беженцев на Кипре живут, я уверена. Киприоты рассказывают иногда кое-что. Кто-то помнит, например, что учился с русскими в школе. Бабушка одна вспомнила, как в 50-х годах с ней на радио работал некто Нарышкин, который знал несколько языков, но ничего о себе не рассказывал. Однако на наши объявления никто не откликнулся. Был только один анонимный звонок. Мужчина, говоривший по-русски с акцентом, сказал: «Вы, прежде чем такие вещи писать, узнайте, реабилитированы ли участники Белого движения...» Так что люди до сих пор боятся.

– *Получается, ваши поиски зашли в тупик?*

– Нет, полагаю можно найти еще много сведений. Нужно поехать в английские архивы, смотреть газеты тех лет. Требуется огромная работа. Но очень мало времени. Я-то вообще занимаюсь византологией, историей Кипрской православной церкви, много работаю в русскоязычных учебных заведениях. И тут вдруг случайно всплыла вся эта тема. Хотя, конечно, ничего случайного нет. Было ощущение, что эти люди, чья жизнь так скорбно закончилась на чужой земле, окликнули нас из прошлого. Вообще, судьба русского офицера – это тема для меня близкая. Я выросла в семье

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

Русские паломники поднимаются к монастырю Ставровуни

офицера, тридцать лет отдал армии мой муж, его предки тоже были военными. И повесть о Михаиле Бутчике – это дань уважения и признательности русским военным. Их судьба была трагична, им приходилось сражаться с собственным народом. Что может быть горше? В воспоминаниях Деникина я прочитала, как в ставке разрабатывали план атаки на Ростов. И один генерал ужаснулся. Говорит: «Боже мой! Что я делаю? Разве для этого я стал военным, учился в Академии, чтобы планировать поход на Ростов?» Обидно очень, что Гражданская война нанесла по национальной психологии такой сильный удар. Мы до сих пор ищем врагов. Представьте себе, что после того, как повесть о Михаиле Бутчике была опубликована в еженедельнике «Европа-Кипр», я получила много откликов от читателей. Были и такие: «Вы нас разочаровали, оказывается, вы – за белых».

– *А не нашлось историков, желающих написать диссертацию о русских беженцах на Кипре?*

– Пока нет. Я со своей стороны готова предоставить всю информацию, которой владею, помочь в проведении исследования. Но мне неизвестно, чтобы кто-то таким исследованием заинтересовался. А сколько здесь русских живет!

– *Говорят, 60 тысяч русских проживает в одном только Лимассоле. Чем они занимаются?*

– Русскоязычное сообщество на Кипре многочисленно и разнородно. В него входят бизнесмены, студенты, кипро-русские семьи, сотрудники меж-

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

Нижняя
монастырская
площадка
на Ставровуни

дународных компаний. Есть богатые люди, живущие на дорогих виллах. Немало на Кипре и тех соотечественников, кто свою копейку зарабатывает, что называется, в поте лица. И именно они, когда в России были пожары летом 2010 года, организовали сбор средств в помощь погорельцам одной из областей.

– *А посольство России и бизнес-сообщество помогают вашему центру?*

– Надо отдать должное, моральную поддержку со стороны сотрудников посольства наша православная организация всегда ощущает. Наш центр вот уже семь лет проводит День славянской письменности и культуры. На празднике всегда присутствуют представители российского и украинского посольств. Празднику оказывает помощь Кипрская православная церковь. Конечно, для проведения Дней нам бы хотелось и материальной поддержки, так как мы – организация благотворительная и существуем на пожертвования. Но, к сожалению, наши бизнесмены не понимают важности этого праздника, его роли в воспитании подрастающего поколения. Особенно это важно для тех, кто проживает вдали от Родины. Обычно, когда мы обращаемся с просьбой о помощи, навстречу нам не идут. Помогают редко. Зато очень активно спонсируются всевозможные шоу с приездом эстрадных звезд. И это огорчительно. Поймите правильно, мы не против зрелищ, но должны быть приоритеты.

– *Вы еще организуете паломнические поездки по Кипру?*

– Да, и всегда стараемся сделать акцент на истории взаимоотношений Русской и Кипрской православных церквей, духовной близости наших народов. Ведь даже мало кто из живущих здесь русских знает, какую помощь оказывала Россия местной церкви. Вот, например, эта большая икона Божией Матери в серебряном окладе. Киприоты называют ее «Русская чудотворная». И приезжают приложиться со всего острова. Согласно преданию, эта икона была подарена царем Алексеем Михайловичем в благодарность за исцеление одной из его дочерей. Или знаменитый древний монастырь Ставровуни, стоящий на вершине горы. Своим возрождением обитель во многом обязана русской монахини Варваре Катаевой, которая в середине XIX века посетила Ставровуни и, увидев, что монастырь едва не разваливается, отправилась по России собирать помощь братьям по вере. На собранные матушкой Варварой 50 тысяч пиастров золотом монастырь восстал из руин. И таких примеров множество. Если мы сами забыли, что во времена турецкого ига наша страна поддерживала всемерно Кипрскую православную церковь, то не стоит удивляться, что и киприоты об этом ничего не знают. Надо ли напоминать? Я считаю, что надо, но очень корректно. Другие приходили сюда с огнем и мечом. Мы же всегда приходили с помощью и молитвой и всегда оставляли на этой земле память о добрых делах. ■

ПАМЯТЬ СТАЛИНГРАДА

АВТОР

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 23 АВГУСТА 1942 ГОДА ОКОЛО ЧЕТЫРЕХ ЧАСОВ ДНЯ НАД СТАЛИНГРАДОМ ПОЯВИЛИСЬ СОТНИ НЕМЕЦКИХ САМОЛЕТОВ. ЗАВЫЛИ СИРЕНЬ, НА ГОРОД ПОСЫПАЛИСЬ БОМБЫ. ПЫЛАЛИ ДОМА И ЗАВОДЫ, СПАСЕНИЯ НЕ БЫЛО НИГДЕ. БОМБАРДИРОВКА ПРОДОЛЖАЛАСЬ БОЛЕЕ ВОСЬМИ ЧАСОВ, ПРЕВРАТИВ СТАЛИНГРАД В РУИНЫ. ТАК НАЧИНАЛОСЬ СРАЖЕНИЕ ЗА ГОРОД, КОТОРЫЙ ПРЕГРАДИЛ НЕМЕЦКИМ ВОЙСКАМ ПУТЬ К ВОЛГЕ.

В СЕНТЯБРЕ ЛИНИЯ ФРОНТА ПРОЛЕГЛА ЧЕРЕЗ СТАЛИНГРАД. КАЗАЛОСЬ, перед натиском противника городу уже не устоять. Но затем начались месяцы страшных уличных боев, жесточайшие схватки за каждый дом, подвал, этаж. И, наконец, разгром 300-тысячной группировки фельдмаршала Паулюса – победа, которая во многом предопределила дальнейший ход всей войны. Примет тех сражений, что шли здесь семьдесят лет назад, в городе сохранилось немало. Не так давно возле здания Панорамы Сталинградской битвы установили советский танк Т-34, поднятый из болота поисковыми отрядами. Эта машина погибла в сражении на реке Чир, на дальних подступах к городу. Вероятнее всего, танк увяз на каком-то заболоченном участке, и немцы расстреливали его как неподвижную мишень. Башня у машины сорвана, броня вскрыта – сработавший боекомплект разнес танк изнутри.

Битва за Сталинград была самым масштабным сражением на суше во Второй мировой войне. После нее от города остались лишь десятки квадратных километров развалин. Поначалу Сталинград даже не собирались восстанавливать, а хотели перенести на другое место. Но все же город отстроили заново. А память о минувшей войне сохранилась в названиях площадей и улиц, которым присвоены имена тех, кто защищал Сталинград. На фасаде местного ЦУМа установлена доска, надпись на ней гласит: «31 января 1943 г. 38-й мотострелковой бригадой полковника Бурмакова в подвалах этого здания был пленен со своим штабом генерал-фельдмаршал Паулюс...» Несколько лет назад в подвалах ЦУМа был создан Музей «Память».

МУЗЕЙНЫЕ ПОДВАЛЫ

По широким ступеням мы спускаемся в подземелье, повидавшее немало на своем веку. В длинном подвале собрана разнообразная военная техника и амуниция времен войны, на стенах – фотографии боев на улицах Сталинграда, карты, донесения, приказы. В стендах под стеклами – образцы оружия, боеприпасов и обмундирования бойцов Красной армии и солдат вермахта. Под низкими

сводами подвала звучат песни военных лет, на экране монитора демонстрируются фильмы о Сталинградской битве.

Музей появился недавно. Его организовали волгоградцы – по своей инициативе и на свои средства. Пригласили архитектора и художников, которые разработали эскизы ключевых элементов экспозиции. Связались с поисковыми отрядами – они помогли музею обзавестись подлинными экспонатами. Ра-

Часть экспозиции волгоградского Музея «Память»

зыскали в архивах документы, относящиеся к Сталинградской битве. У людей, создававших музей, было одно желание: на основе воспоминаний очевидцев и архивных материалов воссоздать события двух последних месяцев этого сражения, которое закончилось пленением Паулюса и более 20 высокопоставленных офицеров.

Сегодня экспозицию ежедневно посещают около 100 человек, многие сюда возвращаются снова и снова. Музей открыт для всех, вход бесплатный. Здесь часто собираются ветераны, школьники приходят на экскурсии целыми классами, отсюда юношей провожают в армию. Приезжают в музей и гости из других городов и стран. Бывают и немцы, они подолгу задерживаются у стендов с письмами солдат вермахта, вчитываются в строки, написанные их соотечественниками в окопах разрушенного Сталинграда...

Мы идем по подвалу, превращенному в музейные залы. Экспонаты, собранные на местах боев, доносят атмосферу тех дней, когда наши войска после изматывающих оборонительных боев перешли в наступление и окружили группировку противника. Здесь нет муляжей,

все предметы найдены в земле или подарены ветеранами. В стеклянных витринах разложены солдатские котелки, каски, противогазы и радиостанции. Рядом – гранаты, штыки, снаряды, гильзы, бинокли. По правую руку – предметы, принадлежавшие защитникам Сталинграда, по левую – их противникам. Сравнения весьма наглядны. Вот в «немецкой» витрине лежит металлическая фляжка. А напротив – фляжка советского солдата, она из толстого стекла, поскольку алюминия тогда не хватало. Иногда такую фляжку наполняли зажигательной смесью, и она превращалась в оружие. Выставленные в витринах снаряды для минометов тоже примечательны. Калибр немецкого – 82 миллиметра, советского – 83 миллиметра. Разница небольшая, но она позволяла нашим минометчикам использовать трофейные снаряды, а минометчики вермахта такой возможности были лишены. Некоторые экспонаты относятся к тому периоду, когда снабжение окруженной группировки Паулюса осуществлялось только с помощью самолетов. Среди подобных предметов – продуктовые контейнеры, которые немецкая авиация сбрасывала своим солдатам. Однако позиции армии Паулюса и советских войск располагались столь близко, что нередко такие посылки доставались красноармейцам. Интересно почитать и письма, писавшиеся по обе стороны линии фронта. «Здесь труднее, чем в предыдущих боях, – сообщал своим родным красноармеец Н. Данилов. – Ну, ничего, все равно разобьем их. Разгром, полнейший разгром немецких захватчиков будет здесь». Совсем иные настроения владели ефрейтором Б. Гебгардтом: «Каждый день мы задаем себе вопрос: где же наши спасители, когда наступит час избавления, когда же? Не погубит ли нас до того времени русский...» В одном из помещений музея воссоздан кабинет Паулюса. Обстановка спартанская: узкая

кровать, лампа из артиллерийской гильзы, стол, заваленный картами, рядом корыто, в котором мылся военачальник. На стене – копия радиограммы, в которой сообщается о присвоении Паулюсу звания генерал-фельдмаршала. В другом зале – художественная реконструкция одного из центральных районов воюющего Сталинграда. Диорама обьятых пожаром разрушенных городских зданий воспроизводит вид, открывавшийся в начале 1943 года с площади Павших борцов, на которой расположен ЦУМ. У входа в этот зал стоит легковой автомобиль «опель-капитан» образца 1938 года. По предположению местных историков, на таком автомобиле Паулюс пытался покинуть город. Еще одна часть экспозиции посвящена медицинской теме. Работа врачей и санитаров в Сталинграде – это непрерывная

Трофейный автомобиль «опель-капитан», выставленный в одном из залов музея

чередой подвигов. Выносить с поля боя раненых, оперировать их и выхаживать приходилось под постоянным обстрелом, зачастую не имея под рукой элементарных медицинских препаратов, испытывая нехватку питьевой воды. В помещении, стилизованном под одну из улиц военного Сталинграда, четверо санитаров переносят на плащ-палатке раненого командира. Здесь же выставлен разнообразный инвентарь полевой медицины тех времен: кровоостанавливающие жгуты, слушательные трубки, шприцы, перевязочный материал, коробка с ампулами кофеина, чудом уцелевшая во время боев.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Зал, расположенный в самом начале экспозиции, – это своего рода гостиная музея. Здесь за дощатыми столами обычно собираются ветераны, проводят внеклассные занятия школьники, анонсируются книги, посвященные Сталинградской битве. В тот день, когда мы пришли в музей, «гостиная» была полна пожилых людей и подростков. Мы наблюдали своеобразную эстафету поколений: «дети Сталинграда» общались с сегодняшними мальчишками и девчонками. Участников сталинградских боев осталось не так уж много. Но живы еще сви-

Предметы обмундирования и снаряжения солдат вермахта

Музейный зал,
посвященный
работе
сталинградских
врачей и
санитаров

детели этих страшных событий – те, на чье детство пришлось война. Их память хранит подробности, которые в горячке сражений вряд ли могли запомнить взрослые. Мы попросили рассказать нам о войне. Эти рассказы очень просты, но они полны деталей, благодаря которым история перестает быть набором сухих фактов и дат и превращается в живую повесть, связывающую людей, живущих в разное время в одной стране.

Геннадий Михайлович Ермолаев вспоминал, что для него, как и для многих его ровесников-мальчишек, война поначалу была событием скорее интересным, чем страшным: «По Рабоче-Крестьянской улице шли солдаты и несли аэростаты, они переливались на солнце, будто живые. Потом по этой же улице шли наши танки. А мы, мальчишки, выбегали на улицу, кидали под гусеницы палки, смотрели, как их перемалывает, и очень веселились.

Дед меня поймал за этим занятием и оттрепал за уши. Но все это было до той страшной бомбежки в августе. В тот день небо стало черным от самолетов. Деревянные дома на нашей улице горели, взрослые пытались хоть что-то спасти от огня. В небольшом садике неподалеку от дома были выкопаны окопы. Меня посадили туда вместе с бабушкой. Рядом упала бомба, бабушку ранило в голову, было очень страшно, я кричал, на крик прибежала мама. К счастью, рана оказалась небольшой. Весь свой скарб мы погрузили на тележку

и день за днем колесили с ней по городу в поисках места, где не бомбят, но такого места не было. Помню, как мы зашли в полуразрушенное здание, в подвале которого приютилось несколько семей. А на следующий день в этом же здании расположились немцы. Один из них дал мне конфетку, она была белая, как таблетка. А ночью, когда мой дед вышел из этого подвала, раздалась автоматная очередь, и деда не стало. Может быть, его застрелил тот самый немец, что угостил меня конфетой».

Летом 1942 года оставшиеся в городе дети редко видели родителей, которые почти круглосуточно находились на работе. Самые маленькие сталинградцы большую часть времени проводили в детских садах. Но даже в таких сугубо мирных учреждениях чувствовалось дыхание войны. Рассказывает Изабелла Михайловна Сурова: «Моя мама была врачом, а отец – рентгено-техником. Работали они в Больнице имени Ильича. С началом

войны в больнице разместились госпиталь. Родители часто оставались на ночное дежурство, к тому же им еще приходилось нередко дежурить на крыше нашего дома, чтобы сбрасывать и тушить зажигательные бомбы. Поэтому я, как и другие дети, часто оставалась на ночь в детском саду. Во дворах всех домов были устроены щели – окопы с накатом, в которых мы спасались от бомбежек. Были такие окопы и в нашем садике. Их осенью 1941 года копали воспитательницы и нянечки. А мы таскали опавшую листву и сверху засыпали ею щели. Однажды после налета я нашла в садике какую-то железку и показывала ее мальчишкам. А наша воспитательница Дарья Петровна очень испугалась и просила меня не бросать этот предмет. Тут же принесли носилки с песком, и я осторожно положила на него свою находку. Для мальчишек тогда я стала настоящей героиней».

Некоторым из них пришлось пережить гибель своих друзей и одноклассников. Вспоминает Владимир Петрович Гончаров: «Дома часто горели – немцы сбрасывали на город зажигательные бомбы. Мы хоть и были еще совсем маленькими, но тоже забирались на крыши и гасили зажигалки. Я однажды чуть не свалился, повис на карнизе. Во время бомбежек людей нередко засыпало так, что их приходилось откапывать. Как-то раз бомбили весь день, самолеты улетели уже под вечер. Рядом с нами был подвал, в нем спрятались женщина с двумя мальчиками. Подвал этот завалило, и люди взялись его откапывать. Землю рыли долго, заканчивали уже при свете керосиновых ламп, но все же спасли и женщину, и ее детей. Мой отец, уходя на фронт, выкопал для нашей семьи во дворе дома траншею. Туда мы перетаскивали какие-то вещи, повесили полочку для посуды. На входе в траншею обычно сидела наша собачка. Но однажды в это убежище угодил снаряд. Нас в тот момент там не

Фрагмент диорамы, которая экспонируется в одном из музейных залов

было, но вещей мы лишились, погибла и собачка. Стали мы ходить по соседям – кто примет. У одной моей одноклассницы, которую часто в шутку прочили мне в невесты, траншея была хорошая, просторная, с белеными стенами. Несколько раз мы у них ночевали. А потом как-то узнали, что их завалило землей. Откапывали, но было уже поздно. И та девочка, и ее бабушка с дедушкой так и остались в траншее во дворе нашего дома».

В те дни сталинградские мальчишки и девчонки словно повзрослели. Всем хотелось помогать старшим. Но война не могла отменить детство, и время для игр находилось, несмотря на непрекращающиеся бомбежки. Михаил Михайлович Шевц: «Мой отец работал на металлургическом заводе «Красный Октябрь» обрубщиком горячего металла. С началом войны завод перешел на выпуск военной продукции. Делали броневые листы, колпаки для дотов, листы для кабин самолетов, «катюши». Отец по три-

четыре дня не выходил с завода. Рабочие спали у печей, там же их кормили. Мне и моим приятелям было тогда по 9–10 лет. Но нам очень хотелось помогать взрослым. Мы часто приходили в госпиталь и помогали таскать контейнеры с медицинским инструментом. В палаты нас не пускали, а раненые просили добыть махорки. Мы собирали окурки в спичечные коробки, а раненые спускали нам из окна веревку, с помощью которой мы отправляли им табак. Бомбили город постоянно. Но мы иногда бегали купаться на Волгу. Вот как-то бомбежка застала нас на реке. Бомбы рвались повсюду, и мы кинулись бежать к дому. На косогоре у Волги наши солдаты копали окопы. Один из них схватил меня за шиворот, кинул на дно и накрыл своим телом. Когда бомбежка кончилась и он поднялся, у него из ушей и носа текла кровь. Солдат шлепнул меня, и я побежал домой. 23 августа после той страшной бомбардировки отец пришел домой и сказал, что мы эвакуируемся за Волгу. Но перебраться на левый берег мы смогли только 30 сентября».

Подростки, школьники старших классов, ученики ремесленных училищ во время войны работали наравне с взрослыми. Многие пришли на заводы, заменив ушедших на фронт родителей. Юлия Федоровна Кучинская выбрала для себя трудную и опасную работу медсестры: «Я окончила седьмой класс школы, когда началась война. Каникул в тот год не было. Очень скоро в город стали прибывать раненые, и я, как и многие мои сверстницы, пошла работать в один из госпиталей. Там же прошла краткосрочные курсы медсестер. 23 августа города не стало. Горело вокруг все, даже Волга, залитая нефтью из разбитых хранилищ. Люди пытались переправиться на левый берег, но немецкие самолеты бомбили и суда, шедшие по реке. На моих глазах потопили пароход с мирными жителями. В то время рядом с городом была песчаная

Письма, написанные во время сталинградских боев и выставленные в витринах музея

коса, мы там часто купались. До этой косы вплавь пытались добраться выжившие пассажиры с погибшего парохода. Но самолеты, снижаясь к самой воде, расстреливали людей из пулеметов. Потом были страшные дни, повсюду кровь, грязь, смерть. Раненых с каждым днем становилось все больше, их старались переправлять за Волгу. Но делать это можно было только ночью. Плавсредств не хватало, использовали что попало – бревна, плоты, доски. Все госпитали были разрушены, часто приходилось вытаскивать раненых из-под завалов. Не хватало медикаментов, перевязочного материала, вместо которого в ход пошло разорванное на полоски белье. Мы часто страдали от жажды: добыть воду из Волги обычно было невозможно, потому что все пространство вокруг простреливалось немцами. Для себя и для раненых надо было собирать дождевую воду». Улицы и дома Сталинграда часто переходили из рук в руки. Мирные жители, остававшие-

ся в городе, оказывались то среди солдат вермахта, то среди красноармейцев. О своих впечатлениях от встреч с солдатами воюющих армий рассказал Валерий Александрович Кривцов: «Во время той бомбежки, что была 23 августа, мы чудом уцелели. Когда вернулись к нашему дому, то увидели, что от него осталась только одна стена. Я был слишком мал, чтобы запомнить все происходившее тогда. Смутно помню ощущение постоянной грязи, мучительные укусы вшей и самое большое удовольствие тех дней – пшенный суп на сале. Мы жили в траншее, которую сверху заложили ветками и железом. Мать рассказывала мне, что как-то в нашу траншею зашли немцы. Один из них, увидев меня, достал из своего мешка белый хлеб, отрезал ломоть, намазал медом и протянул мне. А я спросил у матери: «Это наши?» Та в ответ покачала головой. Я хлеб брать не стал. Немец дал мне пинка и ушел. А в январе на улицы Сталинграда ворвались бойцы сибир-

Очевидцы
сталинградских
сражений, члены
объединения
«Дети военного
Сталинграда»

ских дивизий. Какой-то солдат заглянул в нашу траншею. Посадил меня к себе на колени. Был он весь грязный, пахло от него водкой, махоркой и порохом. Он дал мне кусок черного хлеба, посыпанный солью. Но прежде, чем его взять, я снова спросил у матери: «Это наши?» И, получив утвердительный ответ, начал есть».

Мы засиделись в музее допоздна. Никого из посетителей уже не было. Наши собеседники, вспоминая свое суровое детство, рассказывали о минувшей войне так, словно все это происходило вчера. На какое-то время они вновь оказались на улицах сражающегося Сталинграда...

Многие волгоградцы, с которыми нам довелось общаться, сетовали на то, что их город ассоциируется только с войной. Они хотели бы, чтобы это изменилось. Наверное, когда-то так оно и будет. Главное, чтобы при этом ничего не забылось и обо всем, что довелось пережить этому городу, сохранилась вечная память. ■

МОНАСТЫРЬ ДЛЯ СОЛДАТ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ ГЛАВНОГО
ХУДОЖНИКА БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА
ИМ. Г.А. ТОВСТОНОГОВА ПОМОГЛИ РАЗЫСКАТЬ
ЗАБРОШЕННОЕ КЛАДБИЩЕ СОЛДАТ, ИСКАЛЧЕННЫХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ.

«**Н**АМ НЕ ДАНО предугадать, как слово наше отзовется». Именно

эту тютчевскую цитату вспомнил автор рассказов о героях послевоенного ленинградского дна Эдуард Кочергин, узнав, что его книга «Ангелова кукла». Рассказы рисовального человека», а точнее, герой одной из новелл, безногий инвалид Василий Петроградский, станет причиной исторического расследования и краеведческого бума в вологодской глуши. Их итогом (разумеется, промежуточным), возможно, уже в скором времени станет установка монумента. Горицкий монастырь, вошедший в историю как место ссылки родственников и жен Ивана Грозного, а также дочери Бориса Годунова Ксении, во время и после Великой Отечественной войны был пристанищем для безруких и безногих инвалидов. В вологодскую глушь их свозили, чтобы не мозолили глаза ликующей стране.

Медсестра бывшего горицкого дома инвалидов отрицает, что инвалиды попадали в монастырь по принуждению. А художник и писатель Эдуард Кочергин уверен: Горицы были звеном цепочки по «очистке» крупных городов СССР от «обрубков войны». «Очистили на славу, и не только из городов, но и из памяти людской, – говорит Кочергин. – После выхода «Ангеловой куклы» многие читатели и литературоведы сооб-

щали мне, что я открыл новую тему в литературе. Об инвалидах войны, говорят, никто настоящему не писал».

ЖИВАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЫ

О заброшенном кладбище на горе Мауре рядом с Горицами (Кирилловский район Вологодской области), на котором в начале 40-х и середине 50-х годов прошлого века были похоронены сотни участников войны – пациентов горицкого дома инвалидов, много десятилетий знали лишь местные старожилы. Родственников у несчастных солдат не было, иначе не свезли бы их в инвалидный дом, взяли бы на иждивение. Местоположение могилы обозначалось палкой с фанерной дощечкой с фамилией похороненного. Со временем эти хлипкие «памятники» смыло и сдуло, а само кладбище заросло лопухами. О людях, похороненных

здесь, жителям Гориц, а заодно и всей стране, напомнил петербургский художник и писатель Эдуард Кочергин. В свободное от основной работы главного художника знаменитого БДТ им. Товстоногова время Эдуард Степанович собирал байки о земляках. Трагические и смешные истории из жизни послевоенного Ленинграда увидели свет в 2006 году – именно тогда вышла книга «Ангелова кукла». И наделала шуму, получив несколько литературных наград, выдержав пару переизданий и даже превратившись в спектакль.

– Василия Петроградского – его настоящая фамилия для меня до сих пор загадка – у нас знали все, – рассказывает Эдуард Кочергин. – Он был местной знаменитостью, нашей достопримечательностью. Жить в послевоенные годы на Петроградской стороне и не знать Василия было невозможно. Он с утра до вечера катался на тачке по улицам с гармошкой, пел песни, балагурил. Его угощали, давали деньги. Часть рассказа составлена из моих личных воспоминаний о нем, другую часть – то, что касается дома инвалидов в Горицах и хора «самоваров», – выпытал у своей соседки, которая переписывалась с Василием и посылала те самые посылки с одеколоном, о которых я упоминаю в книге. После того как книга была опубликована, а в особенности после прочтения нескольких новелл по радио, ко мне обратились несколько земляков по поводу рассказа о Василии Петроградском. Люди помнят его до сих пор, для многих этот яркий образ навсегда остался частью детства и юности. Позвонил знаменитый художник Ветрогонский. «Вася мой дружок был, спасибо, что вспомнил о нем», – сказал он. Спектакль по книге «Ангелова кукла» четыре сезона шел в род-

ДМИТРИЙ БАЛЫТЕРМАНЦ

УЛЬЯНА БАЛАШОВА

ном для Эдуарда Кочергина БДТ. История Василия Петроградского в сценическую версию не попала. Автор отбором рассказов для постановки не занимался, предоставив режиссеру полную свободу. Как предполагает художник, вывести на подмостках самого Васю, его хор и воплотить антураж берега Шексны было бы очень непросто.

ГОРИЦЫ – ВОЕННЫЙ ПАМЯТНИК

Пару лет назад книга попала в руки московского историка-генеалога Виталия Семенова, несколько лет работавшего поисковиком в редакции программы Первого канала «Жди меня». Более других историка потряс рассказ про известного в Северной столице «обрубка» (безногого инвалида), ветерана войны Василия Петроградского, промышлявшего уличной игрой на гармошке. Оказавшись в начале 50-х годов в горицком доме инвалидов, Василий собрал из безногих и безруких коллег хор «самоваров» (так их прозвали в народе), популярный на всю Мариинскую водную систему благодаря концертам на берегу для пассажиров проплывающих по Шексне теплоходов.

Историка Семенова привлекла не столько жизнь конкретного Василия Петроградского, сколько сам факт существования горицкого инвалидного дома. В официальных документах такое учреждение не значилось. До этого несколько месяцев Виталий Семенов занимался восстановлением списков пациентов подобного дома инвалидов на Валааме. В результате там был установлен памятник с фамилиями инвалидов. Подобную работу историк начал вести и по горицкому учреждению. Его цель – обозначение поселка на карте памятных военных мест.

– Для меня Горицы такой же памятник войны, как многие из тех, что вошли в учебники и к которым ежегодно возлагают цветы, – объясняет он. – Меня, как историка, эта выборочная память не удивляет. На нашем профессиональном языке это называется «подростковостью исторического сознания». Обычный человек, который знаком с историей в объеме школьного курса, считает историческое событие важным и помнит о нем лишь в том случае, если оно как-то названо. Например, война на Халхин-Голе. К проблеме инвалидов Великой Отечественной

Более полувека, со времен изгнания отсюда монахинь и до их возвращения в 80-е годы, монастырь служил домом инвалидов, что, возможно, спасло его от разрушения. Сейчас здесь идет реставрация

войны общество не знает, как относиться, потому что на эту тему практически нет ни книг, ни фильмов, и вообще она никем не выставляется как отдельная тема. И таких тем очень много. Мне кажется, это несправедливо.

На первое письмо Виталия Семенова в областной департамент труда и соцразвития пришел ответ: архивных данных предоставить не можем, поскольку, по закону о персональных данных, оные не подлежат разглашению. Но московский историк продолжал штурмовать областные власти. Первый положительный отклик пришел после обращения к тогдашнему губернатору Вологодчины, Вячеславу Позгалеву. Минувшим летом Позгалева создал специальную рабочую группу, и спустя несколько месяцев Виталий Семенов получил список из почти 500 (!) фамилий инвалидов войны, которые содержались в Горицком монастыре, но лишь с 1941 по 1949 год (списки опубликованы на сайте историка www.russianmemory.ru). Общее число инвалидов войны, прошедших через горицкий дом инвалидов с 1941-го по середину 50-х годов, неизвестно, да и вряд ли когда-нибудь будет подсчитано и восстановлено. Виной тому – огромный поток людей и небрежное обращение персонала с документацией.

Персонажа книги Эдуарда Кочергина Василия Петроградского в списках, ясное дело, не было – он поселился в Горицах в 50-е годы (похоронен, по словам Кочергина, на вышеупомянутом безымянном кладбище в Горицах). По словам сотрудника областного правительства, сейчас ведется работа по увековечению памяти этих людей.

– Приятно, что работа сдвинулась с мертвой точки, но это даже не половина работы, ведь основных списков нет, – сетует Семенов. – По моей информации, из больших городов инвалидов стали высылать в дома инвалидов в 1952–1953 годах. Тогда-то через Горицы и про-

УЛЬЯНА БАЛАШОВА

шла основная часть этих людей. В рабочей группе, созданной при правительстве Вологодской области, мне сказали, что именно за эти годы журналы и не нашлись. Очень странно. Куда же они подевались?

ЩИ ЩАВЕЛЕВЫЕ, ЩИ КРАПИВНЫЕ

Книга Кочергина и общественное внимание к дому инвалидов, который, к слову, был за-

Памятник
погибшим
в годы Великой
Отечествен-
ной местным
жителям в селе
Горицы имеется.
Энтузиасты ра-
туют за сооруже-
ние монумента
похороненным
здесь инвалидам
войны

крыт в 1972 году (в последние годы в нем содержались душевнобольные), разбудили и местные краеведческие силы. Если еще недавно на уроках по краеведению история Горицкого монастыря завершалась словами учителя о его закрытии в 1932 году и возобновлении богослужений в 90-х годах, то последние несколько лет ученики горицкой школы пишут сочинения на тему «Монастырь в годы войны». И даже читают об этом доклады на областных исторических конференциях.

– Почему монастыри стали домами инвалидов? Наверное, из-за своей огромной территории, – рассуждает учитель истории местной школы Вера Погодина. – Где еще в сжатые сроки разместить такое большое число людей? К тому же монастыри, как правило, располагаются на берегах водоемов, и подвозить пациентов

удобнее. Известно, что к горицкой пристани причаливали баржи, переполненные инвалидами.

Ни один из юных (и тех, что постарше) исследователей на пути исторических изысканий не миновал ветхого домишка горицкой жительницы Нины Александровны Котовой, которая полвека назад работала в доме инвалидов медсестрой. 90-летняя женщина осталась последней в округе свидетельницей и участницей описанных Кочергиным событий. Остальные слушатели и участники хора «самоваров» либо покинули село в 60-е годы после затопления части Гориц водами Волго-Балтийского канала, либо уже перешли в мир иной. Последний пациент инвалидного дома, Владимир Мартянов, скончался пять лет назад. Несмотря на раненую руку и потерю ноги много лет отработал зоотехником.

Из книги Эдуарда Кочергина «Ангелова кукла. Рассказы рисовального человека»:

«Через малое время после кончины усатого вождя началось массовое изгнание военно-инвалидных калек с наших островов. Их переселяли в специально созданные в бывших монастырях дома инвалидов далеко за пределы Питера. Наш Василий Петроградский был устроен в особый дом инвалидов для полных обрубков, располагавшийся в бывшем женском Воскресенском монастыре в Горицах, что на реке Шексне на Вологодчине. По прибытии в Горицы наш Василий Иванович не только не потерялся, а даже наоборот, окончательно проявился. В бывший женский монастырь со всего Северо-Запада свезены были полные «обрубки войны», то есть люди, лишенные абсолютно рук и ног, называемые в народе «самоварами». Так вот, он со своей певческой страстью и способностями из этих остатков людей создал хор – хор «самоваров» – и в этом обрел свой смысл жизни. Начальница «монастыря» и все ее главные врачи-санитары с энтузиазмом приветствовали инициативу Василия Ивановича. Сестры-санитарки во главе с врачихой по нервам вообще боготворили его и считали спасителем от страстных посягательств несчастных молодых мужских туловищ на их собственные персоны. Летом дважды в день здоровые вологодские бабы выносили на зелено-бурых одеялах своих подопечных на «прогулку» за стены монастыря, раскладывая их среди заросшей травой и кустами грудины круто спускавшегося к Шексне берега. Самым верхним клали запевалу – Пузырька, затем – высокие голоса, ниже – баритоны, а ближе к реке – басы. Вечером, когда у пристани внизу пришвартовывались и отчаливали московские, череповецкие, питерские и другие

трехпалубные пароходы с пассажирами на борту, «самовары» под руководством Василия Петроградского давали концерт. После громогласно-сиплого «Полундра! Начинай, братва!» над вологодскими угорьями, над стенами старого монастыря, возвышавшегося на крутизне, над пристанью с пароходами внизу раздавался звонкий голос Пузыря, а за ним страстно-охочими голосами мощный мужской хор подхватывал и вел вверх по течению реки Шексны морскую песню:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали...

Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от этой земли...

А хорошо прикинутые, сытые «трехпалубные» пассажиры замирали от неожиданности и испуга от силы и охочести звука. Они вставали на цыпочки и взбирались на верхние палубы своих пароходов, стараясь увидеть, кто же производит это звуковое чудо. Но за высокой вологодской травой и прибрежными кустами не видно обрубков человеческих тел, поющих с земли. Иногда только над верхушками кустов мелькнет кисть руки нашего земляка, создавшего единственный на земном шаре хор живых торсов. Мелькнет и исчезнет, растворившись в ливне. Очень скоро молва о чудесном монастырском хоре «самоваров» из Гориц, что на Шексне, облетела всю Мариинскую систему, и Василию к питерскому титулу прибавили новый, местный. Теперь он стал зваться Василием Петроградским и Горицким. А из Питера в Горицы каждый год на 9 мая и 7 ноября присылались друзьями коробки с его любимым «Тройным» одеколоном, пока майской весной 1957 года не вернулись они назад, на Татарский переулоч, что на Петроградской стороне, «за отсутствием адресата».

УЛЬЯНА БАГАШОВА

Мы застали Нину Александровну за ремонтом одной из медалей, которую она обычно носит на выходной кофте. На днях ее пригласили в школу для выступления, и старушка к нему готовится. Для нее это крупное событие, оторвавшее от любимого майского занятия – подсчета туристических и грузовых судов, проходящих под окном по Волго-Балту.

– Много их было, и разные они были, – рассказывает об инвалидах Нина Александровна, которая юной девушкой устроилась работать медсестрой в дом инвалидов во время войны. – У кого руки нет, у кого ноги, а у кого и обеих ног, так и катались на колясочках. Те, кто мог, работали на собственном хозяйстве. Там в монастыре были грядки разбиты, а еще скотный двор и конюшня. Тех, кто помоложе, отправляли учиться в Кириллов и другие города – на сапожника или гармонщика (гармони делать и чинить). А безногие, которые на каталках, ничего не делали – катались по деревне с папиросками в зубах.

О существовавших в доме инвалидов (Нина Александровна называет его «индомом») правилах и особенностях можно судить по спискам, «добытым» историком Виталием Семено-

вым. Один «выбыл по собственному желанию», другой «переведен в психбольницу», третий «исключен за самовольную отлучку», четвертый «осужден». Причины «выбытия» не поражают разнообразием. Чаще всего это смерть от туберкулеза или простуды, также нередко встречается классическое «умер от ран». Несколько инвалидов утонуло, есть и пропавшие без вести.

По воспоминаниям Нины Александровны, в 40-е и 50-е годы инвалиды в индоме делились на «отечественников» и «общий тип». Ко второму относились травмировавшиеся во время мирных занятий и одинокие вдовы, потерявшие мужей на войне.

– «Отечественников» кормили лучше, – рассказывает она. – Деревенские не всегда так питались, как они. Хлеб, каша, молоко, щи – шесть дней в неделю пустые, один день с мясом. Да и щи-то не из крапивы, как «общему типу», а из щавеля. И корпуса у них были свои, отдельные. В каждой палате по 10–12 человек помещалось.

В 1947 году тяжело пришлось всем горицким обитателям. Этот год запомнился Нине Александровне особенно лютым голодом. «Пациенты умирали каждый день, иногда по не-

На этом берегу реки Шексны, на котором стоит Горицкий монастырь, согласно рассказу Эдуарда Кочергина, и выступал хор «самоваров»

скольку человек. Возили их на кладбище на лошади, не успеет лошадь вернуться, а уже снова надо ехать».

– Пациенты индома умирали чаще, чем местные, – вспоминает уроженка Гориц Евгения Волкова, которой на момент окончания войны было 13 лет. – И дело не в питании. Мы тоже, например, в военные годы настоящего черного хлеба не ели почти пять лет. Покупали черную муку, разводили ее водой, лепешка лепилась с огромным трудом. Но были вместе, помогали и поддерживали друг друга. А инвалиды – бессемейные, одинокие, сами себя обслужить не могли, а медсестер не хватало.

Кадровые сложности с персоналом Нина Котова подтверждает, но обижается, когда инвалидный дом называют местом ссылки, и вспоминает о том, что брали сюда не всякого. На территории монастыря было чисто («не как сейчас – стройку и грязь развели»), высаживались цветы, пели птицы.

– Обиженных среди инвалидов я не помню, – говорит Нина Александровна. – Когда выпьют, войну, ранения свои да семьи вспоминают, плачут, конечно. Но ведь многие из тех, кого присылали, были молодые ребята. И что из того, что без ноги или руки. В клуб ходили, с девчатами гуляли. Лихие были парни – гармонь возьмут, как запоют, полдеревни зрителей соберут. Они даже в самодеятельности участвовали. Старичков разных играли или в масовке участвовали.

После войны мужчин в Горицах и окрестностях, как и во всей стране, было мало, и лихие ребята с гармошкой и профессией попали в категорию завидных женихов. Многие инвалиды обзавелись семьями и покинули интернат. «А вы не отвечали на ухаживания пациентов?» – поинтересовались мы у бывшей медсестры Нины Котовой. «Так ведь мой муж тоже из «отечественников», – со слезой в голосе ответила старушка...»

ЛИЦАДЕЙ

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА

ФОТОГРАФИИ

АНТОНА БЕРКАСОВА

КАК, УВИДЕВ ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА, УЗНАТЬ ЕГО ХАРАКТЕР, ЧЕМ ОН ЗАНИМАЕТСЯ И ЧТО ЧУВСТВУЕТ? НИКОЛАЙ МИТРОФАНОВИЧ МАКСИМОВ УВЕРЯЕТ, ЧТО ЭТО НЕТРУДНО.

МХАТОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Наутро Коля поплелся в театр. С трудом открыл огромную дубовую дверь с табличкой «Примерный цех». Его встретил молодой человек в галстуке и накрахмаленном белом халате. «Михаил Григорьевич Фалеев, ученик Якова Гремиславского, личного гримера Станиславского, – вспоминает Николай Митрофанович. – Красавец. Седые виски, интеллигентное лицо. Очки в тонкой золотой оправе. Великий мастер, художник. Любил скачки и женщин. Когда к нему приходили друзья, угощал их коньяком. Других напитков он не признавал».

Примерный цех располагался в большой светлой комнате. Около огромного окна на длинном белом столе стояли болванки с париками к спектаклю «Синяя птица». «Отец брал меня с собой в театр, сажал на галерку, на второй ярус. Оттуда было плохо видно, и я вставал на колени у барьера. Мне нравились «Три сестры» – ничего не понимал, но в финале все плакали, и я тоже рыдал. Самый любимый спектакль тогда – «Синяя птица». Я его знал наизусть. Поэтому когда увидел на столе парики, мне захотелось их потрогать и поговорить с ними. Словно героиней сказки стояли передо мной. Я был сражен. Сомнения исчезли, и я на всю жизнь остался в театре».

Труппа недавно вернулась из эвакуации. Начали восстанавливать репертуар, а работать некому. В гримерном цехе остались два мастера: остальные ушли на фронт. Тогда во МХАТе мужскими гримерами и костюмерами могли быть только мужчины, а женскими – женщины. Ходить мужчинам на женский этаж и наоборот было категорически запрещено. Война внесла свои коррективы: стали брать в помощь женщин из парикмахерских, но они работали формально, механически. Чтобы не потерять мхатовскую гримерную школу, решили возродить институт ученичества. Взяли трех мальчишек, в том числе

ДЛЯ ЭТОГО НАДО пять лет учиться гриму у старых мхатовских мастеров и более шестидесяти лет работать в театре бок о бок с Василием Качаловым, Олегом Ефремовым, Львом Додиним, Иннокентием Смоктуновским, Анатолием Эфросом, Евгением Евстигнеевым и другими легендами сцены.

ДЕТСТВО

15 сиропов! На Тверской открыли магазин газированной воды. Появились халва и «сено» – сладкая блестящая стружка. «Облизалка»-эскимо и билет на мультики стоили по 5 копеек. 1940 год казался Коле временем изобилия. В центре, рядом с Колиным домом, находился Палашевский рынок. Чего там только не было! Из колхозов и совхозов приезжали машины с овощами и фруктами. Мальчишек нанимали их разгружать, и расплачивались помидорами, огурцами, яблоками, грушами... Коля наедался до отвала и еще приносил домой. В семье было пятеро детей. Родители работали во МХАТе – Московском Художественном театре. Отец – билетером, мать – дежурной по этажу. Жили бедно. В одной комнате ютились семь человек. Трое помещались поперек широкой железной, с вензелями кровати, остальные спали на полу. Родителям выделили за городом участок, начали строить дом. Но планы разрушила война. Отец Николая ушел с театральным ополчением на фронт. Москву начали бомбить. Коля с друзьями дежурили на кры-

шак. «Нам выдали перчатки и огромные клещи. Мы ими брали зажигалку и опускали в воду или в песок, а если их не было, сбрасывали вниз, – вспоминает Николай Митрофанович. – Прожектора шарили по небу, выхватывали из темноты летящие самолеты и разрывы зениток вокруг них. Осколки от бомб и снарядов стучали по крыше и столу во дворе, словно град, только сильнее. Мы их собирали, надев на голову корзины, в которых на базаре носили фрукты. Каждый старался найти только что взорвавшийся, еще горячий. Это были наши «военные трофеи».

Продуктов, положенных по карточкам, семье хватало на полмесяца, а дальше – выкручивались как могли. Варили лебеду, крапиву. Осенью ездили на совхозные поля – выковыривали из земли замерзшую картошку... Коля с друзьями готовились к подпольной, партизанской работе. Находили куски листового металла, вырезали из них зубилом кинжалы и затачивали их с двух сторон. Мальчишки научились курить. Они собирали стекла после бомбежки, за это дворники давали им немного махорки. «Мы думали, как полегче достать денег, обсуждали, что и где своровать. Но потом договорились о работе в мастерской по изготовлению музыкальных инструментов. Нам там нравилось – там был приятный «деревянный» запах. А вечером мама сообщила, что устроила меня в театр, учеником в гримерный цех. Я сопротивлялся, но она настаивала, и мне пришлось пойти».

Николай Митрофанович Максимов гримирует Александра Калягина перед спектаклем «Король Убю»

и Колю. Занятия начинались с утра. В цехе висел портрет Льва Толстого. Коле дали задание сделать такую же дивную белую бороду, как у писателя на портрете. Михаил Григорьевич объяснял: «Продаешь крючок в ткань, цепляешь за кольцо из волос, протаскиваешь, завязываешь и выдергиваешь. Несложно, но нужно терпение». «Вот сюда добавь темных волос для оттенка. А тут убери», – подсказывал мастер. Оказывается, борода растет по определенным правилам. Через нее можно передать характер человека. Михаил Григорьевич учил завязывать узелки из волос, объяснял, почему плохо получается и как это исправить. Материал тонкий, и одно неосторожное движение могло свести на нет многодневную работу. В два часа шли на обед. Каждый из учеников получил сто-

ловую карточку, на которую давали первое, второе, чай. Но без хлеба. Все питались одинаково – и актеры, и мастера. В голодные военные годы эти обеды помогли выжить многим сотрудникам. В театральном фойе был буфет. Вечером его заполняла публика, а днем здесь коротали свободное время артисты. Пили чай, кофе, болтали – поэтому тут всегда стоял громкий гул. Однажды вдруг все заговорили: «Владимир Иванович! Владимир Иванович!» Повскакали со своих мест, кинулись в фойе и встали в полукруг. Коля ринулся за ними, встал вместе со всеми и, прижавшись к стене, с любопытством ждал, что будет. Вошел очень красивый старик – бледное лицо, седые волосы и брови. Он был в черном костюме, в белой накрахмаленной сорочке с большой

темной «бабочкой» и в лакированных ботинках с гамашами на шнурках. «Владимир Иванович Немирович-Данченко прямо из больницы приехал в театр, – вспоминает Николай Митрофанович. – Он с каждым здоровался за руку, называя по имени и отчеству. Когда он подошел ко мне, у меня заколотилось сердце, задрожали ноги и руки. Владимир Иванович протянул руку и, ласково улыбаясь, сказал: «Здравствуйте, молодой человек!» Я чуть не упал! Потом он направился к себе – четыре ступеньки из фойе вели в его кабинет. Все смотрели, как он поднимался по лестнице, и разошлись, когда за ним закрылась дверь. Вскоре Немирович-Данченко умер. Инфаркт». На свою первую зарплату Коля купил... банан. На улице Горького, около площади Маяковского, был магазин «Овощи-фрукты»

«Сегодня у гримеров масса технических возможностей. У нас не было профессиональных материалов. Мы должны были из примитива делать золото. Это очень трудно»

«Найти нужный оттенок, смешивая различные тона, может только тот, у кого есть абсолютный гримерный слух»

с красиво оформленными стеклянными витринами. «Я увидел в окне какие-то фрукты и надпись «бананы». Были они очень дороги. Но я никогда таких не ел и купил один. Мне не терпелось попробовать. Отошел в сторону и начал кусать. Не получилось. Тогда нажал изо всей силы, и нечто из середины мне выскочило в рот. Это было что-то божественное! Потом узнал, что надо было чистить. С тех пор банан стал для меня фруктом номер один».

Ученики в театре готовили парики, клей, смешивали краски. В пять часов их отправляли домой, чтобы не мешались под ногами. Через полгода стали посылать по каким-нибудь срочным делам на первый этаж, где гримировались мужчины-артисты. У кого-то ус отклеился, кому-то грим подправить или просто отнести что-либо в гримерку. По

правилам актеры должны быть в театре за 45 минут до начала спектакля, но они приходили намного раньше. В фойе стояли огромные кресла, и там собирались все корифеи. Беседовали, что-то вспоминали, обсуждали. Старики-мхатовцы – Качалов, Грибов, Массальский, Хмелев и другие – сильно отличались по уровню образования и воспитания. «Для нас их разговоры были как лекции в институте, – вспоминает Николай Митрофанович. – Оторваться невозможно. Мы слушали, спрятавшись, чтобы нас не видели. Затем наше «образование» продолжалось в гримерках. Например, Василий Иванович Качалов гримировался рядом с Павлом Владимировичем Массальским. К ним приходили друзья, начинали что-то вспоминать, обмениваться впечатлениями. Другой мир открывался

перед нами. Мы начали читать, думать. Это был мой университет. Все, что во мне есть, заложено этими великими людьми. Они были очень внимательны. В производственных цехах театра было много подростковых учеников. Все ходили чуть ли не в лохмотьях. Василий Иванович Качалов вызывал к себе наших родителей – они работали тут же, в театре. Расспрашивал о жизни, о семье, о работе. Потом давал деньги и диктовал список вещей, которые надо купить для нас. И никогда не проверял. В тот страшный период это было бесценное отношение. Владимир Вячеславович Белокуров часто помогал – давал безвозмездно деньги на лекарства, одежду. Или, бывало, у кого-то украдут, или кто потеряет карточки. Есть же нечего. Узнает об этом Владимир Вячеславович, подходит к бедолаге и говорит: «Ты чего молчишь, голодный ходишь? Пойдем со мной!» Так он кормил людей».

Стены актерских комнат были увешаны фотографиями с дарственными надписями актеров, драматургов, поэтов, музыкантов, писателей. Больше всего их было у Василия Качалова, и мальчишки с интересом их разглядывали. «Василий Иванович Качалов никогда не позволял себе разговаривать на повышенных тонах, даже если ему что-то не нравилось. Он говорил: «Голубчик, но мне кажется, что это было бы лучше так...» К нам, ученикам, актеры обращались только на «вы». И мы старались быть такими же. Во всяком случае, пытались. Однажды, когда я уже гримировал вторые роли, дежурная по этажу позвала меня к телефону. Я торопился, боялся не успеть до начала спектакля, на бегу что-то нервно прокричал в трубку. Проходит мимо меня Василий Иванович Качалов и говорит: «Молодой человек, нехорошо вы так говорите. В театре перед спектаклем должна быть тишина. Надо уважать готовящихся артистов». Мне было страшно стыдно, что так случилось. Твор-

ческая дисциплина в театре была просто потрясающая. Мы знали, что и когда можно или нельзя. Суровые законы Станиславского были всем известны и строго соблюдались. Нас учили этике театра с первого дня». Во время спектакля за сценой запрещали находиться посторонним, кроме министра культуры, членов правительства и офицеров НКВД. «Театр посещали Сталин, члены правительства, иностранные гости. Перед их приходом всегда появлялись эти люди. Всё проверяли. За кулисами, где выходы на сцену – их было три, – обязательно стояли по одному человеку. Следили, чтобы проходили только те, кто играет, и досматривали все, что несут. Однажды шел спектакль про войну. На сцене – линия фронта, бойцы сидят в окопах. У кулисы актер готовился к выходу на сцену. Он сильно нервничал. Только с криком «Ура!» собрался выбежать из-за кулис, как его подхватили под руки энкавэдэшники и потащили к выходу. Потом разобрались, отпустили, извинились, и спектакль продолжился. Мы были театром первой правительственной категории. Анкетные данные сотрудников проверяли досконально. Мастера запрещали нам в театре говорить на политические и другие «опасные» темы. Но мы боялись не столько стукачей, сколько шпионов – поменьше трепаться, враг подслушивает. Поэтому молчок, и не дай бог!»

В свободное от репетиций и спектаклей время ученикам читали лекции в Доме работников искусств. Преподавали эстетику, историю театра, живописи, водили в музеи, рассказывали о художниках, архитекторах и многом другом.

Через пять лет Коле присвоили звание мастера. Он уже не хуже учителей мог наложить грим, делать бороды и усы, шить парики. Но ему понадобятся еще годы, чтобы научиться чувствовать и раскрывать посредством грима внутренний образ героя.

УСПЕХ И СМЯТЕНИЕ

Николая пригласили год поработать гримером в русский театр в Австрии. От такого предложения он не мог отказаться! Это была первая поездка за границу. «Меня потрясло, что проигравшие жили намного лучше победителей. Не было следов войны, – вспоминает Николай Митрофанович. – В магазинах – масса продуктов, мужской и женской одежды любых цветов и фасонов. Поразили трамваи, автомобили, электрички – все было другое. Чистота.

Красивые палисаднички с цветами. И главное – люди. Веселые. Устраивают карнавалы, праздники, радуются жизни. Общаются спокойно, без крика, внимательно относятся друг к другу. В театре платили хорошо, в валюте. Я сшил себе шикарный костюм, потом еще один, купил обувь, пальто, рубашки и много других вещей. Вернулся в Москву западным мужичком и психологически совершенно другим человеком. Я впервые самостоятельно работал и принимал решения. Исчезла неуверенность в себе.

«Для меня главное – все новое. Новый исполнитель, новое решение. Прежде чем предложить образ актеру, я на время становлюсь им, проигрываю его роль»

Последний штрих перед выходом актера на сцену

Я понял, что могу! Это был лучший год в моей жизни».

В театре не хватало актеров на роли молодых ребят. Николаю приходилось выручать. Кем он только не был на сцене! Пограничником, американским летчиком, суворовцем, влюбленным в жену командующего. Пел, танцевал, читал всего Теркина наизусть. Сыграл в шести спектаклях главные роли, публики ничуть не боялся, имел у нее успех и задумался о... смене профессии. Вернувшись в Москву, спросил у своего учителя: «Михаил Григорьевич, может, мне на актера пойти?» Фалеев внимательно сверху вниз – он был очень высокого роста – посмотрел на Колю: «Знаешь, Колечка, я так считаю, что лучше быть хорошим гримером, чем плохим актером». Николай не поменял профессию и через несколько лет благодаря ей нашел свою судьбу. Помогая по просьбе друга гримировать актеров студенческого театра, он познакомился со своей будущей женой.

ТВОРЧЕСКИЕ БУДНИ

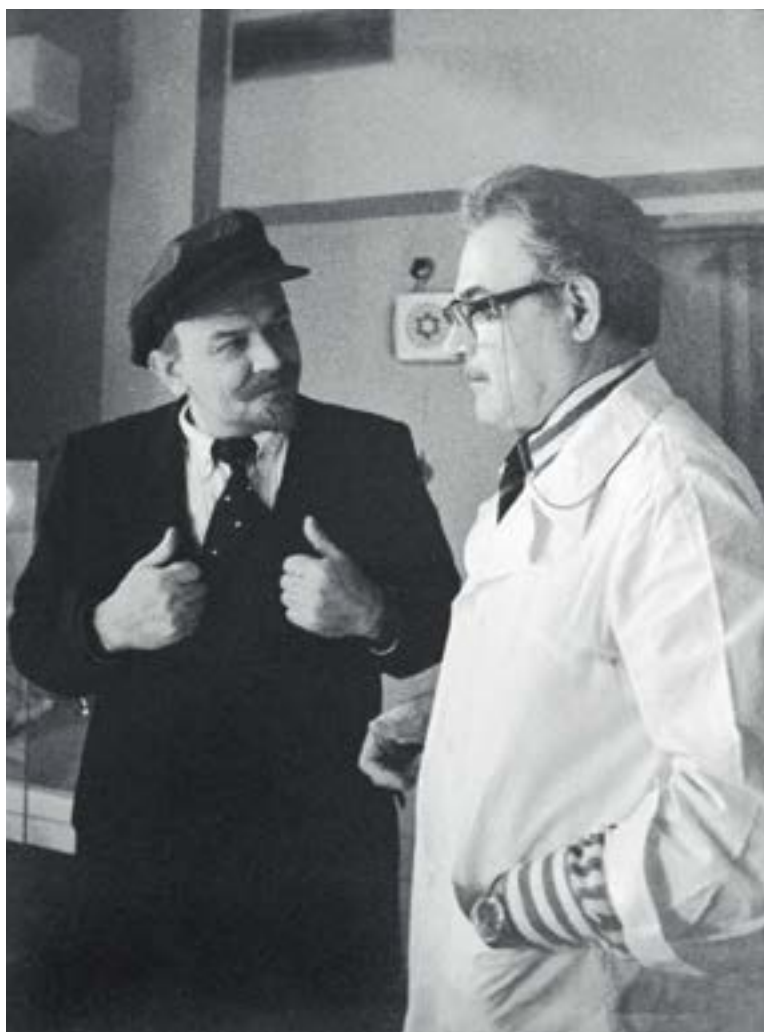
Сын Качалова, Вадим Васильевич Шверубович, декан постановочного факультета, уговорил Николая Митрофановича поступить учиться в Школу-студию МХАТ. Отработав в Художественном театре семнадцать лет, он следующие пять по утрам слушал лекции, а вечером шел на спектакль. После окончания вуза Николая Митрофановича назначили главным художником-гримером и заведующим гримерным цехом. «Корифеи уходили из жизни. После гениев пришла следующая волна, тоже великая – Топорков, Боголюбов, Камолова и другие, – вспоминает Николай Митрофанович. – Но постепенно стала выходить на первый план посредственность и показывать свой характер. Появились демократия в кавычках и такая свобода. Молодые актеры кричали: «Мы имеем право! Мы все умеем!» А профессионально то они еще не могли играть так, как это делали настоящие мхатовцы. Это было началом падения этики Художественного те-

атра. Приходили люди, которые выбрали профессию ради карьеры и денег». На сцене еще шли замечательные спектакли, которые держали марку Художественного театра – «Плоды просвещения», «Глубокая разведка» в постановке Кедрова, «Три сестры» Немировича-Данченко и другие. Но их было мало. В основном ставились новые пьесы о современной жизни, но в них было много надуманного, и спектакли получались такими же. Зрители голосовали ногами – посещаемость резко упала. Тогда острили: «На сцене идет «Дядя Ваня», а в зале сидят всего три сестры!»

Николай Митрофанович считает, что приход в театр Олега Ефремова был спасением для театра. «Я уже был хорошо знаком с Олегом Николаевичем. Помогал с гримом, когда они ставили в «Современнике» первые спектакли. Олега Николаевича сначала не все приняли в Художественном театре». Художественным руководителем должен был стать Ливанов. Но актерская элита теа-

тра боялась его прихода – он не считал нужным заботиться о занятости всей труппы. Актеры собрались на квартире Яншина и решили обратиться к министру культуры Фурцевой с просьбой пригласить в качестве главного режиссера Олега Ефремова. Пока часть труппы вместе с Ливановым была на гастролях в Лондоне, Олега Николаевича назначили главным режиссером. «Мы приехали с гастролей, а в театре новый главный режиссер. С Ливановым стало плохо, он заболел. Все думали, что пройдет. Он перестал появляться в театре, приходил только на свою «Чайку». И через год умер».

После разделения МХАТа на два театра Николай Митрофанович остался с Олегом Ефремовым. Совместная работа с режиссерами Олегом Ефремовым, Львом Додиным, Анатолием Эфросом, Камой Гинкасом, с актерами Иннокентием Смоктуновским, Евгением Евстигнеевым, Олегом Борисовым, Анастасией Вергинской, Олегом Табаковым, Вячеславом Невинным, Ангелиной Степановой, Александром Калягиным, Юрием Богатыревым и другими доставляла удовольствие. «Для меня главное в актере – его способности. Если человек талантлив, то и идеи у него такие же. Не все актеры до такой степени начитанны, умны, прозорливы, и не все могут сочинить себе образ, многие просто ждут, когда я придумаю и предложу им. Затем оценивают, как они будут выглядеть. Если выгодно, то принимают мое решение. Но это все не спонтанно происходит. Я все время сижу на репетициях в первом ряду партера, внимательно слежу за тем, что режиссер требует от артиста, как выстраивает его внутренний образ. Потом ищу: читаю книги, хожу в музеи, смотрю фотографии, репродукции. Мне надо в итоге предложить лучшее, ведь я – мхатовец, значит, должен отдавать театру все – нас так приучили. Мы порой всю ночь что-то переделывали, лишь бы добиться нужного результата, чтобы все было идеально».

ЛЫСЫЙ – САМЫЙ СЛОЖНЫЙ

Самый сложный грим, по мнению Николая Митрофановича, грим Ленина. Это визитная карточка гримера. Главное в гриме Ленина – лысина. С париком или без, если она есть – есть и образ. Сделать лысый парик очень трудно, это под силу только великолепному мастеру. Непросто парик скрыть так, чтобы создавалось впечатление естественности. «Лысины бывают «положительными» и «отрицательными». Если лысина будет «отрицательная», то вместо Ленина получится бомж. Очертания и конфигурацию надо тщательно выстраивать. Все должно быть идеально, иначе сверху тут же по телефону позвонят». Чтобы делать грим Ленина, надо было получить разрешение в Министерстве культуры СССР. Туда отправляли фотографии

загримированного актера, и чиновники определяли, «настоящий» он Ленин или нет. «Я просмотрел два тома фотографий и кинокадров Ленина. На всех снимках он разный и не похож на того Ильича, которого мы привыкли видеть. В народе давно живет представление о внешнем облике Ленина. Оно сформировалось из двух-трех известных фотографий, плаката и главным образом из скульптуры Николая Андреева «Ленин-вождь». Отойти от сложившегося в сознании людей канона уже невозможно».

Из кого только Николай Митрофанович не делал «дедушку Ленина»! Даже гримировал актеров из Узбекистана, Эстонии, Вьетнама. А однажды превратил в вождя пролетариата чернокожего кубинца! Но самым удачным он считает образ Ленина в исполнении Александра

«Через мои руки прошло множество актеров – Лениных, и каждый из них потом получил за эту роль звание заслуженного артиста СССР или народного артиста СССР»

Николай Митрофанович гримирует Александра Калягина перед спектаклем «Так победим!». За создание образа Ленина в этом спектакле Н.М. Максимову присвоили звание «заслуженный деятель искусств РСФСР»

Калягина в спектакле «Так победим!». «Это стопроцентное попадание гримом. Режиссер Олег Ефремов и автор пьесы Шатров считали, что нужно играть без грима и для создания образа достаточно будет пиджака. Но мы с Александром Калягиным переубедили их. Без грима он был бы просто человеком в пиджаке, читающим текст Ленина. Внешнее содержание помогло актеру найти внутреннее состояние и дало ему ощущение того, что он – Ленин. Это был уже не андреевский, а новый, «победимовский» образ вождя». Еще один вождь появлялся на сцена МХАТа – Сталин. В гриме Сталина, по мнению Николая Митрофановича, главное – нос, брови, усы и определенная прическа: красивый бобрик, седина и рыжеватый цвет волос. Тогда образ будет таким, каким его привыкли видеть на портре-

тах или в кино. «Сталин в жизни был другим. Я его видел несколько раз. Он всегда смотрел спектакль из правительственной ложи. Садился в угол, поэтому его не было видно. Только если ему нравился спектакль, он вставал и приветствовал актеров, и в эти минуты его можно было увидеть. Сталина во МХАТе играл народный артист СССР Михаил Геловани. В театре рассказывали, что на обеде в Кремле к Геловани подошел Сталин и сказал: «Спасибо за работу, товарищ Геловани!» В ответ услышал: «Иосиф Виссарионович, а ведь мой Сталин больше похож на Сталина, чем вы». Сталин что-то пошутил и дал указание, чтобы этого артиста больше не звали на банкеты. Когда в 1953 году умер Сталин, я служил в армии. Наша часть стояла на плацу. Все плакали, и я тоже. Сталин для меня тогда был всем.

Вот до какого состояния нас довели. Конечно, мы тогда ничего не знали и были искренни в своих чувствах».

НА ВОЛЬНЫЕ ХЛЕБА

После ухода Олега Ефремова с директорской должности работать стало сложно. Всего не хватало. Грима, волос для изготовления париков, не из чего было шить усы и бороды, любую мелочь приходилось с трудом выбивать. Николай Митрофанович решил уйти из театра. «Мне все говорили: «Старик, из МХАТа только покойников выносят. Ты что, очумел, добровольно уходишь?» Но было уже невозможно работать. Это не жизнь, а каторга была. Ситуация резко ухудшалась. Уже начали сдавать помещения внаем, открывать рестораны и прочее. Поэтому я ушел, несмотря на то, что прослужил в Художественном театре 53 года».

В это время немецкий режиссер Петер Штайн ставил в Москве «Орестею». Ему понадобились гримеры, и Николай Митрофанович начал работать в проекте. Наши специалисты оказались эрудированнее немецких. Те брали все, что им предлагали русские гримеры, которые привыкли решать проблемы простыми и дешевыми способами. С «Орестеей» участники постановки объездили всю Европу, играли в знаменитых греческих театрах.

Когда Александр Калягин создал свой театр, он пригласил Николая Митрофановича к себе главным художником-гримером.

– Что для вас театр? – часто спрашивают Николая Митрофановича.

«Театр научил меня слышать и чувствовать человека. Я как английский газон, который становится таким потому, что его подстригают и поливают в течение четырехсот лет. Мою душу все годы работы в театре питали и наполняли образы и гримы, режиссеры и актеры, художники и композиторы, драматурги и писатели и их великие творения». ■

ТРЮКАЧИ

АВТОР
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТОГРАФИИ
АНДРЕЯ СЕМАШКО

РАЗ В ГОД СТУДИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ТРЮКА «КОЛОВРАТ» ГОРОДА ТОЛЬЯТТИ ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР УЧЕНИКОВ. ЖЕЛАЮЩИХ ПОПРОБОВАТЬ СВОИ СИЛЫ НАХОДИТСЯ НЕМАЛО, НО В ИТОГЕ ОСТАЮТСЯ ЗАНИМАТЬСЯ ЕДИНИЦЫ.

СТЕПАН ЛЮБИМОВ С друзьями пришел записываться в студию после очередного представления «Коловрата»: ребята в костюмах древнерусских воинов падали с высоты, бились на мечах, стреляли из луков и шагали через огонь. Но больше всего зрителей поразила ловкость од-

ного из воинов. Девушки в ли-
сбых шапках стреляли в него из
лука, три стрелы он принимал
на щит, а от остальных уклонял-
ся уже без всякой защиты.
После представления Степан с
друзьями прошли за сцену и ста-
ли просить записать их в студию.
Тот самый уворачивавшийся от
стрел воин, снимая кольчугу,

цепким взглядом осмотрел ре-
бят и предложил прийти в сен-
тябре. Дождались осени вместе
со Степаном только четыре дру-
га. А в итоге заниматься в студии
стал только Степан. Ему тут все
нравилось: и обучение метанию
копья и владению старинным
холодным оружием, и постанов-
ка исторических аттракционов.
Никто не курит, не употребляет
спиртного. Ребята сами мастерят
щиты и мечи, шьют одежду. Ее,
кстати, по рекомендации худо-
жественного руководителя сту-
дии, которым и был тот воин с
цепким взглядом, ребята носят
не только на занятиях, но и дома.
Даже по городу в ней ходят – так
легче к ней привыкнуть, почув-
ствовать себя русским витязем,
скажем, IX века.
Довольно скоро художествен-
ный руководитель «Коловрата»
Константин Ежков стал внима-
тельно присматриваться к Сте-

С такими
соратниками
за спиной
можно смело
идти в поход
на историческую
безграмотность.
За руководите-
лем театра
и студии
исторического
трюка
«Коловрат»
города Тольятти
Константином
Ежковым его
воспитанники:
Руслан Калюгин,
Степан Любимов
и Глеб Парфенов

пану. Все после занятий в душ, а он продолжает жонглировать мечом. Свой меч Степан забирал домой, засыпая, клал его рядом с собой. Такой способ «вживания в образ» Константин рекомендовал новичкам, но далеко не все им пользовались. В итоге Степан оказался лучшим из всего курса в жонглировании мечом. А еще он подбрасывал меч в воздух так, что тот делал три оборота, а потом ловил его за рукоять. Константина это поразило: он сам с трудом мог повторить такой трюк. А у новичка это упражнение получается легко!

Эстрадно-трюковая программа «Каскад» – визитная карточка студии. Обычно новичков в нее не вводят, но для Степана сделали исключение. Он оказался единственным, кто принимал участие во всех трюках студии до окончания полного трехгодичного срока обучения. Правда, успех голову Степану не вскружил, он остался таким же простым и исполнительным, не чурался самой грязной работы, никогда не отказывался ухаживать на выездных семинарах за лошадьми. Никогда не говорил, как другие, что учеба в студии даст ему возможность с помощью трюков «зашибать деньги» в столичных киностудиях. Ежков понял, что нашел человека, которого давно искал в своем родном городе.

ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ КАСКАДЕРОВ

Как в промышленном Тольятти, чья короткая история ассоциируется в основном с автомобильным гигантом АвтоВАЗ и крупнейшим производителем аммиака и азота, появилась единственная на все Поволжье студия исторического трюка, ее основателя Константина Ежкова спрашивают часто. До «Коловрата» Тольятти был известен группой каскадеров, прыгавших на мотоциклах и машинах сквозь огненные кольца. Но о них сегодня почти забыли. Знамя славы города каскадеров и трюкачей подхватил «Коловрат», созданный Константином Ежковым. Бывший учитель физкультуры, мастер спорта по вольной борьбе, входящий в координационный совет Федерации вольной борьбы Тольятти, окончил филиал ГИТИСа по специальности «Актер драматического театра и кино», а потом выучился на режиссера пантомимы и пластического театра. Одновременно изучал русский рукопашный бой, а затем увлекся русской историей.

– Тольятти – новый город, поэтому без исторического прошлого, – объясняет Константин. – Но он ведь расположен рядом с Жигулевскими горами. Тут Волга делает кольцо, получается уникальный ландшафт. На этой тер-

Стрельба из лука – обязательный предмет в обучении. Но при исполнении исторического трюка наконечник заменяется на боевой

ритории жило много славянских племен. Происходили битвы. Это меня интересовало как материал, которым я мог воспользоваться во время визитов со своими студийцами по школам.

...На первое занятие в студию исторического трюка «Коловрат» пришли всего восемь человек. С этими ребятами, которым тогда было всего 12–14 лет, Константин изготовил мечи, костюмы, разучил батальные сценки, вывозил их на природу – на занятия в школе выживания. Обладившись в исторические костюмы, они ходили по школам, показывали сценки из жизни Древней Руси. Константин не переставал удивляться тому, что, как и в его время, в школах по-прежнему скучно преподают историю России, не стараются привить детям любовь к ней. Как раз этого Константин и старался избегать в своей работе в «Коловрате».

В студию Константин принимает всех желающих независимо от возраста, но сразу предупреждает о тяжелых физических нагрузках и требует справку от врача. Занимались у него и инвалиды, и бабушки, и городские пижоны, пришедшие научиться работать со шпагой, чтобы красоваться перед подругами. В итоге оставались те, у кого хватало сил справиться с акробатикой, фехтованием, рукопашным боем, верховой ездой, сценическим движением, актерским мастерством и уцелеть в школе выживания. Так в студии собралась команда каскадеров, способных сотрудничать с театрами и киностудиями в постановке боев и батальных сцен. Дипломы выпускникам подписывает сам президент Гильдии каскадеров России Мухтарбек Кантемиров. Всего через студию прошло полторы тысячи ребят.

Хотя больших киностудий рядом с Тольятти нет, исторический трюк оказался востребован. Пошли на ура городская площадка «Окружная застава» с использованием катапульта и «гуляй-городов», боевой шоу-спектакль под открытым небом «Герои

своих времен», представление «Молодые каскадеры России» и фестивали «От славянских истоков к русской культуре». Но Константин понимал, что рамки трюкачества слишком узки для пропаганды русской истории в родном городе. А еще ему хотелось поменять отношение к «Коловрату». Его давно раздражало, что студию путают с историческим клубом. Он уже не раз слышал пусть восторженные, но, по сути, снисходительные оценки своего творчества. А хотелось, чтобы «Коловрат» воспринимали не как студию цирковых трюкачей, которые забавляют народ прыжками с копьями и стрельбой из лука, а как серьезный исторический театр. И, пожалуй, в этом и заключался самый сложный и тяжелый трюк, главным исполнителем которого Ежков намеревался сделать Степана. Испытывал Константин его разными способами.

Студия каждое лето проводит семинары в лесу, которые порой превращаются в походы на 200 километров. На две недели городские ребята забывают о современной одежде и комфортных условиях. На стоянках реконструируется быт русских дружинников. Даже огонь высекают кресалом. Константин считает, что такое знакомство с исторической древностью позволяет более естественно выполнять трюки. Как-то раз Константин со Степаном перегоняли из Тольятти на место стоянки лагеря в лесу двух верховых лошадей. Ежков показывал, как правильно держаться на лошади, а когда ученик с восторгом высказался о прелестях верховой езды, тут же назначил его отвечать за уход за лошадьми в лагере: кормить, поить, чистить. И это помимо трех ежедневных тренировок.

А затем Ежков взял Степана на выступление в город Заинск, в Татарстан. Каскадерам обещали предоставить там подготовленных лошадей, которые не боятся ни хлопков, ни криков, ни оружия, выученных для джигитовки. Но вместо обещанных скакунов вывели двух запущен-

ных кляч. Пришлось гостям их самим чистить. Бегать лошади могли только по кругу ипподрома, а иногда и вовсе вставали, не желая делать ни шагу вперед. Работа предстояла тяжелая. Вообще-то Константин предполагал нечто подобное, а потому с интересом ожидал реакции Степана на непростую ситуацию. Тот усидел на лошади, выполнил все упражнения без сучка и задоринки. Выступление прошло на ура, но только вот сил у трюкачей совсем не осталось. Степан как сполз с лошади, так и лежал у ее ног. Но не жаловался.

Поездка в Татарстан сильнее сплотила всю команду, а Степан и Константин еще больше подружились. Константин даже поделился со Степаном тем, почему он так стремится воспитать из мальчиков настоящих мужчин и патриотов. В детстве Константин с братом остались без отца, воспитывавшая их мама не хотела, чтобы ее мальчики превратились в «маменькиных сынков». А потому отвела их в секцию вольной борьбы. Та же самая ситуация повторилась и у Степана, который пришел в студию, когда ему исполнилось 14 лет. В тот год его родители развелись, и он тоже остался без отца.

Педагог и актер-каскадер студии «Коловрат» Степан Любимов ведет мастер-классы по пластическим и движеческим дисциплинам

ТРИ СТРЕЛЫ

Если в других городах есть остатки древних руин, крепостных стен с башнями или городского кремля, на фоне которых можно показать свое боевое искусство, то в промышленном Тольятти студийцам «Коловрата» пришлось самим строить деревянную крепость. Специально для нее валили деревья, вывозили их из леса. Командовать работами Ежков поставил юного Степана. Жили в лесу, спали на земле, питались из общего котла, трудились наравне с лесорубами. Даже заслужили от них похвалы. В разобранном виде деревянная крепость хранится на складах в селе Нижнее Санчелеево рядом с Тольятти, а отвечает за ее быструю сборку Степан. На фестивале «От славянских истоков к русской культуре», который ежегодно собирает в Тольятти все исторические клубы России, крепость – главное место действия и предмет зависти коллег.

Конечно, и до Степана у Ежкова были воспитанники, в которых он вкладывал много сил. Руслан Калюгин возглавил местный клуб исторической реконструкции «Волга». Глеб Парфенов создал городское ролевое общество

Творческая
вершина
студии –
пластические
спектакли,
в которых все
понятно без слов

Какой бы образ
Степан Любимов
на себя ни
примерил, его
учитель Ежков
уверен – в своей
главной роли,
его соратника
и едино-
мышленника,
тот останется
навсегда.
Побольше бы
ему таких!

«Арлонд». Пришедшая в студию девчонкой Эльвира Фадерова стала актрисой-каскадером и теперь – педагог и режиссер в студии. Но настоящего соратника Ежков рассмотрел именно в Степане.

«Момент истины» в отношениях ученика и учителя настал неожиданно. В программу очередного открытого фестиваля боевых искусств, который проходил в Тольятти, были включены театрализованные представления и постановочные бои. Студия «Коловрат» показывала номер, которым намеревалась затмить приехавших монахов из знаменитого монастыря Шаолинь. По сюжету молодой воин проходит испытание. В его грудь с небольшого расстояния Ежков мечет из лука настоящие стрелы. Воин должен увернуться от трех стрел, которые должны пробить и расщепить стоящий сзади щит с таким треском, чтобы у зрителей не осталось сомнений в подлинности оружия. Роль воина исполнял, конечно, Степан Любимов. Ежков натянул лук, прицелился и тут... свет в зале неожиданно погас. В крошечной темноте Константин выпустил все три стрелы. Когда свет вспыхнул, то зрители увидели

Константин
Ежков лично
обучает каждого
трюкача
всем уловкам
воинского
искусства

целого и невредимого Степана и бешено заплотировали. Никто не поверил, что отключение света в зале было случайным. Руки после этого номера у Ежкова тряслись весь день. Помимо репутации студии он защитил и свое профессиональное мастерство. Ведь Ежков всегда гордился дисциплиной и техникой безопасности в студии. За все годы существования «Коловрата» никто из его воспитанников не получил ни одной серьезной травмы. А еще после этого случая он понял, что на Степана он может положиться как на самого себя. Но все эти трюки с мечами и стрелами рассчитаны на эффект. А нужно переходить к чему-то большему, где трюк будет уже не целью, а средством. О том, как Степан пришел к такому решению, Ежков мог только догадываться. Может, почувствовал «потолок» в трюках. Может, повлияла учеба на курсах у мастера пантомимы Ильи Рутберга в Мо-

Хотя занятия
проходят
в современных
спортивных
залах,
экипировка
трюкачей
полностью
соответствует
избранной
исторической
эпохе

ске. Может, заставили задуматься разговоры между учителем и учеником. Но отношение Степана к трюку стало меняться. Поэтому когда Степан предложил Ежкову в постановках студии

делать упор на драматическое действие, Ежков про себя подумал: «Наигрался мальчик», а ученику сказал: «Хорошо, что ты сам к этому пришел». Так в Тольятти появился исторический театр.

видит свою цель в нравственном оздоровлении климата родного город путем пропаганды русской истории. У него есть амбициозный проект: снять большой исторический фильм о славянских племенах. На одну из главных ролей он уже определил Степана Любимова, который в свои 23 года имеет два высших образования и учит студентов в студии. Степана даже звали в Москву и обещали роли. Но Ежков не боится, что Степан бросит студию с ее большими проектами и уедет в столицу искать счастья по киностудиям.

...Мы с Константином Ежковым сидим в костюмерной «Коловрата», где хранятся костюмы и оружие. Заходят студийцы, переодеваются после очередного выступления. Они принимали участие в военно-патриотических играх, которые проводились среди городских школ. Студия не отказывается от участия даже в самых небольших мероприятиях и часто делает это безвозмездно...

Звонит кольчуга. Стучат латы. Последним приходит Степан. Сегодня он в качестве викинга развлекал детей, показывал им приемы с мечами, булавами и копьями. Желание метнуть булаву в мишень изъявил великовозрастный детина. Степан ему разрешил. Тот сразу спросил о призе. Степан не растерялся: «Метким будешь!» Парень призадумался и взялся за булаву. Пока ребята смеются, предполагая, как сейчас, наверное, парень в ресторане рассказывает, каким он был сегодня метким, Степан вдруг с большим чувством говорит о маленьких ребятниках. Они восторженно смотрели на Степана и его коллег, просили разрешения прикоснуться к оружию или кольчугам и спрашивали, куда надо записаться, чтобы стать такими же...

Объявления об очередном наборе в студию исторического трюка, вернее, исторического театра, готовы. Скоро их развесьют по всему городу. И Ежков уверен, среди новичков будут и такие ученики, как Степан. После пятнадцати лет деятельности «Коловрата» их не может не быть. ■

Известие о том, что тольяттинские трюкачи вознамерились показать зрителям драматическое действие, вызвало в городе непонимание и удивление. До этого их единственным драматическим спектаклем была пантомима «Чаша», с которой они выступали на местных бульварах или улицах. Но когда в городском театре «Дилижанс» пошел с аншлагами спектакль «Демон» по Лермонтову со Степаном Любимовым в главной роли, то снисходительное отношение поменялось на восторженное. В местной прессе «Демона» называли самым ярким событием в культурной жизни города. Люди приходили за сце-

ну и поздравляли. «Они думали, что мы только мечами можем махать!» – говорил потом довольный Ежков и радовался тому, что выполнил все-таки давно задуманный трюк – изменил отношение к студии. С таким же успехом прошли спектакли с действием из времен Великой Отечественной войны и постановки на основе славянских мифов. Главные роли сыграл Степан. Ежков не удивляется, как тому удастся менять образы и вживаться в каждую новую роль: способности паренька он давно увидел и оценил. Но Константин мыслит масштабно и на спектаклях не собирается останавливаться. Он

По старинным методикам плетет Руслан Калюгин для трюкачей тяжелые кольчуги. А дыры на ней свидетельствуют о том, что мечами рубятся по-настоящему

СЕВЕРНОЕ СЛИЯНИЕ

АВТОР

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

ФОТОГРАФИИ

ДЕНИСА ТЕРЕНТЬЕВА

КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ И ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРИ, БЕЛОЕ И КУБЕНСКОЕ ОЗЕРА, РЕКИ ПОРОЗОВИЦА И МОДЛОНА, СОКОЛЬСКИЙ ЛЕС И БЕЛОЗЕРСКИЙ КАНАЛ – ВСЕ ЭТО ВХОДИТ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК «РУССКИЙ СЕВЕР», РАСПОЛОЖИВШИЙСЯ В 120 КИЛОМЕТРАХ ОТ ВОЛОГДЫ.

Н О МНОГИЕ ТУРИСТЫ приезжают сюда не только для того, чтобы увидеть фрески Дионисия и Модлонское свайное поселение, но и чтобы полюбоваться незабываемыми пейзажами Русского Севера.

ПРАВИЛА КНИГОДЕЛОВ

Про городок Кириллов, прижавшийся к стенам Кирилло-Белозерского монастыря, так и хочется сказать: дескать, время здесь остановилось, деревянные домики крепки и ухоженны, а до исторические «скорые помощи» на базе «бобика» УАЗ смотрятся умильно. На мостках у Свицкого озера женщины полощут белье, а у монастыря десятки участников субботника чистят зеленую зону. В Кириллове нет чужеродных рекламных бликов, гостиница «Русь» и несколько кафе по-советски аскетичны. Но есть нюанс: жить по-другому здесь запрещает закон. В марте 2012 года национальному парку «Русский Север» исполнилось двадцать лет. Он включает в себя не только храмы с прекрасными фресками, но и 30 процен-

тов территории Кирилловского района Вологодчины. На территории парка живет три четверти населения района – 17 тысяч человек. Здесь действуют жесткие ограничения на строительство, на рекламу, на хозяйственную деятельность. Но самое главное – кирилловец не может приватизировать ни свое жилье, ни землю. Соответственно, нет возможности продать имущество и переехать в другой город.

– С одной стороны, мы получаемся вроде крепостных, – рассуждает житель Кириллова Андрей. – С другой – никакие богатые дачники не строят хоромы напротив монастыря, никто не прита-

щил к нам вредные производства, никто не сносит старые дома, чтобы расчистить место под современную застройку. Зато приезжают автобусы с туристами, много иностранцев, дороги хорошие. Работы хватает, и, в общем, протестующих или желающих уехать немного. Хотя вот губернатор Кувшинников к нам приезжал, говорил, что требует внесения поправок в Земельный кодекс.

При входе в Кирилло-Белозерский монастырь через Казанские ворота не видно ни нищих, ни лотков с сувенирами. А сама обитель больше похожа на крепость, каковой в том числе и являлась раньше. Размером монастырь чуть меньше Московского Кремля, его окружают дозорные башни с широкими стенами, по которым свободно проедет джип. Никто не берет денег за вход, не требует «благословения» на фотосъемку. Правда, на территории примостилось несколько музеев: археологии, икон, кухонной утвари.

– На самом деле за этими стенами два монастыря: Большой Успенский и Малый Иоанновский, – рассказывает экскурсовод Татьяна. – Основатель обители монах Кирилл был последователем преподобного Сергия Радонежского, пришел в эти края в 1397 году, отказавшись стать настоятелем Симонова монастыря в Москве. Первое время он жил в землянке и искал явно не власти и комфорта. Выражаясь современным языком, у него была безупречная репутация, которая привлекала к нему десятки учеников. А ког-

В Белозерск наведываются самые разные гости. Например, байкеры

Над Кирилло-Белозерским монастырем всегда необыкновенно красивые облака

да возник монастырь, то рядом с ним выросла слобода, в XVIII веке ставшая городом Кирилловом.

В великом множестве православных святых и подвижников светский человек часто путается и не может припомнить, за какие заслуги кто канонизирован. Про Кирилла Белозерского никто не рассказывает, будто он ходил по воде и исцелял прокаженных. Сведения о святом предельно конкретны, его дела – выражение цельной философской системы.

Кирилл тридцать лет был игуменом монастыря, где ввел жесткие аскетичные правила: за ложь – еда всухомятку в течение недели и 60 поклонов каждый день. За клевету – 40 дней сухих обедов и 80 поклонов. Затаил зло на ближнего – вот тебе две недели сухоядения и по 100 поклонов ежедневно. Игумен Кирилл пытался научить братию осознавать свои пороки: без этого любой рост невозможен, любые лишения бессмысленны. А главная наука – любить друг друга.

При монастыре существовала огромная библиотека: монахи переписывали и изучали книги от киников до физиков. Кстати, Кирилл тоже переписывал книги, соблюдал жесткие послушания, ходил в простой одежде. Хотя он пришел создавать монастырь 60-летним стариком и умер 90 лет от роду. Он похоронен в церкви Кирилла при Успенском соборе, тесной и скромной, без богатых росписей. Саркофаг стоит в углу: кто не знает, тот и внимания на него не обратит.

Мельница напоминает о временах, когда монастырь вел натуральное хозяйство

ЦАРСКАЯ ПЕЧАТЬ

Кирилло-Белозерский монастырь оказался замешан в российскую политику после того, как великий князь Московский Василий III с женой Еленой Глинской приезжали сюда вымалывать наследника. В 1530 году у четы появился сын Иван, ставший впоследствии Грозным. Иван Васильевич монастырь жаловал. Вплоть до времен Петра I сюда ссылались мятежные бояре, они же стано-

вились вкладчиками монастыря, который сильно разбогател: за ним числилась 21 тысяча крестьян в 16 уездах. Но после выхода указа Екатерины II о секуляризации церковных земель все крепостные обители отошли в казну, а в стене монастыря был устроен острог. За это императрицу здесь не любят: якобы с нее начался закат обители.

В период Советского Союза в церкви у Казанских ворот монастыря функционировал водочный завод, цистерны со спиртом стояли прямо на паперти. В архиерейских палатах располагался детский дом, во Введенской церкви был устроен видеосалон, а в церкви Евфимия – спортивный зал. Монашеская жизнь в Иоанновском монастыре, и сейчас отгороженном от туристических тропинок забором, возродилась лишь в 1998 году. И хотя братия о помощи не зывала, те же кирилловцы начали собираться по выходным, приводить в порядок территорию обители, словно вдруг закончилась игра и они все разом повзрослели.

– В советские времена пропала большая часть сокровищ монастыря, в том числе бесценные колокола и иконы, которые забирали в столицу якобы на реставрацию, – рассказывает искусствовед Ирина Теркина. – Зато стали приезжать благородные люди не из наших мест: кто-то передавал в дар иконы, кто-то помогал деньгами, кто-то оставал-

ся при монастыре трудником. Во многих обителях трудники – это бездомные, которым надо где-то перезимовать, а к нам приезжали на личном автотранспорте. Удивительно, но и нравы в самом Кириллове стали добрее: меньше преступлений, меньше пьянства. Монастырь дал работу десяткам людей – это правда. Но многим он также вошел в душу, как ни пафосно это звучит. В 15 километрах от Кириллова основал монастырь монах Ферапонт, товарищ Кирилла Белозерского, вместе с ним пришедший на Север. Ферапонтов монастырь стоит на холме между Бородаевским и Паским озерами, он скромно и изящен. Его история созвучна Кирилло-Белозер-

На территорию, где живет братия, не пускают паломников

Фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре хорошо сохранились...

...А роспись главных врат Кирилло-Белозерского серьезно пострадала

скому монастырю: ссыльные бояре (сам Ферапонт происходил из боярского рода Поскочиных), богатые меценаты и закрытие в 1798 году по распоряжению Синода. Но в одном Ферапонто-ву монастырю точно повезло: в 1502 году собор Рождества Богородицы расписал Дионисий, «иконник хитрый и преизящный», современник Альбрехта Дюрера и Леонардо да Винчи, последователь Андрея Рублева и Феофана Грека. Дионисию было уже за 60 лет, он привел с собой двух сыновей и нескольких подмастерьев. За 34 дня они покрыли удивительными по красоте фресками 600 квадратных метров стен. – Стиль Дионисия – это изящество и легкость рисун-

ка, удлиненные силуэты, подчеркивающие невесомость воздушных фигур, – говорит реставратор Дмитрий Тельнов. – По легенде, мастер собирал в окрестностях монастыря редкие красящие камушки, клал их на палитру и добивался неповторимых оттенков. Не менее важно, что фрески Дионисия дошли до нас без повреждений, после закрытия монастыря про них вообще все забыли на сто лет. Мы начали изучать их в конце 1980-х годов: оказалось, стены собора имеют прочный грунт, и красочные слои отлично сохранились. После того как в войну погибли некоторые новгородские храмы, подобных фресок нигде не осталось.

«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...»

Паломники приезжают небольшими группами и растворяются на огромной территории монастыря

ГОРОД НА ОЗЕРЕ

Помимо Кириллова в этих краях есть только один крупный населенный пункт – Белозерск. Этот городок с населением около 12 тысяч человек – древняя столица Белозерского княжества. Формально он находится за пределами парка «Русский Север», но ни по архитектуре, ни по чистоте разницы не заметно. Ухоженная асфальтированная дорога из Кириллова вдруг сбивается на грунтовку, которая, в свою очередь, упирается в паромную переправу через Шексну. Она работает бесплатно до 18 часов, но об этом ни на одном указателе нет ни слова. Здесь вообще очень немногословные, понятливые и обязательные люди.

Я заказал по Интернету гостиницу, оказавшуюся обычным постоялым двором. Хозяин Павел уже топил баню, хотя никаких предоплат я не делал и даже не предупредил, что задержусь всего на пару часов. Павел показал хозяйство, выдал все необходимое и исчез, не торопясь предьявлять счет.

По проезжей части ходили гуси и куры, но в магазине через дорогу я обнаружил упоминание, что к услугам посетителей работает бесплатный Wi-Fi.

– Город у нас патриархальный и неторопливый, – рассказывает Павел. – Во многих старых домах нет горячей воды, зато у нас одна из лучших в России «коллекций» деревянного зодчества. До Кирилло-Белозерского мона-

стыря 45 километров, и туристические автобусы у нас нечастые гости. Нет туристов – значит, нет ни у кого желания снести старые дома и построить гостиницы. Не представляю, кто бы в них работал: северяне – люди с достоинством, умеющие все на свете делать руками. Я вот в своем хозяйстве и горничная, и истопник, и директор.

Зимой многие здания в городе протапливаются углем, выдающим в морозный воздух запах домашнего уюта. Сердце Белозерска – это его порт, который все здесь называют «пристанью». Канал в ширину метров 20, и пройти по нему еще надо суметь. В Белое озеро выходят только тяжелые сухогрузы и пассажирские круизные теплоходы. Канал, как и всю Мариинскую водную систему, начали проектировать еще при Петре I не от хорошей жизни: деревянные суда десятками разбивали шторма. Недаром в центре городка стоит старинная ладья и памятный камень: Белозерск лет на триста старше Москвы.

И это еще один удивительный русский город, из которого мало кто уезжает, даже молодежь. А если и уезжают учиться, то многие возвращаются. Хотя здесь не открываются биеннале и не проводятся экономические форумы. Просто люди возвращаются туда, где хочется жить. ■

В КОЛЬЦЕ ОАЗИСОВ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСЕЯ МАКЕЕВА

НА ПУТЕШЕСТВИЕ АВТОСТОПОМ ПО ЕГИПТУ МЕНЯ ПОДБИЛИ МОИ ДРУЗЬЯ – ЛЮБИТЕЛИ АРАБСКИХ КОЛОРИТОВ ЖИЗНИ. А АВТОСТОП – ХОРОШИЙ СПОСОБ ОКУНУТЬСЯ В ЭТУ ЖИЗНЬ. ВЕДЬ ВОДИТЕЛИ – ЭТО ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ, НИКАК НЕ СВЯЗАННЫЕ С ТУРИЗМОМ. И ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ ОНИ ПОТОМУ, ЧТО ИМ ИНТЕРЕСНО ПООБЩАТЬСЯ С ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ. ДА И ВООБЩЕ ЗАХОТЕЛОСЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ...

ВЫШЕЛ НА ТРАССУ ПРЯМО ВОЗЛЕ АЭРОПОРТА ХУРГАДЫ и стал голосовать. Просто – открытой ладонью. Говорят, кулак с выставленным вверх большим пальцем – неприличный жест на Востоке. Почти сразу остановился трейлер с двумя по-деревенски простецкими водителями средних лет. Меня тут же принялись угощать сладостями и расспрашивать о жизни в России. Общаться было непросто. Моих знаний арабского языка явно не хватало, а водители знали всего несколько слов на английском. Для лучшего понимания мы активно жестикеровали. Жесты все-таки удивительная вещь. Если за обычный

автостопный знак в арабских странах можно схлопотать пошлее, то за некоторые безобидные египетские жесты не уйдешь живым на просторах европейского мира. Например, жест самого грубого оскорбления, принятый в среде западной шпаны, в Египте означает всего лишь двухлитровую пластиковую бутылку... Мои новые знакомые спросили: «Хочешь чая?» «Конечно, хочу» – ответил я, наивно полагая, что сейчас появится термос, из которого мне нальют кружку чая. Но гостеприимный хозяин грузовика достал приличных размеров газовый баллон, зажег его, налил воды в чайник и поставил его на огонь.

Так сгорели водители – любители чая в пути

Все это происходило на ходу, при скорости 90 километров в час, в трясущей кабине. Я попытался объяснить попутчикам, что это опасно, но в ответ они лишь рассмеялись. Видимо, только из снисходительности к пугливому гостю один из водителей придерживал на поворотах всю эту конструкцию рукой. И только мы испили чайку, как увидели, что на обочине стоит такой же трейлер, но со сгоревшей кабиной. Мои попутчики, перебивая друг друга, стали кричать, слышалось: «Аллах, Аллах»... Остановились. Полицейские, стоявшие возле почерневшей от огня машины, рас-

сказали, как водители из той же транспортной компании спорили живьем...

Полицейские и со мной провели воспитательную беседу. Объяснили, что туристам в Египте можно передвигаться только на такси и туристических автобусах, запрещено ходить без лицензированного гида в пустыню, оставаться на ночь у местных жителей, и даже ночевать в гостиницах для арабов, куда меня хотели пристроить водители, тоже нельзя. Только в отелях для иностранцев. И все это – ради безопасности нас, доверчивых европейцев, которые жизни египетской не знают.

БАХАРИЯ И БЕЛАЯ ПУСТЫНЯ

Ладно, поеду тогда по оазисам пустыни. Изучив карту Египта, можно увидеть своеобразное кольцо из оазисов длиной 1,5 тысячи километров, начинающихся от пирамид Гизы и заканчивающихся в Луксоре. Выглядит очень заманчиво: 300 километров сплошной пустыни, затем оазис, еще 200 километров пустыни – другой оазис и т.д. И общественный транспорт там довольно редко ходит. Поэтому, предположил я, полиция не должна особенно возмущаться вольным путешественником. Путь к первому оазису, Бахарии, наполовину уменьшил мой энтузиазм автостопщика. Подобравший меня возле Гизы бензовоз высадил искателя оазисов на полдороге посреди пустыни и поехал по своим делам на нефтяную вышку. Четыре часа ожидания попутной машины на солнцепеке не прошли даром. Расплывающуюся в струйках горячего воздуха приближающуюся маршрутку я пытался остановить в полуобморочном состоянии, едва стоя на ногах. Но водитель, видно, приняв меня за мираж, проехал мимо. А может, в маршрутке просто не было мест: ведь вещи пассажиров украшали крышу машины внушительной кучей. Из последних сил я стал кричать «Stop!» и махать руками. Метров через 200

Оазис Бахария

маршрутка остановилась и поехала обратно. Сердобольные пассажиры приняли меня в свою тесную компанию и за пять минут вернули к жизни, смочив голову водой и дав пожевать какой-то пряной травы. Весь оставшийся путь меня убеждали в том, что Бахария – это самый лучший оазис: множество горячих источников, финики, манго, крепости, древние храмы... А я лишь мечтал о купании в прохладном озере.

Но когда мы прибыли к Бахарии, я не поверил своим глазам. Вместо плывущих в огненном мареве пальм, окружающих тихое озеро, я увидел местность, застроенную четырехэтажками, бетонные столбы, трубы, магазины и фастфуды... От увиденного я ошеломлен. И хотя пассажиры тянули меня в разные стороны – кто в гостиницы, кто в кафе, – я решил уехать из Бахарии на первой же попутной машине. Разочарование было так велико, что продолжить путешествие я, не раздумывая, согласился на самодельном трехколесном драндулете, похожем на повозку индийского рикши. Правда, египетская конструк-

Древнее
кладбище
у дороги

ция оказалась более интересной. Пока мы ехали, ничем не прикрытый движок плевал мне бензином прямо в лицо, а водитель, ничего не замечая, расплывался в блаженной улыбке и пел веселые арабские песни. На заходе солнца мы прибыли в его родную деревню на окраине Бахарии, после чего араб пересадил меня на старый грузовик, следующий в оазис Фарафара. Путь лежал через «белую пустыню». Не знаю, какого цвета здесь песок днем, ночью же при свете луны пустыня являла совершенно сюрреалистическую картину какой-то неправильно проявленной фотографии, сделанной где-нибудь на Марсе. Я захотел остаться здесь до утра, но водители с помощью красноречивого жеста (ладонью поперек горла) и словами «Али-Баба!» (разбойники значит) дали понять, что это плохая идея. Тогда я показал им купленный в Каире длинный ножик. Посовещавшись, водители заключили: если они остановятся, то грузовик может заглохнуть, а толкать его 100 километров до дома не очень хочется. К тому же «Али-Баба» не дремлет... Но все-таки на подходах к оазису меня высадили, и я спокойно переночевал в Сахаре.

НАЛЕВО ПОЙДЕШЬ – НЕ УТОНЕШЬ

Проснувшись с рассветом, я бодро зашагал по дороге и вскоре уперся в Т-образный перекресток. Ни указателей, ни людей, ни машин. Только древнее кладбище, щетинившееся остовами рассыпавшихся надгробий. Куда идти – непонятно. Пошел налево, потому как коня у меня нет, а с детства, благодаря сказкам, помню: «налево пойдешь – коня потеряешь». На полицейском посту на въезде в оазис шла утренняя трапеза. Стражи, не замечая ничего вокруг, уплетали тушеные бобы фуль, так что я без дополнительных хлопот стал продвигаться вглубь Фарафары. Прошел несколько километров. Все та же картина современного крупного египетского села, тянущегося

вдоль дороги на десятки километров. Удивительно, как быстро цивилизация поглотила оазисы. Ведь первая асфальтовая дорога была проведена в Бахарию только в 70-х годах для разработки крупного месторождения железной руды, открытого, кстати, советскими геологами. А в более удаленных оазисах асфальт появился вообще в конце 80-х – до этого здесь ходили караваны верблюдов...

Следующий оазис, Дакхла, оказался куда приличнее всех остальных оазисов кольца. Конечно, до классического образа еще далеко, но все-таки нет железобетонных коробок, вокруг – потрескавшиеся глинобитные стены и куполообразные резервуары для сбора воды, а на окраине пусть и рукотворное, но все же озеро. Я поставил палатку у самой воды. Любовался сначала закатом солнца, а затем восходом луны. Оазис по-настоящему очаровал. Правда, ночью мне снились сладкие бабушкины пироги и свежий запах леса далекой родины. Но местные агрономы не дали мне досмотреть ностальгический сон: на рассвете искусственный прилив добрался до моей палатки. Полюбоваться на утопающе-европейца сбежалась местная

Оазис Дакхла

детвора. Некоторые, предвкушая долгое представление, пришли со своими циновками.

Местные не забыли настучать и в полицию. В тростниковой хижине, исполнявшей роль полицейского участка, я долго пытался рассказать о своем путешествии, но стражи порядка только тыкали пальцем в карту и назидательно повторяли: «Здесь курорта нет! Здесь арабы, али-бабы, шакалы, скорпионы. И вообще, ты остался жив только благодаря Аллаху...»

ДОЙТИ ДО ДУШ

В оазисе Эль-Кхарга я узнал о древнеегипетском храме Душ, стоящем посреди пустыни без каких-либо признаков цивилизации. По дороге к храму меня

Мой конвой приближается к храму Душ

в очередной раз сдали в полицию. Стражи сначала даже обрадовались заезжему туристу. Однако, узнав, что я не собираюсь заказывать такси и сегодня же возвращаться назад, заволновались. Позвонили начальнику, и тот после долгих раздумий отдал приказ поставить мою палатку на территории пожарной станции. Пожарные же специально для меня решили приготовить какой-то деликатес на примусе. Но в итоге, пытаясь затушить примус, спалили целую стену в комнате и два одеяла. К окутанной дымом пожарной станции начал стекаться народ. Прибежал и главный пожарный. Жестоко обругав подчиненных, он велел всем ложиться спать, а возле моей палатки посадил дежурного, чтобы «из-за этого любителя древних храмов еще чего-нибудь не сгорело».

Утром офицер местной полиции самодично пришел будить меня. Хотел было посадить странного туриста на такси до Луксора, но удалось убедить его, как важен для меня этот храм Душ. Я, может быть, и в Египет приехал только ради этого храма. Сошлись на том, что все 30 километров до храма и обратно меня будут сопровождать полицейские. Но в участке никого, кроме дежурного, не оказалось. Пятница, знаете ли, все ушли молиться. Тогда офицер вызвал двух молодцов с пожарной станции, выдал им, на всякий пожарный, по пистолету и велел охранять меня. Первый провожатый, юркий и хваткий, сунул пистолет за пояс. Другой, спокойный лопухий мужичок, оказался куда хозяйственней. Сообразив, что путь до храма неблизкий, он купил на базаре хлеба, помидоров, огурцов и фиников. Положил все это в пакет, туда же бросил и пистолет. Добирались, естественно, на попутках, что мой конвой сильно огорчило. Из-за отсутствия какого-либо транспорта мы прошли пешком километров 10. А затем появился продавец настенных полок на красном грузовичке. С помощью большого мегафона торговец сообщал на всю

Храм Душ

пустыню, что никто не может обойтись без его чудо-полок. Но с покупателями было туго. Обоженный бизнесмен, помянув шайтана, повернул назад. Но все же успел подвезти нас. Большая часть пути была позади. Пристроившись к трем попутным осликам, мы добрались до деревни, на карте не обозначенной. Здесь нет ни современных домов, ни электричества. Только финиковые пальмы, глиняные хижины, тростниковые плетни и уютное голубое озеро. До храма оставалось еще 5 километров бездорожья. Быстро умяли продукты из пакета, в котором теперь болтался один пистолет. Точной дороги никто не знал, так что мы еще долго плутали, увязнув в песках. Но до храма все-таки добрались. Увы, особого интереса храм не представлял: несуразные стены и камни на вершине горы. И если не знать, что это храм, то и пройдешь мимо, приняв его за осыпавшуюся скалу. Зато у подножия храмовой горы мы обнаружили... сторожа. Пробудившись ото сна, он едва не набросился на нас с кулаками: почему это мы пришли с пустыми руками, даже ничего съедобного ему не принесли? А пистолетов у него и самого хватает...

«Бедуинская деревня»... для туристов в оазисе Дакхла

«АРАБСКАЯ МАШИНА»

Транспорта ждать было неоткуда, и я предложил возвращаться назад пешком по короткой дороге – через пески. Всего 20 километров. Парни запротестовали. Показывали кровавые мозоли на ногах и уверяли, что идти дальше не могут. Немного поковыляв за мной для вида, провожатые вернулись назад к храму, а я пообещал выслать за ними машину. В этот день моему конвою повезло больше, чем мне: какой-то «новый египтянин» задумал покататься по пустыне на своем джипе. Заехал и в храм Душ, откуда забрал всех, включая сторожа. Таким образом, конвойные прибыли в полицейский участок раньше меня и успели пожаловаться: я якобы сильно издевал-

ся над ними. В доказательство своих слов они демонстрировали стертые в кровь ноги и очумевшего сторожа. Так что полицейские, от греха подальше, усадили меня в такси, следующее в Эль-Кхаргу, причем офицер дал водителю строгие указания насчет пассажира. Поэтому как только мы доехали до оазиса, я выскочил, не дожидаясь конечной остановки, сказал, что все здесь знаю, и быстро пошел во дворы. Но водитель вылез из машины и бросился за мной в погоню. Эль-Кхарга хоть и называется оазисом, но на деле – это настоящий город с целыми кварталами многоэтажной застройки, супермаркетами и банкоматами. Но долго бегать по улицам оазиса мне не пришлось. Своими криками водитель привлек немало народа, меня совместными усилиями поймали и снова посадили в машину.

Водитель, конечно, привез меня в полицейский участок, где на арабо-англо-русском я долго пытался объяснить, что такое автостоп, говорил, что такой вид путешествия предполагает передвижение на местных машинах с местными же людьми... Вдруг один из полицейских резко сказал: «Я понял!» и предложил следовать за ним.

Выйдя на улицу, понятливый страж поймал первую попавшуюся маршрутку, сказал мне: «Это арабская машина» и приказал сесть в нее. Затем переговорил с водителем, и мы тронулись. Но... полицейская машина шла впереди, таксист неуклонно следовал за нею. Напрасно пассажиры ора-

ли на водителя, что он едет не по тому маршруту, и барабанили в дверь, желая выйти...

Под проклятия пассажиров меня довели до выезда из города. Там меня пересадили еще в одну «арабскую машину». Это действительно была машина так машина: пикап с двумя лавками, крытый брезентом. Вперемежку с мешками, баранами и пастухами, пытавшимися посадить меня прямо на ходу, мы добрались до следующего полицейского поста. К встрече со мной здесь уже подготовились. Налили чаю, накормили яичницей, передали по рации, что «груз» доставлен. Затем сообщили, что по трассе на Луксор иностранцам ездить запрещено. В общем, на «арабском бензовозе» меня отправили по другой дороге, через Асьют...

ЕГИПЕТСКАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Напоследок я решил испытать еще одну сторону жизни простого египтянина – проехаться на поезде третьим классом. Правда, на Луксорском вокзале билет на поезд мне продать отказались и вызвали полицию. Но появившийся полицейский как-то вяло на меня реагировал, так что я без труда затерся в толпу на платформе. Египетский третий класс представляет собой почти точную копию наших пригородных электричек, разве что скамейки

пластиковые, в окнах нет стекла, а входные двери – всегда нараспашку. В Луксоре народ заполнил вагон почти до отказа. Но вот распределение мест здесь поразительное. На лавках спят главным образом дети. Причем ребенок иногда лежит, занимая сразу два места. А в плотной толпе стоят рядом и женщины, и пожилые люди. На узких решетчатых багажных полках тоже спят пассажиры. Некоторые спят на своих чемоданах и даже ругаются, чтобы их сильно не заваливали баулами. Но больше всего меня поразил огромный египтянин, килограммов 140 весом. Он сладко спал на багажной полке, ни разу за всю дорогу оттуда не вывалившись.

В таком вагоне мне предстояло ехать всю ночь до Каира. При этом спать стоя, как египтяне, я не мог. Поэтому когда в вагоне показались контролеры, я успокоился. Еще в Москве мне рассказывали, что если и удастся европейцу сесть в третий класс, то долго он там не задержится. Первые же контролеры выводят туристов из вагона к полицейским, сопровождающим поезд и сидящим на отдельной скамейке. Однако контролер спокойно взял деньги, выписал мне билет и пошел дальше... Пришлось попробовать научиться спать стоя. Но я то валился на

соседей, которые невозмутимо подхватывали меня и ставили обратно, то больно бился об угол сиденья, когда во сне у меня подгибались колени. Уже хотел выйти на ближайшей станции, чтобы где-нибудь поспать, как вдруг обнаружил никем не занятое место. Свободное пространство под лавками еще никто не догадался использовать. А места там вполне хватало, чтобы улечься средних габаритов человеку. Конечно, жутко пыльно, но спать хотелось сильнее. Я вытер пыль, постелил коврик и к изумлению окружающих забрался под лавку. Почти как в каком-нибудь склепе, где ночует немалая часть каирских жителей. Только здесь еще нужно колени подгибать... Сверху сыпался какой-то песок, я накрылся большим арабским платком и отключился.

Когда с рассветом на подъезде к Каиру пассажиры в вагоне начали просыпаться, я вылез из своего укрытия. И только тут заметил сорокалетнего невысокого человека с каким-то удивительно родным выражением лица. И не ошибся: Антон оказался студентом Каирского исламского университета. – Вы, – говорю, – тоже стоя спали? – Спать не спал, а так – дремал, – ответил Антон. – Здесь вся жизнь такая, совсем не расслабишься. ■

Выезд из Бахари
в сторону Каира.
Гудбай, оазисы,
гудбай...